

Цви (Григорий) Самойлович Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Веб-публикация: редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2009. Орфография оригинала сохранена.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Страстные споры о Дантоне продолжают вот уже полтора столетия, со времени его процесса. И тем не менее один из последних биографов Дантона, Луи Барту, утверждал, что "история до сих пор стоит перед загадкой". В оценке Дантона существуют самые резкие расхождения — для одних он является героем революции, организатором национальной обороны, руководителем народных движений в самые критические моменты, в частности 10 августа 1792 года при свержении монархии; для других Дантон только подкупленный авантюрист, не оказавший никаких сколько-нибудь существенных услуг революции. Эта точка зрения господствовала среди историков первой половины XIX века. Так, по мнению Жюлья Мишле, он был только "наемным убийцей из числа мятежников, заставлявших платить себе за спасение двора". В годы Третьей республики эта оценка изменилась — буржуазные республиканцы склонны были более примирительно относиться к некоторым фактам, бросавшим явную тень на моральную репутацию Дантона. В противовес "неподкупному" Робеспьеру, все поведение которого могло служить явным укором нравам буржуазной республики, укрепилась своеобразная "легенда о Дантоне". Виднейший историк того времени Альфонс Олар видел именно в нем центральную фигуру революции.

Против этой "легенды о Дантоне" выступил в начале XX века блестящий исследователь, основатель Робеспьеристского общества Альбер Матьез. Со всем присущим ему страстным темпераментом, трудолюбием и научной основательностью Матьез потратил больше двух десятилетий на упорные поиски доказательств "продажности" Дантона. Глубоко ненавидя буржуазных политических дельцов Третьей республики, А.Матьез видел именно в Дантоне воплощение этого типа "беспринципного низкопробного авантюриста". В десятках книг, в сотнях больших и малых исторических этюдов и заметок Матьез упорно собирал улики и доказательства, чтобы уничтожить эту легенду.

Во многом Матьез был прав. Некоторые вновь обнаруженные им или по-новому обоснованные доказательства "продажности" Дантона представляются почти неопровержимыми. Матьез показал также, что в некоторые критические моменты революции Дантон уходил от ответственности или занимал очень уклончивую позицию. Будучи автором или одним из авторов петиции 16 июля 1791 года на Марсовом поле, носившей явно орлеанистский характер, он уезжает из Парижа 17 июля, зная о том, что предстоит расстрел республиканской демонстрации. Его позиция во время процесса короля более чем сомнительна. Веские доказательства, приведенные Матьезом, убеждают в том, что он действительно вел переговоры — и кто может судить, насколько бескорыстные? — о спасении Короля. Чисто по-дантоновски звучит фраза, сказанная им Теодору Ламету (ее часто приводил Матьез): "Если я потеряю всякую надежду, я заявляю вам: не желая, чтобы моя голова пала вместе с его головой (Людовика XVI. — В.Д.), я буду среди тех, кто его осудит".

И все же к Матьезу можно применить французскую поговорку: "Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает". Утверждение Матьеза, что Дантон не оказал никаких существенных услуг революции, являлось явным и несомненным преувеличением. Его огромную роль в августе-сентябре 1792 года не может отрицать и сам Матьез.

Г.С.Фридлянд в своей книге, возражая против этих преувеличений Матьеза, с полным основанием напоминал слова Ленина в его знаменитых "Советах постороннего", написанных накануне Октябрьской революции: "Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами "величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, и еще раз смелость"¹.

Маркс великолепно знал все слабости Дантона, считал его фактическим вождем Болота в Конвенте, но это, как мы видим, не мешало ему высоко ценить ту роль, которую Дантон действительно играл в переломные моменты революции, вплоть до весны 1793 года.

Именно так судит о роли Дантона крупнейший историк Французской революции, недавно скончавшийся Жорж Лефевр, согласившийся с целым рядом убедительных доводов Матьеза, но отвергнувший его общую слишком одностороннюю и неверную оценку. Статья Ж.Лефевра "О Дантоне" может считаться более или менее окончательным выводом, к которому в основном пришла историческая наука².

В советской исторической литературе наиболее серьезным и, пожалуй, единственным научным исследованием, посвященным Дантону, является книга Г.С.Фридлянда. Она вышла впервые в 1934 году, очень быстро разошлась и в 1935 году была переиздана. Ее сейчас мы и рекомендуем вниманию нашего читателя.

Григорий Самойлович Фридлянд (1896—1941) принадлежал к плеяде талантливых историков-марксистов, вся жизнь и деятельность которых была связана с Октябрьской революцией. Сын рабочего-щетинщика, он по окончании гимназии в Минске, не имея возможности поступить в университет, учился в своеобразной "вольной академии" — Петроградском психоневрологическом институте, где занималось много будущих видных деятелей революции. Революция прервала его занятия — весь 1917 год он активно работал при Петроградском Совете, отправился затем на родину в Белоруссию, где был членом Центрального Исполнительного комитета (ЦИК) Литовско-Белорусской республики, вскоре павшей под ударами интервенции³. Участник гражданской войны, коммунист с 1921 года, Г.С.Фридлянд сейчас же по окончании военных действий возвращается к науке. Одно время он обучался в только что тогда созданном Институте красной профессуры. Уже в ноябре 1922 года по рекомендации М.Н.Покровского и А.Н.Савина он зачисляется сотрудником Научно-исследовательского института истории при МГУ⁴. Позднее он ведет педагогическую работу в Академии Генерального штаба, в Академии социального воспитания, в Коммунистическом университете народов Запада. Но больше всего времени он уделяет преподаванию в тогдашней основной кузнице коммунистических кадров — Университете им.Я.М.Свердлова, знаменитой "Свердловке". Здесь Фридлянд вел лекционные курсы, заведовал кафедрой истории Запада⁵. В это же время он написал два тома учебника по истории Западной Европы, пользовавшегося в тот период широкой известностью, и совместно с А.Г.Слущким составил хрестоматию по истории революционного движения на Западе, выдержавшую шесть изданий и служившую долгое время основным учебным пособием в совпартшколах и комуниверситетах⁶. Один из организаторов общества историков-марксистов, член его президиума и редакционной коллегии журнала "Историк-марксист", Фридлянд играл видную роль в сплочении историков в Советском Союзе. На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов он выступил в секции западной истории с одним из основных докладов. Активное участие принимал Г.С.Фридлянд в работе Института Маркса и Энгельса, где он был старшим научным сотрудником.

После решения ЦК партии и Совета Народных Комиссаров о восстановлении исторических факультетов в университетах он был назначен первым деканом исторического факультета Московского государственного университета. Неоднократно совместно с В.П.Волгиным он представлял советских историков на сессиях Международного исторического комитета.

Сферой специальных научных интересов Г.С.Фридлянда была история Великой французской революции⁷. В этой области он выступил с целым рядом серьезных работ, завершением которых явилась капитальная монография "Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII века"⁸. Несмотря на то, что книга содержала ряд спорных положений, она получила высокую оценку специалистов, в частности одного из наиболее известных биографов Марата, Луи Готшалка, признавшего, что исследование Фридлянда является наиболее ценной и основательной работой об идейном наследии Марата.

Крупнейший знаток истории французской революции, Г.С.Фридлянд не мог не заинтересоваться спорами вокруг Дантона. В результате появилась его книга о Дантоне. Она очень существенно отличается от его монографии о Марате, рассчитанной на специалистов и написанной по всем строжайшим правилам научного исследования. "Дантон" рассчитан на массового читателя, и то, что книга так быстро разошлась в двух изданиях, доказывает, как высоко оценил ее читатель. Но историк не может не заметить, что, несмотря на популярную и живую форму изложения, и эта книга Г.С.Фридлянда представляет собой серьезное и оригинальное научное исследование. В книге нет ссылок, но она основана на первоисточниках и на очень тщательном изучении всей литературы вопроса.

Высоко оценивая А.Матьеза и его работы, Г.С.Фридлянд в вопросе о роли Дантона довольно резко с ним разошелся. Он далек от идеализации Дантона, он хорошо видит все его слабости, но он правильно характеризует его как "великого деятеля революции". Он особенно высоко оценивает роль Дантона в августе-сентябре 1792 года. Страницы книги, посвященные Парижу в эти дни, написаны особенно ярко и впечатляюще: "Только мы, пережившие гражданскую войну, можем себе представить картину Парижа в ночь с 29 на 30 августа". Г.С.Фридлянд обращает в то же время внимание на то, что в эти осенние месяцы Дантон, произносивший вдохновенные речи и призывавший к "смелости", находил время на приобретение национальных имуществ и оформление нотариальных договоров на свои покупки.

В своих выводах Г.С. Фридлянд стоит в общем и целом на тех же позициях, что и Ж.Лефевр. В этом смысле книга, написанная 30 лет назад, не устарела: взгляды автора совпадают с теми конечными обобщениями, к которым пришла современная прогрессивная зарубежная и советская историческая наука.

Однако нельзя не отметить некоторые спорные положения, иногда противоречия. Автор правильно оценивает Дантона как демократа, как деятеля при всем свойственном ему оппортунизме в решающие моменты связанного с народным движением. Но этой общей верной оценке противоречат некоторые положения. Был ли Дантон накануне революции "типичным либеральным буржуа, не обремененным революционными принципами"? Его активное участие в известной масонской ложе "Девяти сестер", членами которой были многие видные деятели революции, его демократическая позиция в первые недели и месяцы революции едва ли это подтверждают. Г.С.Фридлянд одним из первых в исторической литературе подчеркнул роль Дантона в защите Марата в январе 1790 года, приведшую к "делу Дантона". Но пытался ли он тогда только "направить революционное движение по руслу легальной борьбы"? Нам это представляется сомнительным — во всяком случае, как теперь стало известно, Бабеф чрезвычайно высоко ценил деятельность Дантона в этот период и считал его "украшением наиболее патриотических и достойных уважения собраний столицы".

Трудно также согласиться с тем, что политическая программа Дантона была программой либеральной буржуазии. Чем же тогда объяснить его расхождения с признанными идеологами и политиками либеральной буржуазии, в том числе и с жирондистами? Наконец, показав роль Дантона в августе-сентябре 1792 года, как можно утверждать, что он "в это грозное время оставался надеждой всех умеренных буржуа"? Что Дантон спас несколько умеренно-либеральных деятелей, в том числе Александра Ламета, дав им уехать из Франции, — это бесспорно. Но все же в эти месяцы Дантон гораздо чаще и гораздо больше вызывал у умеренных бешеную ненависть, чем надежду.

Внимательный читатель увидит также, что в оценке некоторых направлений, например эбертистов, точка зрения автора несколько расходится со взглядами советских историков.

Г.С.Фридлянд был вырван из среды советских историков, когда ему не исполнилось еще и 40 лет. К этому времени он успел уже сделать и написать чрезвычайно много. Напряженная обстановка, в которой он работал, стремление успеть сделать возможно больше накладывали известный отпечаток на его произведения — в них были противоречия, ошибки, иногда фактические неточности. Но это работы очень талантливого и увлекающегося человека, глубоко верившего в марксизм как единственный научный метод исторического исследования. На трудах Г.С. Фридлянда бесспорно лежит "виза времени". Но тем интереснее нашему новому читателю и молодому советскому историку познакомиться с работой одного из зачинателей советской исторической науки.

д. ист. н. Виктор Моисеевич Далин

1. В.И Ленин. Полн. собр. соч., т.34, стр.383.
2. G.Lefebvre. Sur Danton. — "Etudes sur la R?volution fran?aise". Paris, 1963, p.53—108.
3. См. ЦГАОР, ф. 5221, оп. 31, д. 904, л.1, 5.
4. См. Архив МГУ, д.214, л.11.
5. ЦГАОР, ф. 5221, оп. 39, д.904, л.27.
6. Ц.Фридлянд. История Западной Европы (1789—1914), ч.1, 1923; 2-е перераб. изд. — 1928; ч.2 — 1930; Ц.Фридлянд и А.Слущкий. История революционного движения Западной Европы (1789—1914). Хрестоматия (1-е изд. — 1924; 6-е изд. — 1931).
7. Ц.Фридлянд. Марат до Великой французской революции. М., 1926 ([полный текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf)); он же. Классовая борьба в июне-июле 1793 г. (Якобинцы против Марата, Марат против Жака Ру). — "Историк-марксист", 1926, № 1, 2 (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl93.pdf>); он же. Девятое термидора. — "Историк-марксист", 1928, № 7 (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf); он же. Итоги изучения Великой французской революции в СССР за 10 лет (Доклад на Всесоюзной конференции историков-марксистов). М.. 1930.
8. Ц.Фридлянд. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII века. М., 1934; 2-е изд., с предисловием А.З.Манфреда. М., 1959; см. также Ж.-П.Марат. Памфлеты. М., 1934 (под редакцией Ц.Фридлянда и с его предисловием — полный текст: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat1.pdf>).

Подборка материалов о Ц.С.Фридлянде: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl>

Подборка материалов о Ж.-Ж.Дантоне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

Г. С. Фидлянд

ДАНТОН

*Посвящаю
ДОЧЕРИ МОЕЙ ИДЕ*

ДАНТОН до РЕВОЛЮЦИИ (1759-1789)

В небольшом провинциальном городке Шампани на реке — Об, в Арси-сюр-Об, 26 октября 1759 года родился Жорж-Жак Дантон.

Его дед еще в 1760 году был крестьянином-земледельцем, Он упорно обрабатывал землю недалеко от Арси, в большой деревне Пленси. Зажиточный крестьянин, дед стремился дать своим детям образование, и один из его сыновей, отец Жорж-Жака, в 1750 году явился в Арси и сделался судебским чиновником. Вскоре он был назначен местным прокурором и обзавелся довольно приличным домом. Семья Дантонов была типичной кулацкой крестьянской семьей, органически связанной с местной буржуазией. Мать Жорж-Жака Дантона Мадлен Камюс была дочерью подрядчика строительных работ, братья ее отца были почтенными буржуа. Один из них содержал почту в Труа — областном центре Шампани, — другой был торговцем; из всей семьи только один был священником. Когда в 1762 году отец Дантона умер, его мать вышла вторично замуж за мастера-ткача Рекордена, средней руки буржуа, чьи дела пошатнулись только после заключения англо-французского договора 1786 года, когда французские промышленники потерпели жестокое поражение в конкурентной борьбе с Англией.

О детстве Дантона мы знаем мало. Скучные сведения оставили нам о его детстве два сверстника-земляка. Дантон был малоприлежным мальчиком; река, поле и улица привлекали его больше, чем школа, латинская грамматика и история.

По обычаю крестьян того времени, обычаю, который сохранился и в провинциальных буржуазных семьях, его кормилицей была корова, и однажды, когда бык, встревоженный мирной сценой кормления будущего трибуна революции, напал на них, маленький Дантон остался на месте с рассеченной губой. Второй раз, спустя два года, бык сломал ему нос, а через некоторое время мальчик был основательно помят, гоняясь за стадом взбешенных свиней. Однажды, бросив школьные занятия, Жак выкупался в холодной воде своей любимой реки, опасно заболел и, не успев оправиться, стал жертвой оспы; ее следы остались на всю его жизнь. Впрочем, следы оспы были на лице Мирабо, Камилла Демулена и Робеспьера.

До восьми лет Дантон не получал систематического образования. Познания, полученные им от воспитательницы, были поистине ничтожны; вступив в школу, он почувствовал, что для него началась новая жизнь. Его буйный нрав не смирился. О нем рассказывают, что ежедневная порция вина, которую получали школьники, согласно местному обычаю, была для него недостаточна. Он пытался заполучить порции своих товарищей и преуспевал в этом. Любимым занятием Дантона в эти годы были уличные сражения с деревенскими мальчишками в поле, за чертой города.

К 12 годам кончилась его первая школа, и мать отправила мальчика учиться в Труа в коллеж монастыря ора토리анцев. Двенадцатилетний Жак в 1772 году впервые попал в большой город. Арси был по сравнению с Труа жалкой провинцией. В Арси жило всего 2800 человек, в Труа было больше 30 тыс. Арси-сюр-Об — типичный провинциальный город XVIII столетия. Вот как описывает этот город Бальзак в своем знаменитом романе "Депутат из Арси":

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

"В шести лье от Труа по большой дороге в Париж, недалеко от селения по названию Бель Этуаль, начиналось департаментское шоссе, которое вело к городу Арси через широкие долины, где Сена образовывала узкую зеленую ленту, окаймленную тополями, прорезывая белизну меловых земель Шампани. Дорога, соединяющая Арси и Труа, длиной в шесть миль, представляет собой как бы арку, на одной стороне которой расположен Арси, на другой Труа. Это и есть наиболее короткий путь из Парижа в Арси... Река Об судоходна только между Арси и местом ее впадения в Сену. Город Арси отделен от Труа монотонными пространствами и как бы потерян среди широких земель Шампани. Здесь нет торговли ни по суше, ни по реке... Арси — город целиком изолированный. Путешественники в карете проезжают по дороге, несколько отдаленной от города... Все жители в городе прекрасно знают друг друга. Они знают и тех торговцев, которые приезжают сюда по поручению парижских фирм. Как во всех городах провинции, небольших по размерам, всякий приезжий становится предметом толков и пересудов; стоит ему здесь остаться на один или два дня, и скоро станет известно: его имя, и кто он, и что он намерен делать. Тишина царит в Арси".

Крупный торгово-промышленный центр Франции, Труа, древняя столица Шампани, был единственным большим городом области — торговым центром и местом ярмарок. В XVII веке Труа достиг процветания, и только изгнание протестантов, изъявшее из города 12 тысяч буржуа, несколько ослабило его торгово-промышленное значение. Старинный город полон величественных зданий. Собор насчитывал более 400 лет, а древнее аббатство заключало в себе богатейшую библиотеку провинции и разные музейные коллекции. Город примыкал к реке Об, на которой возвышалось обширное здание аббатства Клерво. Каждого приехавшего в Труа прежде всего поражало обилие церквей и духовенства. Нельзя было пройти по улицам города, чтобы не встретить попа или офицера... Вокруг собора расположены были владения монастырей и широкие сады. Монастыри кордельеров, якобинцев, капуцинов, ораторианцев занимали огромные пространства и отличались богатством и красотой. Владения церкви примыкали к старинным дворцам местной знати. В центре города находилась ратуша — оплот торговой и промышленной жизни края.

Школа ордена ораторианцев была знаменита в крае, хотя и не отличалась богатством. Главное внимание здесь уделяли изучению древних авторов и прежде всего риторике. Профессор риторики Беранже — будущий приятель Дантона в Париже в годы революции, знакомил его с классическими образцами античной литературы, но школьник и здесь не отличался особым усердием. Когда однажды между профессором риторики и его учеником Паре, будущим министром внутренних дел в сентябрьском кабинете Дантона (1792), произошло столкновение, Дантон организовал протест ребят. За непокорный нрав его называли в школе бунтарем и даже "республиканцем".

11 июля 1775 года в Реймсе должно было состояться коронавание Людовика XVI. Дантон захотел увидеть, "как делают королей". Он поспешил удрать из школы, присутствовал при церемонии коронавания и, если верить сверстникам, запомнил торжественную клятву короля: "царствовать именем закона и во имя счастья нации". Но историк Олар доказал, что это — легенда: клятва короля не включает подобной формулы. Людовик XVI не мог обещать царствовать именем закона, он управлял страной как самодержец вплоть до самой революции.

Реймс поразил подростка. Если Арси был ничтожным провинциальным городишком, если Труа был крупным областным центром, то Реймс был одним из самых больших и интересных городов тогдашней Франции. Один из старейших городов, сохранивший следы римских поселений, Реймс провозглашен был "священным"; и здесь, в этом городе новой промышленности, в продолжение многих столетий до самой революции короновались французские короли.

Реймский собор — чудо архитектуры — был заложен еще в XIII столетии, его величие и великолепие не могли не поразить юного Дантона. Реймский собор был не единственным прекрасным зданием в этом старинном городе. Промышленный Реймс уже в XVIII веке отличался благоустройством — по крайней мере в центре; на окраинах были расположены ткацкие и прядильные мастерские. В Арси царила тишина. Реймс был городом шумным и великолепным.

Дантон пробыл в Реймсе несколько дней. Он поспешил вернуться в Труа, где о его бегстве в Реймс знали только немногие. Он даже не остановился по дороге в Арси у матери, боясь наказания. 28 лье, отделяющие Реймс от Труа, Жак сделал с невероятной быстротой. В школе ему простили бегство только за увлекательные рассказы о коронации.

Еще несколько лет он оставался в Труа, обучаясь латыни и всякой школьной премудрости. Не подлежит сомнению, что древние авторы оказали немалое влияние на Дантона, как, впрочем, и на всех остальных его современников. Исторические примеры древнего Рима, образцы ораторского искусства великих мастеров античного красноречия — все это впитывало в себя буржуазное юношество в школах XVIII века. Школа ораторианцев была в этом смысле одной из наиболее свободных, и профессор риторики Беранже не мог не поселить в своем ученике любви к античным мастерам слова. По-видимому, сверстники Дантона не ошибаются, утверждая, что его любимым автором был историк Тит Ливий. Впоследствии Дантон в своих выступлениях обнаружил

знание античных авторов и нередко в своих импровизациях обращался к школьным воспоминаниям.

Сила Тита Ливия была в красноречии. В его изложении все страсти политической борьбы принимали ораторскую форму, Юный Дантон с восторгом слушал следующую филиппику Ливия о поединке Горациев: "С оружием, направленным друг против друга, словно боевые отряды, сходятся по трое юношей с каждой стороны, соединяя в себе отвагу двух больших войск. И тем и другим рисуется в душе не собственная опасность, но владычество или рабство государства". Или речь Фабия: "Так как для тебя ни воля сената, ни годы того, кого собираешься оставить бездетным, ни мужество и знатность начальника конницы, утвержденного тобой самим, не имеют значения, ни даже просьбы, которые часто смягчали врага, то я обращаюсь к народным трибунам и отдаю дело на суд народа. Тебе, уклоняющемуся от приговора войска, уклоняющемуся от воли сената, я даю в судьи того, кто, без сомнения, только один могущественнее и властнее твоего диктаторства".

Торжественный тон древнего историка, в пышных словах зовущего к защите отечества, к борьбе с врагами родины,— такова была та духовная пища, которую жадно поглощал будущий трибун революции. Дантон ждал, что вскоре наступят годы, когда он и его сверстники, подобно трибунам древнего Рима, выступят на борьбу за обновление Франции, за торжество новых идеалов третьего сословия.

Школьные годы Дантона подходили к концу. Надо было решать вопрос о карьере. Во французской провинции для сына буржуа возможностей было немного. Если молодой человек не хотел торговать, он мог выбрать профессию священника или адвоката. Его дядя — кюре из Бабери — настаивал на духовной карьере, но все окружающие требовали, чтобы Дантон пошел по пути своего отца. Судебная должность открывала для молодого буржуа более выгодные перспективы. Дантон решил стать адвокатом. Здесь кончается его юность. Спустя несколько лет Дантон вступает в ряды адвокатского сословия.

Прошло не больше десяти лет с момента окончания школы в Труа, когда по Франции прокатились громы революционной бури. Чем была Франция в школьные годы Дантона? Чтобы понять это, присмотримся к жизни различных классов старого общества накануне революции прежде всего той области, в которой протекали его детство и юность, т.е. Шампани. Пусть не обманывает нас это имя. Шампань — страна вина и крестьянских слез; несмотря на свои виноградники и развитую промышленность, один из самых нищих и редко населенных районов Франции. В XVIII веке, как и XIX, Шампань носила название "вшивой страны": сухие земли, пыльные скалы, дерн, печальный вид полей, грязные хижинки и нищета... "Шампань тянется к востоку от пояса редких дождей и, несмотря на то, что она богата влагой, представляет собой местами настоящие степи... Слои белого мела достигают в этом месте Франции наибольшей ширины, и только ценою тяжких усилий удается земледельцам улучшить почву. Даже удобрительные вещества приносят здесь мало пользы. Они или уходят в почву или испаряются в атмосферу. Для меловой почвы, чтобы ею мог воспользоваться земледелец, необходима примесь мергеля. Повсюду, где последам него достаточно, среди пустыни появляются оазисы" (Э.Реклю).

Для обработки земли нужны капиталы, и виноградники Шампани — достояние капиталистов. Не почва, а труд создает те знаменитые вина, которыми славился этот край в XVIII—XIX веках, да и по сей день. Урожай винограда дает прибыль владельцу только в том случае, если он обладает достаточным капиталом для найма целой армии рабочих и оборудования погребов. Погреба эти в XVIII и XIX столетиях были настоящими заводами. Они обогатили их собственников. Великолепные дворцы возвышаются над всей Шампанью.

Нищета меловой долины наложила свой грустный отпечаток на все деревни и города. В городах из камня строили только общественные здания, замки, судебные учреждения; церкви в Арси и по всей области были единственными подлинно прочными постройками. Шампань известна не только виноградниками, но и широко распространенной промышленностью. Не говоря о мануфактурах Реймса, можно указать, что значительная часть вязального производства Франции концентрировалась вокруг Труа. В деревнях, на десятки лье вокруг, хижинки превратились в XVIII веке в мастерские. Крестьяне продавали свои товары посредникам-торговцам, а те в свою очередь — фабрикантам крупных городов. Нищета была таким образом питательной почвой для торгово-промышленного развития Шампани XVIII века.

Английский путешественник во Франции, Артур Юнг, незадолго до революции посетил эти края и в скупых словах описал нам "прелести" — старого; порядка одной из французских провинций. Город Аи — центр виноделия Шампани — был окружен деревнями, населенными полунищим крестьянством. Каждая из деревень представляла собой скопище жалких хижин. "Первая мысль,— пишет Артур Юнг,— которая приходит нам в голову, когда мы наблюдаем эту картину,— мысль о печальной жизни, на которую осуждено население этих деревень". Но наряду с этим в имени маркиза Силлери, одного из крупнейших виноградных магнатов Шампани, Артур Юнг встречает богатство, особенно поражающее по контрасту с нищетой крестьян. В одной из деревень, встретившейся ему по пути в Париж, он увидел бедную крестьянку, — она жаловалась

ему на природу и на время, она рассказала ему, что ее муж владеет жалким участком земли, коровой и лошадкой, но как серв (крепостной) он обязан платить своему сеньору и государству значительную часть доходов натурой. Они не могут обзавестись лишней коровой для семьи, потому что им нужна лошадь для обработки земли. Крестьянка умоляла Артура Юнга оказать ей помощь. "По виду, — говорит наш путешественник, — ей можно было дать 60—70 лет — ей же было только 28".

Картины отчаяния Дантон наблюдал вокруг Арси, по пути в Труа и Реймс. Что же видел он в самом Труа, где протекали его юношеские годы?

В начале XVIII века город был разорен войнами Людовика XIV. Но спустя несколько десятилетий он оправился. Старинной знати в городе было мало. В окрестностях, правда, были поместья герцога Ла-Рошфуко, Омона и других, но в большинстве своем знатные дворяне жили при дворе. В 1774 году в Труа и округе насчитывалось немногим больше 50 дворянских семей старинного происхождения; зато 157 семей принадлежало к "новому дворянству", выходцам из буржуазии. В большинстве случаев это "новое дворянство" пополняли дочери торговцев, вступавшие в выгодный брак с сыновьями дворян, или буржуа, за деньги приобретающие дворянский титул.

Дворяне эти не брезговали торговлей. Дети их часто занимали место в рядах первых двух сословий как священники и адвокаты. Но и здесь знатному дворянству принадлежало почетное место. Епископ владел великолепным дворцом недалеко от Труа; ежегодный доход епископата составлял не меньше 70 тысяч ливров. Клир, городские и деревенские кюре вербовались, однако, из мелкой буржуазии и владели жалкое существование. Гораздо лучше было положение адвокатов и тех сынков буржуазии, которые продолжали заниматься торговлей или промышленностью. Труа был полон священниками в черных сутанах и блестящими офицерами гарнизона. Офицеры размещались в буржуазных квартирах, но все бремя содержания гарнизона падало на ремесленников и мелких торговцев. Правителем Шампани был герцог Бургундский, во главе города стоял граф де-Нуасен; они-то и представляли центральное правительство в области. Чиновников было много. "Не существует, — говорил один современник, — ни в одном культурном государстве, ни в истории любого народа такой массы чиновников и служилых людей всех рангов и званий, как среди нас".

Население Труа было строго разграничено по сословиям. Наряду с "благородными", буржуа-дворянами верхушку третьего сословия составляли судебские. Затем шли торговые и ремесленные корпорации. Каждый ремесленный цех, каждая корпорация имели свои отличия. Так, парикмахеры имели право красить свои магазины в голубой цвет — право, которого были лишены другие корпорации. В торговле и промышленности Труа было занято по крайней мере 3/4 населения, объединенного, примерно, в 50 корпораций. Самой богатой и многочисленной среди них была корпорация по выделке полотна, фабриканты сукна, чулок и кожевники. Из этих корпораций, наиболее богатой части торговой и промышленной буржуазии, был составлен местный муниципалитет. Но не следует думать, что ратуша в Труа обладала какими-нибудь правами и реальной политической властью. Реальная власть была в руках представителя правительства, интенданта и губернатора, наместника края.

Труа насчитывал больше 12 тысяч рабочих. Общая сумма его производства составляла полтора миллиона ливров. И хотя торговый договор с Англией 1786 года обнаружил промышленную слабость феодальной Франции по сравнению с Англией, где начал свое победоносное шествие прядильный станок, Труа все же оставался одним из передовых промышленных районов страны.

Особенно тяжелым было положение деревенского населения. Крестьянин платил огромные налоги. По словам современников, даже малейшее увеличение налогов в Шампани привело бы к опустошению земель и к бегству хлебопашцев в города. Недаром Академия близлежащего города Шалона добивалась в 1788 году ответа на вопрос: "Почему деревенские жители бегут в город?" В самом деле, земледельцев в Шампани в 1774 году было зарегистрировано 35 тысяч, а в 1787 — 25 тысяч.

Нищетою деревенского населения объясняется широкое распространение индустрии в деревне. Городские предприниматели жаловались на деревенскую конкуренцию, а в наказах подмастерья требовали уничтожения механических станков. Накануне революции благодаря гнету феодального режима старинная текстильная промышленность Труа переживала кризис. В январе 1788 года шалонский интендант доносил в Париж, что из 26.000 станков, работавших полным ходом до конца 1786 года, действовало теперь только 1157. В самом Труа и его предместьях насчитывалось около 10 тысяч безработных. Не удивительно, если фабриканты шелковых, шерстяных и бумажных тканей умоляли правительство оказать им помощь в борьбе с конкурентами и прежде всего с распространением промышленности в деревнях. Но все эти жалобы были напрасны. Нуждающееся деревенское население жадно стремилось в промышленность; в деревнях вокруг Труа и Арси большинство крестьян наряду с сельским хозяйством занималось вязанием и прядильным делом. В деревне Ормес в 1773 году работали на

предпринимателей Арси 15 чулочно-вязальных станков и 20 бумагопрядильщиц. Одним из главных бумагопрядильщиков в Арси, скупщиком деревенской продукции был Жан Рикорден, отчим Дантона, собственник в приходе Ормес. А в деревне Пленси, где жил дед Дантона, 162 человека были заняты выделкой бумаги, там было 80 чулочно-вязальных станков. Голод был частым гостем в промышленной области Труа. В 1709, 1740 и 1775 годах он принял грозные размеры: сотни людей погибли голодной смертью в деревнях и на больших дорогах.

Безотрадная картина развертывалась перед глазами Дантона во время его поездки в Реймс. Если вокруг Арси деревни и луга несколько скрашивали печальный пейзаж, то далеко, по пути к городу Шалон, меловая пустыня являла зрелище голой крестьянской нужды и беспомощности. Бедное крестьянство с трудом зарабатывало здесь свой хлеб и платило все те налоги, которые путешественник-современник, незадолго до революции обошедший пешком значительную часть Франции, клеймил как "изобретение дьявола, чтобы угнетать и опустошать деревни".

Город Шалон лежал на пути из Арси в Реймс. Приезжая туда, путешественник прежде всего путался в кривых улочках жалких окраин, где незадолго до революции влачили свое безотрадное существование "фабрики". А дальше, недалеко от Реймса, попадались блестящие замки вельмож среди печальных деревень.

Реймс — промышленный центр старой Франции, город знатных аристократов, высокопоставленных чиновников, епископов и богатых купцов, был городом ткацкой промышленности. Это был один из двух городов Франции, представленных в Конвенте рабочим — ткачом Армонвилем. Накануне революции в Реймсе насчитывалось более 3 тысяч станков, а в 1790 году его торговый оборот равнялся 13,5 миллионам ливров. Ткани его мастерских и фабрик вывозились в далекие страны.

Окраины Реймса были густо населены рабочими. Здесь в приходах, носящих имена св. Тимофея, Мартина, Юлиана, в домах ремесленников с утра до поздней ночи трудились ткачи, прядильщики, сукновалы, красильщики. Из 32 тысяч жителей города по крайней мере 2/3 жили в полной нищете. В 1784 году архиепископ утверждал, что в пяти предместьях Реймса 11 тысяч человек нуждались в хлебе, а остальное население находилось, примерно, в том же бедственном положении.

Как и в эпоху промышленного переворота в Англии, так и здесь, во Франции, в одном городе было, собственно, два Реймса. "В одном конце приход святого Иакова с его готическими домами, высокими фронтонами, богатые торговые приходы св. Дионисия и св. Симфориана, приходы св. Иллария, св. Петра и св. Михаила, где жили в обширных, великолепных дворцах зажиточные семьи магистратов, дворян и церковников,— эти кварталы с живописными садами, с бульварами на месте городских валов, где устраивались празднества и светские увеселения; собор и королевская площадь с достаточно широкими улицами являли собой зрелище пышного аристократического города. А там, на другом конце, связанном со старым городом двумя артериями — новой улицей и улицей Барбатр,— в тени богатых аббатств св. Никазия, св. Ремигия и монастыря миноритов тянулись нездоровые кварталы, гораздо более населенные, где были скучены в темных извилистых узких улочках, пересекаемых грязными ручьями, в сырых дворах и грязных квартирах многие тысячи рабочих семейств, жившие большую часть времени в нищете и отчаянии, погибая от голода и холода".

В этих трущобах царили лихорадка, болезни и голод. Страшная зима 1788 года в Шампани была самой суровой на протяжении XVIII века. Удивляться ли, что рабочее население Реймса беспрерывно волновалось, в городе время от времени вспыхивали бунты; рабочие предместья грабили лавки и рынки. Удивляться ли, что рабочее население Реймса в годы революции было на передовых позициях и спасло город и всю Шампань от контрреволюционных войск европейских государств? Удивляться ли тому, наконец, что "Заговор равных" коммуниста Бабефа в 1796 году именно здесь, в рабочих предместьях, нашел своих сторонников?

Среди активных защитников Бабефа был ткач Армонвиль — будущий депутат Конвента. В то время, как Дантон готовился к карьере адвоката, мечтал о богатой и привольной жизни буржуа, его ровесник Армонвиль с юных лет работал ткачом — профессия наследственная в его семье. Учился он в редкие часы досуга. Не античные авторы, не Тит Ливии были его героем, обрывки знаний он выхватывал из листков, брошюр, памфлетов, широко распространенных в Реймсе накануне революции. В тот год, когда Дантон покинул родные места и отправился в поисках счастья в Париж, Армонвиль женился на дочери разорившегося мясника, семья которого оставила город Верден, чтобы работать в Реймсе на шерстяной фабрике.

Понимал ли юноша Дантон, видел ли он нужду и отчаяние вокруг себя или мечтал только об успехах, о том, чтобы занять место среди господ, мы не знаем. Вряд ли до него доходили жалобы трудового населения, но он не мог не видеть, чего хотели буржуа, представители третьего сословия, требования которых получили свое яркое выражение позже, в 1789 году, в наказах и резолюциях третьего сословия, вынесенных провинциальными собраниями сословных представителей по поводу выбора депутатов в Генеральные штаты,— будущее Национальное собрание Франции.

Жители Труа в наказе третьего сословия настаивали на охране индивидуальной свободы, столь часто нарушаемой произвольными приказами полицейских чинов. Они жаловались на "приказы об аресте" — так называемые *lettres de cachet*, которые они считали орудием деспотизма. Наказ третьего сословия требовал уничтожения несправедливых налогов, падающих всем бременем не на богачей, а на бедняков. Буржуа жаловались, что земля производит гораздо меньше, нежели в старину, что деревни обезлюдели. Они доказывали, что в разоренной деревне нет никаких стимулов для вложения капитала в сельское хозяйство и промышленность. Наказ третьего сословия города Труа требовал в интересах капиталистического развития Франции не только облегчения участи крестьянства, но во имя той же задачи составители наказа настаивали на уничтожении таможенных преград, ремесленных цехов и феодального законодательства в целом. Это была программа буржуазной революции против феодального строя.

Дантону исполнился 21 год, когда он с небольшим багажом, но полный сил, в надежде завоевать мир отправился в Париж. Путешествие продолжалось всего несколько дней, но как много интересного встречал Жорж-Жак на своем пути! Безотрадная Шампань кончилась; недалеко от Парижа начиналась цепь огромных поместий, одно больше другого, одно другого великолепнее. Представители могущественной знати Франции, покинувшие свои имения, чтобы осесть в Версале при дворце короля, обзавелись недалеко от королевской столицы замками и землями. Больше, чем где бы то ни было, господствовало здесь старинное феодальное правило: "нет земли без господина". От 45 до 60 процентов земли принадлежало герцогам, графам и членам королевской семьи. Здесь особенно громко раздавались жалобы крестьян на обезземеливание. Ненависть крестьян вызывали не только знатные дворяне, аристократы, но и разбогатевшие буржуа, начинавшие соревноваться с дворянами в эксплуатации крестьянства. Буржуазии принадлежало во всяком случае больше 30 процентов земельной площади. На долю духовенства приходилось около 14, и лишь ничтожная часть земли была в руках крестьянства.

Как все его земляки из Шампани, Дантон остановился в Париже на постоялом дворе "Черный конь". Сюда стекались все провинциалы с берегов реки Об и Марны. Юный Дантон в поисках работы обратился к прокурору, господину Винот, который предложил было ему должность писца, но вскоре обнаружил, что почерк молодого человека безобразен. Прокурор выразил свое недовольство. Дантон поспешил возразить: "Мэтр, я приехал сюда не затем, чтобы стать писцом". Сверстники Дантона утверждают, — и это похоже на правду, — что Винот был столь поражен ответом, что поспешил заметить: "Люблю апломб, с ним в нашей профессии не пропадешь", — и без дальнейших разговоров принял Дантона на службу.

Молодой клерк покинул постоялый двор "Черный конь" и поселился у своего хозяина в его семье, вместе еще с несколькими юнцами, мечтающими о карьере. Писец из Дантона не вышел, но хозяин использовал его для другой цели. Он должен был посещать дворец суда и там выполнять ряд поручений. Дантону это принесло немало пользы. Он слышал здесь самых знаменитых юристов своего времени: Троншетта и Гардуина. Однако работа его мало увлекала, как и школьная премудрость в Арси и Труа. Жорж-Жак предпочитал игру в лапту и купанье в Сене. Из окон Дворца Правосудия он видел возвышающуюся над рекою мрачную громаду Бастилии. Как уверяет его сверстник Русселен, приятелям Дантона не раз доводилось слышать свирепые слова будущего трибуна: "Этот крепкий замок висит над нашей головой; он меня гнетет и давит. Когда же мы его уничтожим? Если день этот настанет, то я со своей стороны нанесу не один увесистый удар киркой".

Для занятий и политических размышлений у Дантона оставалось мало времени. Но вот Дантон заболел и во время болезни занялся своим образованием. По воспоминаниям его друзей, он прочел "Энциклопедию", эту сокровищницу знаний нового класса, идущего к власти, — буржуазии. Все великие мыслители XVIII века, философы и ученые, — Вольтер и Руссо, Гельвеций и Гольбах, Дидро и Мабли, — все они писали в "Энциклопедии", все они по-новому пытались объяснить мир, чтобы сделать возможным его изменение, а если нужно, — то и уничтожение. Конечно, всей "Энциклопедии" Дантон не прочел; говоря словами Олара, "это было дружеское преувеличение".

Подобно всем своим сверстникам, Дантон довольно хорошо знал античных писателей, знал Рабле и Корнея, увлекался Вольтером и Дидро.

Дидро, его земляк, был ему особенно близок. Дидро родился в начале столетия, в 1713 году, в семье ремесленника-ножевщика в той же Шампани в местечке Лангре. Его политические идеи были усвоены Дантоном, по-видимому, еще в ранней молодости. Жорж-Жак запомнил утверждение Дидро, что человек — звено в цепи природы, что всякое учение о морали и философии может создать только человек, вооруженный знанием анатомии и физиологии; что только разум отличает человека от животного и что чувства человека заранее определены органами его тела. Воля человека, — твердо запомнил Дантон указания Дидро, — всегда решает дело. Этой волей руководит стремление к счастью, к удовольствию, к уменьшению страданий. В этом основной принцип человеческого существования. Страсти — вот главный стимул

человеческого поведения. Страсти эти не могут быть порочными, если они доставляют человеку удовольствие, так как удовольствие не противоречит человеческой природе.

Великие дела делаются только при помощи великих страстей, но этими страстями должен управлять разум — правильное понимание своих собственных интересов. Разум согласует мысли и поступки с законами природы; эта гармония и составляет подлинное счастье человека. Дидро протестует против ложного толкования слов "чувственная страсть". Чувственность и эгоизм вызывают ропот только лицемеров и невежд.

Исходя из этих принципов материалистической философии XVIII века, Дидро рассматривает общество как результат договора свободных людей, договора, который может и должен быть пересмотрен, когда меньшинство нарушает интересы большинства. Дидро убежден в торжестве справедливости. Справедливость он понимает как общественный интерес. Для этого необходимо, чтобы человек был просвещенным и свободным, а для этого нужно, чтобы законодательство и форма правления государства соответствовали этим принципам. "Если законы хороши, — писал Дидро, — нравы добрые. Если законы худы — нравы дурные. Если законы добрые или худые не соблюдаются — общество тогда в особенно дурном состоянии". Государи, слуги народа и всякая власть, основанная на насилии, есть узурпация. Законна только та власть, которая признает большинство наций. Дидро добавляет: "При какой угодно форме правления природа поставила пределы бедствиям народа. Выше этого предела — смерть, бегство или бунт".

В своих политических сочинениях Дидро противопоставляет деспотизму буржуазную демократию как идеал: "Не те империи несчастны, где возрастает народная власть, но те, где власть государя становится неограниченной". Впрочем, мечтал ли Дантон об осуществлении этих идеалов Дидро, — мы не знаем. Не принадлежал ли он скорее к тем буржуазным сынкам, которых описывает Дидро в его бессмертном произведении "Племянник Рамо" (1762)?

Этот буржуазный "молодой человек", сын дижонского аптекаря, с ужасом говорит себе: "Как это могло случиться, Рамо, что в Париже есть 10 тысяч прекрасных обеденных столов по 15 или 20 приборов на каждом, из которых нет ни одного для тебя? Есть кошельки, набитые золотом, льющимся направо и налево, и ни одна монета не попадает тебе? Тысячи краснобаев, без всякого таланта и без всяких достоинств, тысячи низких созданий, лишенных какого бы то ни было очарования, тысячи подлых, пошлых интриганов, — и все хорошо одеты, а ты — ходишь оборванцем. Разве можно быть таким дураком? Разве ты не сумел бы льстить не хуже других? Разве ты не сумел бы лгать, клясться и нарушать клятву, обещать и исполнять или нарушать обещание не хуже других? Разве ты не сумел бы ползать на четвереньках?"

Не выберет ли Дантон этот путь — путь "Племянника Рамо", или, быть может, он соединит оба, чтобы в будущем добиться жизненных успехов? Все окружающее убеждает его, что время дворянской чести ушло и что тот, кто обладает деньгами, не нуждается в чести. Самое страшное из того, что могло ожидать молодого клерка, была нужда, и Дантон вместе со своими друзьями невольно вспоминал слова Рамо:

"Голоса совести и чести не слышишь, когда в животе пусто"... "Вставать в 6 утра и работать до 10 вечера, жить впроголодь и видеть вокруг себя блеск и богатство изо дня в день, из года в год". Трудно было в этих условиях воспитать себя в духе общественных идеалов Дидро.

В 1784 году закончилось обучение "подмастерья от адвокатуры". Чтобы получить звание адвоката, нужно было в любом университетском городе сдать экзамен или, еще проще, купить диплом адвоката. С этим дипломом Дантон из Реймса в 1785 году возвращается в Париж. Пред ним открывается карьера адвоката.

Дантон снова в Париже. Молодой адвокат имеет теперь возможность с вниманием осмотреться вокруг, понять ту обостренную борьбу классов, которая здесь, в столице, дает себя знать больше, чем в провинции; до начала революции осталось всего три-четыре года. Париж — не только столица;

в этом городе вся Франция; 600 тысяч парижан превращают город в огромное государство. Близость королевского двора в Версале делает Париж политическим центром страны. В городе 25 тысяч дворян и представителей духовенства, до 80 тысяч буржуа и не меньше 100 тысяч рабочих, множество мелких буржуа — масса, которая будет играть решающую роль в революции; да еще десятки тысяч слуг и не менее 20 тысяч нищих. В Париж стекается пестрая толпа со всех концов страны, более того, со всех концов мира.

Париж был центром грядущей революции; в Париже протекала жизнь и деятельность Дантона; все те восемь-девять лет, которые отделяют начало его адвокатской карьеры от смерти на гильотине в апреле 1794 года.

Присмотримся ближе к тому, чем был Париж до революции. Мерсье в прекрасной книге "Картины Парижа" оставил нам описание этого Вавилона XVIII века. В предисловии Мерсье говорит: "Я буду описывать необъятную величину Парижа, его чудовищные богатства, его скандальную роскошь. Он выкачивает, вбирает в себя и деньги, и людей. Он поглощает и пожирает другие города". Париж производит на провинциала странное впечатление. Здесь можно познакомиться с любой национальностью. Люди всех материков кишат здесь, как муравьи. Азиаты и лапландцы, арабы и японцы, индейцы и персы — все пестрой толпой гуляют по улицам Парижа. "Сам воздух—говорит Мерсье, — совершенно особый... Париж — это своего рода громадный тигель, в котором смешаны мясо, фрукты, растительные масла, вина, перец, корица, сахар, кофе, продукты самых отдаленных стран, а желудки людей — те печи, которые все эти составные части разлагают, и каждая, самая мельчайшая частица, испаряясь, соединяется здесь с воздухом, которым дышат парижане. Сколько дыма! Сколько пламени! Целый поток паров и испарений"...

Но улицы Парижа это не только зрелище для любопытного, это — предмет для глубочайших размышлений. "Вас останавливает,— пишет современник,— проезжая вам дорогу и едва не раздавив вас, карета. Нищий в рубище протягивает руку к позолоченному экипажу, в глубине которого сидит толстый человек; забаррикадированный стеклами окон, он производит впечатление глухого и слепого. Ему грозит удар. Через какие-нибудь десять дней он будет зарыт в землю, оставив 2 или 3 миллиона франков своим алчным наследникам... А он отказал сейчас в пустяшном подаении несчастному!.." Париж прежде всего поражает гигантскими классовыми противоречиями. Мерсье в ужасе пишет: "Удивительная организация — в одном пункте 600 тысяч человек, из которых 200 тысяч обжор и мотов. Герцог платит за свой хлеб не дороже, чем носильщик... Как не удивляться невероятному порядку, царящему при таком смещении вещей!"

Париж чересчур велик. Его трудно охватить одним взором. Наряду с дворцами богачей — жалкие хижины окраин. Трудящееся население столицы живет в подвалах и на чердаках. Здесь, в мансардах, живет также и мелкобуржуазная интеллигенция: писатели, поэты, художники, журналисты и адвокаты. Дидро и Руссо проводили здесь свои лучшие годы. Окраины Парижа — это как бы отдельный мир. Его предместья строились там, где были каменоломни; дома здесь выстроены над провалами. Зато дворянство, которое раньше жило в своих замках, теперь, пристроившись в столице, блещет своей роскошью. Оно попыталось сохранить здесь, в центре Парижа, своих рабов. "Наследство старинного дворянства превратилось в Париже в особняки, бриллианты, кружева, серебряную посуду, роскошные экипажи". Дворяне царствуют в столице. Все должности и службы принадлежат дворянам и тем, кто обладает деньгами. "Расстояние, которое отделяет богача от остальных граждан столицы, — писал Мерсье, — с каждым днем увеличивается, и нищета становится еще невыносимее от зрелища все прогрессирующей роскоши, мозолящей глаза бедняка. Ненависть разгорается, и государство оказывается разделенным на два класса людей: на алчных и бесчувственных, — на недовольных и ропщущих". Богачи царят и правят в столице. По улицам несутся крики: "Берегись, берегись!" Берегитесь дворянских экипажей, которые несутся как бешеные по мостовой и, не смущаясь, давят людей! Отсутствие тротуаров делает улицы особенно опасными. В 1775 году под колесами дворянского экипажа пострадал Жан-Жак Руссо. К услугам дворян и богачей все в столице. Чтобы охранять их покой, Париж наводнен шпионами, полицейскими, чиновниками.

Буржуазная молодежь не может равнодушно любоваться роскошью власть имущих. В Париже от 600 до 700 кофеен, и большинство из них — клубы, где живо обсуждаются все события дня. Здесь разбирают театральную пьесу, произведение того или иного писателя, болтают о газетных новостях. В каждой кофейне есть свой оратор. Мерсье с удивлением заносит в свою книгу: "В одной из кофеен, находящейся в предместье города, председательствует подмастерье, портной. А почему бы и нет?"

Дантон был завсегдатаем подобных кофеен. В одной из них, в кафе "Парнасе" на углу площади Школы и берега Сены, рядом с Дворцом Правосудия, собиралась адвокатская молодежь Парижа. Владелец кафе папаша Шарпантье — зажиточный буржуа; за его дочкой, молодой Габриэлю, увивался не один вновь испеченный адвокат. Победителем оказался Жорж-Жак. Он женился на ней в 1787 году и в приданое получил немало денег.

Подавляющее большинство населения Парижа — это мелкие буржуа — ремесленники и рабочие. Они составляют, говоря словами Мерсье, "самый бедный, самый беспокойный и самый недисциплинированный из всех классов населения". Сталкиваются ли посетители кафе — все эти адвокаты, журналисты и клерки — с жителями Сен-Марселя и Сент-Антуана? Или они соприкасаются только с жителями квартала Сен-Жермен, с дворянами и буржуа, у которых больше денег, чем у всех жителей предместий вместе взятых? В кварталах мелкого люда нередко вспыхивают мятежи.

Источник возмущения, по словам современников,— беспросветная нищета. Пьянство и голод отличают эти предместья от богатых кварталов Парижа, и жители Сен-Жермена сулят проклятия обитателям Сен-Марселя, всем тем, кто от голода спасается за стаканом водки, в трактирах, в "салонах нищеты".

"Целая семья в предместьях занимает одну комнату, — пишет Мерсье, — с голыми стенами, убогими койками, без занавесок, с мебелью, которая вся вместе взятая не стоит и двадцати экю, и каждые три месяца жильцы в этой дыре меняются. Прежних прогоняют за неплатеж, и они путешествуют, таская всюду за собой свою жалкую обстановку и переходя из одного убежища в другое. Во всех этих жилищах ни на ком не видно кожаной обуви, и по лестницам стучат одни только деревянные башмаки. Дети бегают голышом и спят в общей куче".

Таков рабочий Париж. Но не таков Париж буржуа. Банкиры, нотариусы и подрядчики строят в Париже новые дома. "Громаднейшие здания вырастают точно по волшебству, и новые кварталы состоят исключительно из частных отелей, поражающих своим великолепием". Буржуа еще не получили политической власти, но власть экономическая — в их руках. Буржуа — господа хозяйства, властно предъявляют свои требования дворянам и попам, управляющим страной. Черным сутанам попов, тучами заполняющих Париж, роскошным нарядам дворян — всей этой массе паразитарных классов феодального общества предстоит уступить место и власть буржуазии — передовому классу XVIII века. Ему принадлежит ближайшее будущее; он будет возглавлять государство, созданное в кровавых боях французской революции.

В рядах буржуазии есть небольшая группа, к ней принадлежит Дантон: адвокатское сословие,— особенно шумное, особенно заметное в Париже накануне революции.

Дворец Правосудия был центром сутяжничества. Здесь толпились адвокаты, клерки, писцы. Адвокатов в Париже было не менее 600 человек. Вот как описывает Дворец Правосудия Мерсье: "Вы входите в большую залу суда. Какой шум, какой хаос! Громкими возгласами адвокат маскирует в своих речах отсутствие ума, а своим многословием? — поверхностность мысли. Его считают оракулом только потому, что у него широкая сильная грудь. Полюбуйтесь на храбрость судей, проводящих половину своей жизни на этой судебной арене. Мудрый человек не может уйти из этой залы, не проникнувшись отвращением даже к лучшему судебному процессу". Судейское сословие ненавистно широким массам, но из среды адвокатов, нередко фанатических защитников буржуазии, вышло большинство вождей французской революции.

Они знатоки бессмысленного и запутанного законодательства старого порядка, они лучше других разбираются в том, что необходимо изменить в законах для процветания буржуазии. Как правило, однако, адвоката старого закала можно купить за деньги. "Неустойчивость законов феодальной Франции сделала его, — пишет Мерсье, — глубоким скептиком во всех вопросах, что не мешает адвокату братья за все... И тот, кто первый обращается к нему за советом, заплатив, конечно, дает направление всем его суждениям и руководит его красноречием".

Таков Париж и таковы разнообразные социальные группы его населения — дворянство, духовенство, третье сословие,— буржуа, адвокаты, ремесленники и рабочие. Среди этой массы живет Дантон. С присущей ему энергией он стремится к блестящей карьере адвоката. Его мало интересуют вопросы политики; он озабочен созданием своего материального благополучия; он готов приспособиться и использовать все привилегии своего положения как член судебного сословия старого порядка и отнюдь не замышляет принять участие в революционной борьбе с этим порядком. Но не его желания решают. То, чем станет Дантон впоследствии, определится не его личными стремлениями, а теми требованиями классовой борьбы, которые будут диктовать ему, молодому буржуа, линию поведения и его будущее.

Героев родит история. Классовая борьба данной исторической эпохи определяет не только сумму идей, представлений и средств, которыми человек обладает для их осуществления, но и сами задачи, которые тот или иной "герой" ставит себе. Поведение героя, само его появление как героя — явление не стихийного порядка. Те влияния, которые определяют тип героя, не указания судьбы свыше, а итог событий, которые в сложном процессе классовой борьбы данной эпохи решают его судьбу, его особенности. Дантон стал тем, чем могла сделать и чем сделала его Франция накануне Великой революции конца XVIII века.

Это была эпоха крушения феодального порядка, эпоха торжества буржуазии; читатель должен это твердо запомнить. Мы живем в годы торжества социалистической революции; с интересом изучаем все, что касается истории классовых битв прошлых столетий.

Буржуазный характер Великой французской революции неоднократно вслед за Марксом и Энгельсом подчеркивал В.И.Ленин. "...Потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих, крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собою разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересами рабочего класса, и даже "беспартийные", не организованные в класс рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами французской и немецкой революции". Последнее утверждение Ленина особенно важно. Оно подчеркивает ту мысль, что и в буржуазной революции конца XVIII века плебейские массы города и деревни, крестьянство и городская беднота, были решающей силой общественного переворота. Либеральная буржуазия, хотя и была историческим гегемоном революции, воспользовалась ею, но не была ее активным и последовательным бойцом. Только общественные низы, крестьянство и рабочий класс, смогли довести революцию до полного уничтожения одной из борющихся сторон — аристократии — и полной победы второй — буржуазии. Ко всем этим вопросам мы вернемся неоднократно, рассказывая о деятельности Дантона. Мы сможем определить то место, которое он занял в буржуазной революции; мы узнаем, с кем он был, с буржуа-либералами или с плебейской оппозицией. Пока нам важно другое. Мы должны установить те причины, которые неизбежно привели к великому социальному перевороту конца XVIII века и в отличие от нашей эпохи во главе плебейских масс поставили буржуазию.

За 10—20 лет до революции во Франции созданы были предпосылки дальнейшего капиталистического развития, предпосылки промышленного переворота. Основным, решающим препятствием были, однако, феодальные отношения. В области индустрии и сельского хозяйства повсюду давали себя знать феодальные пережитки. Наряду с крупным предприятием существовала отсталая цеховая организация ремесла; в сельском хозяйстве при наличии крупных ферм господствовали крепостнические отношения. Сельское хозяйство во Франции, в котором было занято не меньше 92 процентов населения, особенно страдало от произвола феодального сеньора. Крестьянин не только как серв, раб, но и как земледелец испытывал тягчайшую зависимость от своего господина, и крестьяне с полным основанием жаловались в 1789 году: "Мы поистине крепостные, рабы сеньоров, отягченные налогами, которые нам приходится уплачивать. Феодализм — наш страшный бич. Уничтожение его есть настоящая необходимость".

Это всеобщий вопль всей страны. В хозяйственной жизни деревни большое значение имели сеньориальные монополии. Крестьянин не имел право печь хлеб у себя на дому, молотить зерно на близлежащей мельнице, продавать виноград на базаре раньше сеньора. К этому следует прибавить ненавистное право охоты. "Честный гражданин, — пишет один современник из Канна, — чувствует себя здесь преданным ярости волков, кабанов и потому не может защитить ни своей жизни, ни своих полей, являющих зрелище опустошения. Зло, причиняемое ими на всех феодальных землях Прованса, неисчислимо, птицы и мелкие звери опустошают поля, губят все места, засаженные оливковыми деревьями и виноградными кустами". Крестьяне не имели права носить при себе оружие.

Сеньоры по мере развития капитализма зарились все более и более на крестьянские земли. Они с помощью адвокатов, февдистов, разыскивали и восстанавливали накануне самой революции свои средневековые грамоты и "угрозами часто вырывали у крестьян признание их претензий". Помещики из года в год увеличивали налоговое бремя; росли сборы с чересполосных земель, дорожные пошлины, росли натуральные повинности. "В конце концов право грабежа крестьян, — утверждали современники, — служило для сеньоров целой отраслью торговли, а для правительственных комиссаров, приставленных для наблюдения за выполнением феодальных законов, — средством обогащения".

Капитализм, проникая в деревню, приводил к расслоению крестьянства. В деревнях образовывалась количественно незначительная, но экономически мощная группа кулацкого крестьянства. Подавляющее же большинство земледельцев страдало от безземелья. В Парижском округе по крайней мере больше половины земли принадлежало помещикам, а в деревнях этого округа нищие составляли не меньше 23 процентов, фермеры — лишь 8,6 процента. Задача революции сводилась, таким образом, к тому чтобы не только раскрепостить личность крестьянина, но и к тому, чтобы сделать его свободным товаропроизводителем. Крестьянство было основной движущей силой грядущей революции.

Д. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.22, стр.186. (Произведения В.И.Ленина цитируются по Полному собранию сочинений. — *Ред.*)

Феодальный порядок своим законодательством мешал развитию внутренней торговли. Франция была опутана системой таможенных барьеров. Линия таможенных застав достигала почти трех тысяч лье. "Преграды, окружавшие каждый город, каждую деревню, не позволяли жителям Туля в Лотарингии выйти за пределы своего селения, чтобы не наткнуться на каждом шагу на таможенные барьеры, и обитатели Лотарингии, Шампани, Эльзаса не могли между собой общаться". Торговля, устрашаемая всякого рода западнями, платежами и конфискациями, приходила в полный упадок. Промышленность в свою очередь страдала от бесконечных стеснений, установленных феодальными законами. Французские торговцы и промышленники требовали предоставления им свободы развития их деятельности. Могла ли удовлетвориться французская буржуазия тем, что в то время, как импорт продуктов текстильной индустрии вырос почти в десять раз, экспорт увеличился меньше, чем в три раза? Французская текстильная промышленность развивалась медленно. По сравнению с Англией, в которой буржуазия или по крайней мере ее верхушка была уже у власти, Франция больше покупала, чем продавала тканей.

Внешняя торговля Франции росла в XVIII веке за счет торговли с колониями. Негры были доходным живым товаром для портовых городов: Марселя, Бордо и Нанта. Здесь будущие вожди революции — представители буржуазной Франции, Жиронды — создавали свои капиталы в колониальной торговле. Негров из колоний в 1713 году вывезено было на 1500 тысяч ливров, а в 1787 г. — на 6 миллионов ливров. Общий торговый баланс Франции свидетельствовал о росте ее промышленности: с 1716 по 1788 год ее внешняя торговля возросла по своей ценности с 213 миллионов ливров (ливр 37 1/2 копейки) до 1012 миллионов ливров, т.е. примерно в пять раз. Вся страна "возмущалась старым порядком не столько вследствие упадка земледелия и всего хозяйства, сколько потому, что старый порядок тормозил начавшееся развитие капитализма" (Ж.Жорес. "Учредительное собрание"). Это и было главной, основной причиной Великой французской революции.

Париж был самым большим, но далеко не самым промышленным городом. Здесь господствовало ремесло, впрочем, как и во многих других городах и деревнях Франции. Богатые промышленники и купцы требовали политической власти по праву экономических завоевателей. Негоцианты, директора мануфактур, каменноугольных копей, организаторы деревенской промышленности не могли больше мириться с тем, что феодальное законодательство мешало их господству.

Но уже в половине XVIII века на фабриках и в мастерских, в ремесле и мануфактурах появились классовые антагонисты буржуазии — рабочие. В XVIII веке уже не редкость фабричные правила и расчетные книжки. Суровые наказания угрожают тем из рабочих мануфактур, которые эмигрируют за границу. На лионских шелковых мастерских рабочие заняты нередко 18 часов в день. В Версале подмастерья работают с 4 утра до 8 часов вечера; 14—16-часовой рабочий день считается нормальным. Заработная плата — ничтожна; во всяком случае не больше 25 су в день; ее не хватает, чтобы прокормить семью. На старинную цеховую организацию многие рабочие смотрят как на бремя; цехи не могут их защитить от машин, от капиталистической эксплуатации. Подмастерья организуют свои союзы, "компаноньяжи".

В XVIII веке рабочие нередко оказывают сопротивление своим хозяевам. Так, в 1744 году вспыхнули в разных городах восстания ткачей, а в 1786 году началось широкое рабочее движение в Лионе. Каменщики, шляпочники, ткачи требовали повышения заработной платы. 7 августа 1786 года на рассвете рабочие покинули свои мастерские, ушли к городским воротам и заявили, что не вернутся в Лион, пока их требования не будут удовлетворены. Восстание рабочих было подавлено войсками.

Старый порядок был для трудящихся города и деревни "режимом дорогого хлеба", и если рабочим нужно было сознание своих особых классовых интересов, если они еще не сформулировали к 1789 году своей политической программы, то все же они смогли предъявить свой счет старому порядку, а через некоторое время, в годы революции, заодно с этим и счет своим хозяевам, господам буржуа.

Гнет феодального государства испытывали по-разному разные классы общества. Один из будущих деятелей революции, теоретик буржуазии Барнав, прекрасно сформулировал связь между капиталистическим ростом Франции и политическими требованиями буржуазии. "Новое распределение богатства создает новое распределение власти. Подобно тому, как владение землей возвысило аристократию, промышленная собственность возвышает власть народа". Под "народом" и "трудолюбивым классом" Барнав понимает буржуазию.

Во Франции не существовало ни единства законодательства, ни единой системы мер и весов, ни единства судебного. Повсюду царила бюрократия. "Каждая канцелярия, — утверждал министр финансов банкир Неккер, — действовала как держава, воюющая со всеми остальными, и рассматривала как законную военную добычу всякий клочок власти или дохода, который ей удавалось вырвать для своего ведомства... Повсюду царил хаос и беспорядок..." Но особенно чувствительными для населения были обилие и пестрота налогов. В одном и том же округе взимались различные налоги; справа от реки и от большого тракта платили косвенные налоги, слева — их не платили. Произвол дворян и самодержавия мешал проведению любой реформы. Министерство Тюрго, попытавшееся в 70-х годах XVIII века исправить положение дел отменой цехов и введением свободной торговли, потерпело крушение. Во Франции началась феодальная реакция.

Правительство до самой революции оставалось паразитом на народном теле. Государственный дефицит рос из года в год; накануне революции долг государства составлял 161 миллион ливров — почти половину бюджета. Главная статья расходов приходилась на содержание армии и королевского двора и на оплату процентов по долгам. Король раздавал народные деньги своим приближенным; привилегированные сословия объедали государство. Дворянские владения приносили владельцам ежегодно 120 миллионов ливров дохода, но к этому король прибавлял из государственной казны еще во много раз больше. Его светлость Полиньяк получал пенсии и жалованья до 700 тысяч ливров в год. Герцог Орлеанский, самый крупный землевладелец Франции, определял свой долг круглой цифрой в 75 миллионов ливров. Так подготовлялось банкротство самодержавия, которое не способно было выполнить те задачи, которые ставил перед государственной властью новый экономически мощный класс — буржуазия.

Последний год накануне революции — 1788 — был годом буржуазной оппозиции, годом наивысшего отчаяния крестьянских масс и городской бедноты. Если массы требовали дешевого хлеба, то торгово-промышленная буржуазия протестовала против самодержавной власти, которая, заключив в 1786 году торговый договор с Англией, не смогла обеспечить отечественную промышленность и промышленников от поражения в конкурентной борьбе с британцами.

В 1789 году крестьяне Лангра, в Шампани, жаловались: "Мы обременены всевозможными налогами. Мы до сих пор давали вам часть хлеба. Если так будет продолжаться, скоро его у нас не будет. Если бы вы видели бедные хижинки, в которых мы живем, скудную пищу, которую мы едим... Что нас очень тяготит, — это то, что богатые платят мало, а бедняки — много". Угрозы уже за два года до революции приняли характер массовых бунтов в городах и деревнях; классовое недовольство обострилось. Но правящие классы сопротивлялись всякому народному требованию. "Будут думать до самой катастрофы, — сказал Мирабо, — что народ можно всегда морить голодом".

И катастрофа пришла.

Она не могла не прийти, потому что дворянство вплоть до самой революции настаивало на своих привилегиях. Еще в 1776 году дворяне доказывали королю, что они имеют право не платить налоги. "Дело, — говорили они, — не в том, что богатые ведут борьбу против бедных", а в нарушении основного принципа старого порядка: "Личная служба духовенства состоит в исполнении всех функций, связанных с просвещением, отправлением богослужений и облегчением милостыней участи обездоленных. Дворянство своей кровью защищает государство и помогает государю своим советом. Низший класс нации, который не может оказывать государству столь же отличных услуг, выплачивает ему свой долг податями, промышленной деятельностью и физическим трудом". Такова была иерархия феодального общества, которую революция должна была взорвать: буржуазия стремилась к завоеванию политической власти, а крестьянство — к уничтожению феодальных порядков. Реформы нужны были всем угнетенным классам населения для буржуазного обновления Франции. Защитник интересов буржуазии того периода, аббат Сийес, сформулировал четко и ясно требования своего класса. "Что такое третье сословие?" — спрашивал он в 1789 году и отвечал: "Все". "Чем оно было до сих пор в политическом отношении?" — "Ничем". От имени буржуазии Сийес скромно добавлял: "Чем оно желает быть?" — "Чем-нибудь".

Буржуа XVIII века принес с собой новое мировоззрение. Грядущий век культуры буржуа называли веком разума. Они были убеждены, что будущее принадлежит им, что веления их разума соответствуют требованиям прогресса, тому естественному праву, каковым они считали право дофеодального общества, — прообраза общества будущего. Стремясь к наживе, буржуазия XVIII века вместе с тем создавала свой мещанский идеал скромности и бережливости. 13 добродетелей должны были отличать молодого человека нового класса от дворянина: умеренность, молчание, порядок, решимость, невзыскательность, трудолюбие, бережливость, откровенность, справедливость, обуздание, чистоплотность, спокойствие духа, кротость. "Не ешь до оупения, не пей до опьянения, избегай крайностей, не делай никакого излишнего расхода, подражай Иисусу и Сократу", — таковы заповеди нового человека XVIII века. Но этот добродетельный человек, как всякий мещанин, узок и эгоистичен. Буржуа — собственник, и его

добродетели на уровне его предпринимательских интересов. Он хитер и прекрасно знает, что "гораздо большая слава и прибыль человеку делать добро себе, чем чужому". Он советует своим близким: "Дети мои, будьте милосердны... Но все же друзей счастливых предпочитайте несчастным, богатых — бедным. Высшее искусство жизни в том и заключается, чтобы, оставаясь добродетельным, перехитрить хитреца".

При всем своем народолюбии буржуа относились к крестьянской массе и городской бедноте как к "черни"; они проводили четкую грань между "народом", под которым разумелось только "приличное" буржуазное общество, с одной стороны, и рабочими и крестьянами, — с другой. Эпоха, в которую складывалось это мировоззрение буржуазии XVIII века, получила в истории название "эпохи просвещения". Но нам следует твердо помнить, что, несмотря на решающую роль буржуазии и ее политических взглядов в эту эпоху, различные классы третьего сословия были носителями различной идеологии.

Вольтер, Монтескье и Дидро по-разному формулировали идею буржуазного государства, т.е. условия, при которых беспрепятственно могла бы процветать буржуазная собственность. Но наряду с этим выступали представители мелкой буржуазии, идеологи народопрямства и авторы уравнилельных проектов. Теоретики мелкой буржуазии — Жан-Жак Руссо, Мабли, Марат — не разделяли буржуазно-аристократического презрения к "черни", к ремесленнику, рабочему и крестьянину. Они решительно отбрасывали утверждение одного из реакционеров: "Сейчас у народа руки. Все потеряно, если он заметит, что у него — ум". Буржуа-либералы стремились навязать народу "свой ум". Демократы, мелкие буржуа хотели сформулировать самостоятельную программу городской и деревенской бедноты, "мелкого люда". Одни штурмовали феодальную собственность во имя собственности буржуазной, другие — Руссо, Мабли, Марат — мечтали о том, чтобы эта буржуазная собственность стала достоянием широких масс. Они искали новых моральных основ для организации общества. Мерсье, чье описание Парижа мы приводили выше, был защитником этой программы "демократов и уравнилель". Наблюдая резкие классовые противоречия в столице, богатство и нищету, он мечтал о более справедливом распределении собственности. Это было утопией, потому что буржуазной собственности ни один из демократов уничтожать не хочет и к этому не стремится.

Перед нами, таким образом, две программы буржуазной революции. Которой из них принадлежит будущее? Одно очевидно: революция не может быть совершена без помощи трудящихся масс, но не испугаются ли буржуа этой перспективы активного вмешательства "черни"? Не захотят ли они в том случае, если окажутся бессильными возглавить народные массы, предать интересы революции, историческая задача которой создать буржуазное государство? Не смогут ли народные массы освободиться от буржуазного влияния и создать грядущее общество, которому они будут диктовать свою волю? В дальнейшем мы разрешим эти вопросы при внимательном изучении истории французской революции.

За несколько лет до революции внимательному наблюдателю было ясно, что она наступит. Но буржуа-либералы всеми силами стремились избежать ее; они мечтали в лучшем случае о проведении в жизнь программы мирных реформ. Демократы-революционеры, которые, подобно Марату, задолго до революции разрабатывали программу грядущего народного восстания, были одиночками. Дантон не принадлежал к ним. Это был типичный представитель либеральной буржуазии.

Читателю теперь легче будет понять те условия, в которых складывалось политическое мировоззрение Дантона. Молодой адвокат вернулся в Париж из Реймса в 1785 году, полный надежд. Его мало удовлетворяло быть одним из 600 адвокатов Парижа; он мечтал о другом: скопить нужную сумму денег, чтобы купить прибыльную должность — государственные должности при старом порядке покупались — место адвоката в "королевских советах".

Должность эта стоила дорого, но зато, получив ее, можно было обеспечить себе дальнейшую карьеру, так как каждый из 73 адвокатов "королевских советов" пользовался привилегиями и прерогативами высшего судейского чиновника. Адвокат "королевских советов" входил в соприкосновение с администрацией; ему был открыт путь к высшим чиновническим должностям. Но за эту должность нужно было заплатить до 80 тысяч ливров. Часть денег была получена Дантоном при женитьбе на дочери содержателя кафе: в марте 1787 года он получил от господина Шарпантье 15 тысяч ливров звонкой монетой. Одна из его теток в Арси и дядя — почтмейстер из Труа — доставили еще 36 тысяч ливров. Так составила крупная сумма, и молодой адвокат вступил в исполнение своих обязанностей.

Но предварительно ему предстояло произнести, по принятому обычаю, публичную, перед лицом всей адвокатской корпорации, речь на тему "О политическом и моральном положении страны в их отношении к правосудию". Тема явно опасная. Не придется ли Дантону впервые за всю его жизнь выступить с публичным изложением своих политических принципов? Молодой буржуа, мечтавший только о выгодной адвокатской карьере, был чрезвычайно смущен этим обстоятельством. По словам сверстников, он заметил: "Это для меня все равно, что ходить по

острию бритвы". Ведь он все еще не мог отказаться от прибавления к своей фамилии дворянской частицы де (Дантон называл себя Д'Антон).

Перед лицом почтенной адвокатской корпорации молодой адвокат произнес речь, в которой наметил программу реформ, необходимых для того, чтобы избежать революции, и все это на изысканном латинском языке. Говорят, что, заканчивая свое политическое выступление, Дантон воскликнул: "Горе тем, кто провоцирует революцию! Горе тем, кто ее делает!" Слушатели — поверим друзьям-очевидцам — были до того поражены речью, что предложили ее напечатать. Но Дантон решительно отказался это сделать; он был и остался врагом "писательства". В 1787 году адвокатской карьере Дантона, казалось, не было преград. Реакционные историки пытались утверждать, что он как адвокат не пользовался успехом. По их словам, Дантон был "адвокатом без дела". Это не соответствует действительности. За несколько лет своей судебной практики он выступал в процессах по крайней мере 22 раза. Только в 1791 году, кончилась его адвокатская карьера.

В своем адвокатском кабинете, отмеченном в парижском справочнике за 1788 год как "кабинет господина Д'Антон — адвоката "s conseils", он принимал дворян, требовавших восстановления своего звания, ведущих судебную тяжбу за признание титула, буржуа с их кредитными сделками; дворян, претендующих на крестьянские земли, и ремесленников, требующих патента. Желая приукрасить своего героя, биографы Дантона рассказывают о том, что его первым процессом была защита пастуха, но этот процесс далеко не характерен для его адвокатской деятельности. В сентябре 1787 года он выступает в защиту маркиза Клерка-де-ля-Девез, настаивающего на признании его дворянского звания на основании документов, свидетельствующих, что его благородный род появился "во тьме веков". Адвокат выиграл дело своего подзащитного.

Спустя некоторое время он защищал дело Балтазара с тем же усердием, доказывая право своего подзащитного на дворянское звание.

В декабре 1787 года он защищает торговца Сансака, требующего вознаграждения за разрушенный дом, стоявший у одного из городских мостов. Защитник апеллирует к королю, доказывая, что если государственные интересы требуют охраны мостов, то интересы собственника от этого не должны страдать. В декабре 1788 года он защищает торговца, содержателя кафе, который просит короля освободить его от платежей ввиду того, что за последнее время дела кафе пошатнулись; Дантон надеется, что король окажет эту милость его подзащитному. Незадолго до революции, в январе 1789 года, он выступает в деле землевладельца, собственника ланд, земель, захваченных хозяевами на том основании, что никто их не осушает и не обрабатывает. Дантон требует восстановления землевладельца в своих правах. В апреле 1789 года он защищает подмастерье, бывшего солдата Готье, требующего признания своих цеховых прав. В июне того же года, когда революция уже началась, он защищает перед судом требование одного крестьянина об отмене постановления Парижского парламента от 12 апреля того же года — по вопросу о наследстве.

Адвокатская деятельность Дантона, как мы говорили выше, продолжалась до 1791 года. Забавно читать выступление "трибуна революции" 5 февраля 1790 года в защиту дворянина Луи Мансо, требующего у короля сохранения за ним дворянского титула на том основании, что фамилия Мансо принадлежала в прошлом протестантам, преследуемым самодержавием. В своей защитительной речи Дантон сказал: "Мой подзащитный готов был скорее покинуть свое отечество и свое имущество, нежели отказаться от заблуждения, которое было ему дорого, потому что оно было заблуждением его отцов". Он выиграл дело. В июле 1790 года Дантон выступает в интересном деле, защищая кавалера и дворянина Бройера против жителей коммуны Буи, которые, по словам защитника, нарушали священное право собственности. Наконец, Дантон выступает в деле собственника Деваузена, владельца земли на Сан-Доминго; его право оспаривала госпожа Ламбер. Адвокат требовал исполнения закона, даже если он несправедлив, но защищает интересы торговли колоний.

Краткие сведения, которые мы привели об адвокатской практике Дантона, лишней раз подчеркивают, что накануне революции он был типичным либеральным буржуа, не обремененным революционными принципами; он делал карьеру как адвокат старого режима. Впрочем, и многие другие будущие деятели Французской революции подобным же образом начинали свою карьеру. Ближайшие друзья Дантона — будущие министры в его кабинете 1792 года — Паре и Дюфорг служили у него накануне революции клерками; вместе с ним работал и его будущий враг, один из тех, кто в 1794 году с особой настойчивостью требовал его казни, — Билло-де-Варенн. Адвокатами были в это время в Париже все те, кто позже, в годы революции, составляли фракцию "дантонистов": Камилл Демулен, с 1785 года адвокат парламента; Эро де-Сешель, выходец из рядов дворянской знати; Делакура, начавший свою карьеру офицером жандармерии и позже получивший звание адвоката; будущий генерал Вестерман, сменивший саблю на перо клерка в Эльзасе, чтобы в годы революции снова взяться за саблю; "дантонист" Филиппо — адвокат с 1785 года, гордившийся названием "адвоката гезов", адвоката бедняков, и многие другие

представители различных политических лагерей: Барнав, Петтион, Верньо, Барер, Робеспьер, Кутон. Вся эта буржуазная молодежь начинала свою карьеру как адвокаты.

Но многие из них и до революции в гораздо большей степени, чем Дантон, связаны были с политикой, с борьбой против самодержавного государства. Что касается Дантона, то восторженные его сторонники из рядов буржуазных радикалов, и те в своих записках не могут нам сообщить ничего существенного по этому вопросу. Мы знаем только, что, примерно, около 1787 года по возвращении из Реймса адвокат Дантон вступает в среду "вольных каменщиков", — франк-массонов, — в ложу "Девяти сестер". Здесь он встречается с многими будущими вождями различных политических группировок революции: с будущим защитником буржуазной монархии — Байи, мэром Парижа в первые годы революции, с буржуазными республиканцами, жирондистами — Кондорсе и Бриссо, со своим ближайшим и любимым другом, "дантонистом" Камиллом Демуленом. Возможно, что здесь они критиковали старый порядок и говорили о революции. Возможно... Но точно мы этого не знаем.

В той единственной политической, публично произнесенной при вступлении в адвокатское сословие в 1787 году речи, о которой мы говорили выше, Дантон утверждал, что "горизонт покрывается тучами" и "что чувствуется приближение страшной революции". Но, как мы знаем, он призывал всеми силами бороться против ее наступления. Один из его подзащитных, Барентен, бывший в 1775 году руководителем управления налогов, а в 1788 году министром, чувствовал к нему особую симпатию. Утверждают, что они вели между собой долгие политические разговоры, что Дантон настаивал на проведении плана реформ. Барентен предложил Дантону стать секретарем его министерства; Дантон будто бы отказался на том основании, что будущее правительство печально и неопределенно. "Разве вы не видите, — воскликнул Дантон, — что на Францию идет лавина!" Дантон не был человеком теории; в отличие от своих современников, молодого Барнава, защищавшего политические права буржуазии в своем родном городе Гренобле, в отличие от молодого Робеспьера, занятого обсуждением философских вопросов в переписке с Академией и Франклином, в отличие от маркиза Лафайета, вернувшегося из далекой Америки, где он принимал участие в борьбе Америки за независимость, — в отличие от них Дантон был мирным буржуа, занятым накануне революции своей адвокатской карьерой, своей семьей и лелеющим надежду разбогатеть.

Но время было бурное. В городах и особенно в деревнях народное движение принимало все более и более революционную форму. Правительство Людовика XVI оказалось банкротом. Пришлось обратиться к стране за денежной помощью, но самодержавие решило собрать только нотаблей, т.е. представителей дворянства и финансовой аристократии. Спасти себя таким путем самодержавие не могло. Ни полицейские репрессии, ни жалкие реформы не могли изменить положения дел. Революция в стране началась. Дантон, как и вся либеральная интеллигенция, против воли был захвачен ею-

В это время рабочий, ткач из Реймса, Жан-Батист Армонвиль в часы досуга учился и пополнял свое образование вместе с другими рабочими — двоюродным братом Тристаном, Анри Бертраном, с бакалейщиком Кутье и сапожником Депаки. Они сходились на собраниях, обсуждали события и составляли проекты грядущей революции. По словам биографа Армонвиля, они вскоре получили возможность собираться в большом зале монастыря миноритов и здесь устроили что-то вроде "штатов четвертого сословия". Армонвиль был там любимым оратором. Священники и шпионы Реймса с ужасом наблюдали за этими собраниями. Они доносили властям: "...Безнаказанность и какая-то терпимость заставляют трепетать за последствия. Беспорядок явно растет". А в Париже другой революционер — Жан Поль Марат, ученый-физик и врач, продолжал обсуждать вопросы тактики и стратегии революционного восстания, для того чтобы вскоре от слов перейти к делу, чтобы возглавить плебейские массы в борьбе за демократическую республику...

Дантону исполнилось 30 лет, когда началась революция.

ДАНТОН В БОРЬБЕ С ФЕОДАЛЬНОЙ И БУРЖУАЗНОЙ АРИСТОКРАТИЕЙ (1789—1791)

Дантон не ошибся: "горизонт покрывается тучами; чувствуется приближение страшной революции". Лавина обрушилась на Францию. С января 1789 года возбуждение в стране достигло крайней степени. Повсюду в городах и деревнях, в коммунах и областных центрах выбирают представителей для будущих Генеральных штатов. Они должны решить судьбу Франции; они должны осуществить пожелания граждан Этампа. "Как были бы мы счастливы, — писали они в своем наказе, — если бы был отменен феодальный строй". Но осуществить это смогут не мирные дворяне и буржуа, а народные массы, крестьяне и городская беднота, одновременно или, точнее, еще задолго до выборов в Генеральные штаты начавшие свою революцию, подлинную борьбу с феодальным строем.

В конце апреля по всем дорогам в Париж мчатся почтовые колываги и роскошные кареты. Они везут 1600 депутатов, сеньоров, которые сами себя избрали, мелких дворян, фрондирующих против королевского двора, священников, адвокатов, врачей и всего несколько человек крестьян. Все они съезжаются в Версаль. Настроение депутатов далеко не торжественное. У себя на родине они видели начало восстания; в самом Париже их встретили рассказы о подавлении бунта в Сент-Антуанском предместье. Позже, спустя много лет, буржуа и дворяне, вспоминая начало революции, с ужасом рассказывали об этих первых вспышках революционного движения в городах и деревнях.

"Великий страх" — так прозвали собственники первую волну революционной борьбы. "Эта революция, — пишет в своих мемуарах дворянка Дез-Эшеволь, — открылась для меня пресловутым днем разбойников. Я была так мала, что не могла понять значения этого, а могла лишь наслаждаться шумом и движением... Отовсюду появлялись вестовые, сообщавшие, что к городу приближаются шайки разбойников. Они уже близко; их видели, они идут; нужно вооружаться для защиты... Наш город Мулен был в смятении, как и все другие города Франции, в которых под влиянием панического страха поднимались народные массы против этих невидимых разбойников, бывших не более как призраком, вызванным для того, чтобы найти повод вооружить народ. Те, которые пустили в ход эту страшную силу, скоро не были уже в состоянии умерить ее движения и сами погибли под ее напором. Революция развивалась и росла с ужасающей быстротой".

Дворяне были напуганы аграрным движением, не менее их были напуганы городские буржуа 27 апреля 1789 года в Сент-Антуанском предместье, когда рабочие, требовавшие повышения заработной платы, разгромили дом и фабрику Ревейона, а с ним и дом заводчика Анрио, считавших, что заработок в 15 су в день достаточен для пропитания семьи.

Так начиналась подлинная революция. "Не жалобы, не обиды приносили французы к ступеням трона, не просьбы, а крик возмущения против виновников всех бедствий, не пожелания, а требование прав человека и гражданина". Генеральные штаты только в июне 1789 года после долгой борьбы с королевской властью, борьбы, поддержанной народным движением по всей стране, превратились в Национальное собрание Франции. Впрочем, буржуа, представители третьего сословия, заставившие короля пойти на первые уступки революции, сами боялись последствий этой борьбы. Приняв название "Национального собрания" (23 июня), они отклонили предложение о превращении Генеральных штатов в "Народное представительство", потому что слово народ могло ввести в заблуждение, могло означать, что подлинные трудящиеся массы, плебс, будут допущены к власти.

В июне-июле 1789 года два врага стояли уже в полной боевой готовности против феодализма: буржуазия и народные низы. Только наивные люди могли думать, что с провозглашением Национального собрания революция кончилась, что она обойдется без капли крови.

Артур Юнг, английский путешественник, занес в свой дневник 8 июня: "Париж в таком возбуждении в связи с созывом Генеральных штатов, заседающих в Версале, что ни с кем нельзя вести мирной беседы: говорят только о политике".

А через день, 9 июня, мы читаем в дневнике: "Париж захлестнут брошюрами. Я пошел в Пале-Рояль, чтобы познакомиться с вновь вышедшей литературой; каждый час появляется новая брошюра. Вчера их вышло шестнадцать, сегодня тринадцать, и по крайней мере девяносто две за прошлую неделю... Потребность в чтении политической литературы столь возросла, что в стране не хватает типографий. Девятнадцать двадцатых этих брошюр требуют свободы и проникнуты ненавистью к привилегиям... Многочисленные кафе Пале-Рояля представляют собой бурные клубы, они наполнены толпой, которая теснится у дверей и окон, слушая ораторов, проповедующих свободу".

10 июня. "Все как будто бы направлено к тому, чтобы сделать страшной судьбу страны. Голод ужасен. Каждую минуту приходят из провинции новости о восстаниях и бунте. Приходится прибегать к армии, чтобы сохранить порядок на рынках. Цены растут; хлеб бедняков стоит от 3 до 4 су за фунт. Эти цены выше заработка и порождают жуткую нищету".

Через две-три недели не только не наступило успокоение, революционная волна подымалась все выше и выше. Когда Юнг в конце июня выехал из Парижа в провинцию, он не узнал страны. Всюду по дороге крестьяне и городские буржуа требовали от него ответа, что думает он о свободе. Почтовая связь в это время между столицей и провинцией была налажена скверно; вести доходили с трудом, и о взятии Бастилии он узнал гораздо позже, спустя неделю после 14 июля, а за это время уже вся Франция была охвачена восстанием. В Лионе к началу июля рабочие сжигали городские таможни, в Бордо происходило то же, повсюду буржуа, крестьяне и рабочие вооружались, создавали свои органы самоуправления, готовились к защите своих прав с оружием в руках. Восстание было направлено не только против феодального режима, но и против скупщиков хлеба.

По всей Франции третье сословие уже с первых шагов своей деятельности было встречено ненавистью "четвертого сословия". В Маконне и Божоле крестьяне предали огню 72 замка. Буржуазная национальная гвардия с большой решительностью подавляла движение. Та же вооруженная сила обрушилась на крестьян в окрестностях замка Корматен,— в перестрелке погибло 20 человек; около Ключи крестьяне потеряли 100 убитых и 170 человек было захвачено в плен. "Постоянный комитет", состоящий в Маконне из буржуа, захватив в плен крестьян, приговорил 20 из них к смерти. В провинции Дофине, в области, где все три сословия выступали первое время солидарно, уже в июле крестьяне и рабочие вынуждены были выступить против буржуазии, соединившейся с дворянами. Национальная гвардия Лиона оказала помощь национальной гвардии Дофине в борьбе с повстанцами — крестьянами, которых поддерживали лионские рабочие.

В Париже царило возбуждение. Правительство Людовика XVI готово было отказаться и от тех ничтожных уступок, которое оно сделало народу в июне. Министр Неккер, популярный среди буржуазии, был смещен Людовиком XVI. В столице бедняки объединились под лозунгом "добиться успеха или умереть".

Пале-Рояль, место сборищ, напоминало бурное море. Один оратор за другим призывал народ к восстанию; маркиз Сен-Юрж, обнищавший аристократ, Лусталло и Камилл Демулен — два молодых революционных журналиста — и адвокат Дантон призывали к выступлению.

Вот в эти-то дни в дистриктах Парижа, в самом передовом из них — дистрикте Кордельеров, началась революционная карьера Дантона. 13 июля 1789 года, вспоминая позже, в годы Империи, адвокат Лаво, он встретил Дантона, которого знал как мирного и спокойного буржуа. Дантон вскочил на стол и декламировал грозным голосом о "величии свободы". Он призвал к оружию всех граждан, чтобы дать отпор 15 тысячам бандитов, собравшихся на Монмартре, и 30-тысячной армии, готовой по приказу аристократов разгромить Париж и задушить его обитателей. Увлеченный своими бурными речами, Дантон обратился к Лаво со словами пропаганды; он слышать не хотел о том, что в Версале царит спокойствие; он утверждал, что его собеседник плохо осведомлен, что он забывает о величии народа-суверена, поднявшегося против деспотизма. "Будь одним из наших, — говорил ему Дантон, — трон низвергнут, и твое сословие погибнет. Подумай об этом".

В ночь с 13 на 14 июля раздался набат. Парижане, и прежде всего жители рабочих предместий, призваны были на борьбу с версальским правительством. Звуки набата становились тревожнее и грознее. Толпа на улицах вооружалась и искала только объекта для нападения. Среди этой толпы были и крестьяне, пришедшие в Париж и вооруженные палками, окованными железом. Голодные грабили булочные, громили фабрики и склады, полицию; взломали ворота тюрьмы и освободили арестованных. Они повесили купеческого старшину Флесселя за то, что он препятствовал вооружению народа. Народ был ненавистен буржуа, выборщикам, поспешившим организовать свою милицию, будущую национальную гвардию, чтобы не допустить повстанцев в центр города. Недаром один из историков, говоря о событиях 13 июля, пишет: "Менее запуганные планами двора, чем этими людьми, которых они уже окрестили разбойниками, буржуа организуют милицию, чтобы противостоять им". Народное движение сломало не только сопротивление королевских войск, но и буржуазной милиции. Призыв к оружию встретил широкий отклик. В 4 часа дня 14 июля Бастилия была взята.

Вот как современники описывают это событие: "Народ двинулся по улице Сент-Антуан к входу в крепость. Предварительно, однако, толпа решила направиться к Дому Инвалидов, чтобы вооружиться. Народ бросился к складу оружия и захватил его в громадном количестве. Толпа завладела пушками. Граждане прибежали толпами, оружие раздавалось с десяти утра до самого вечера. Не считая пистолетов, сабель и штыков, вооружено было 26 тысяч человек. Комендант крепости оказался предателем. Он приказал развернуть знамя мира, тогда толпа доверчиво приблизилась к крепости. Гвардейский отряд и около 500—600 вооруженных граждан вошли во двор Бастилии, но как только часть толпы перешла через первый подъемный мост, он был поднят, артиллерийский залп свалил несколько человек из французской гвардии. Пушку навели на Париж; народ был объят ужасом, множество граждан было убито и ранено. Вскоре, однако, ряды осаждавших сомкнулись, толпа укрылась от выстрелов, многие побежали за пушкой.

Пушки достали в Доме Инвалидов; обратились за спешной помощью к дистриктам Парижа. Оружием, добытым из Дома Инвалидов, вооружали граждан; жители Сент-Антуанского предместья прибежали толпами; они поставили пушку на краю рва, чтобы атаковать Бастилию со стороны сада, а новые отряды гвардии и населения дистриктов расположились вместе с пушками вдоль гавани.

Ружейный огонь с обеих сторон увеличивался с минуты на минуту... Уже разбили цепи первого подъемного моста — он упал, тогда толпа проникла на первый двор крепости; там были обнаружены виновники столкновения; их вид удвоил храбрость, и народ приступил к правильной осаде.

Надо было взять второй мост и проникнуть внутрь самой крепости. Столкновение становилось все более шумным; выстрелы возбуждали воинский пыл. Влезали на крыши, в комнаты, и как только кто-нибудь из осажденных показывался между башенными зубцами, его метким выстрелом сбивали со стены. В это же время пушечные выстрелы и брошенные ядра пробивали второй подъемный мост и разбивали цепи, на которых он держался.

Напрасно грохотали башенные пушки, осаждающие были укрыты от их огня; разъяренная толпа не обращала внимания ни на опасность, ни на смерть; женщины оказывали нам посильную помощь; даже дети после выстрелов бросались подбирать пули и картечь...

Обстрел продолжался. Ядра, падавшие с грохотом на подъемный мост, уже разбили одну из поддерживающих его цепей; осажденные заметили, что его хотят спустить, и, отчаявшись, они спустили малый подъемный мост... Граждане Эли, Гюлен и Майяр бросаются на мост и сейчас же требуют открыть последнюю дверь. Враги подчиняются; осаждающие хотят войти, но осажденные все еще защищаются, тогда осаждающие умерщвляют всех, кто мешает войти в крепость, овладевают лестницей, берут пленников, проникают всюду; одни захватывают сторожевые посты, другие влезают на башни; при рукоплесканиях и криках восторга громадной толпы они поднимают священное знамя родины"...

Так пала Бастилия. Когда спустя несколько дней до провинции докатилась весть об этой победе народа, в Анжере буржуа-адвокат на огромном народном собрании торжественно заявил: "Итак, его не существует более, исчез этот памятник исступления и деспотизма, этот гнусный вертеп, куда могущество сильных повергало несчастные жертвы ненависти и интриги... Бастилия пала!"

Какое участие принимал Дантон в революционной борьбе 14 июля, мы не знаем. На штурм Бастилии шли не только рабочие и крестьяне, но и молодые люди из буржуазии. Среди повстанцев было немало рантье, возмущенных тем, что изгнание Неккера может грозить государству банкротством. Молодой Дантон был среди них. Во всяком случае в ночь с 15 на 16 июля мы узнаем, что во главе отряда национальной гвардии дистрикта Кордельеров стоял капитан Дантон. Со своим отрядом Дантон отправился в Бастилию, чтобы потребовать от вновь назначенного Лафайетом коменданта Суллеса разрешения осмотреть побежденную крепость. Комендант запротестовал, тогда Дантон захватил его и потащил в дистрикт, недвусмысленно угрожая Суллесу, что его ожидает та же участь, что и купеческого старшину Флесселя, голова которого уже несколько дней как украшала пики предместий. Мирный буржуа Дантон стал революционером. Захваченный народным движением, он был вовлечен в борьбу со старым порядком.

14 июля было только началом революции. Повсюду, куда доходила весть о падении Бастилии, народ восставал. В августе 1789 года обыватель писал из провинции в Париж: "Третьего дня страшное возмущение разразилось в Марселе. Гражданская милиция пыталась рассеять толпу, но была встречена градом камней; отдан был приказ стрелять; один из мятежников был убит; двенадцать других ранены. После схватки, длившейся несколько часов, национальная гвардия, организованная из буржуа Марселя, вышла победителем. Двадцать восемь человек были повешены". "Придется нам очень плохо, — писали буржуа Марселя, — если не обуздать их товарищей, угрожающих предать все огню и мечу, спалить марсельскую гавань. У нас пришлось удвоить стражу для предупреждения наплыва этой банды в наш город".

Но плебейские массы, о которых так непочтительно отзывались буржуа, продолжали свою борьбу; крестьяне отказывались платить налоги и сжигали дворцы сеньоров. Значение взятия Бастилии и последовавших за ним других революционных событий было прекрасно сформулировано Лениным: "...История подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, — писал он, — что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14 июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивление самодержавия?" Под муниципальной революцией, о которой пишет Ленин, он подразумевает организацию буржуазной власти в городах и деревнях Франции после победы 14 июля.

За три месяца, от августа до октября 1789 года, революция далеко шагнула вперед. Мелкие уступки никого не удовлетворяли, все ждали, что близится день второго революционного выступления. В августе королевская власть, подобно тому как она это делала и раньше в июне и июле, стремилась к организации контрреволюционных сил. Вот почему буржуа, заседающие в Национальном собрании, с вниманием прислушивались к тому, что происходило в провинции. Силы контрреволюции неизбежно сплачивают силы революции. "Жакерия летом 1789 года, — по словам венецианского посла, наблюдавшего события, — вошла в обычное течение жизни, и распространяться о ней значило бы то же, что говорить о смене тепла и холода". Ему вторил

* В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.11, стр.205.

польский дипломат, особенно возмущенный тем, что, крестьянские бунты превратились в войну, в кровавую войну против замков.

4 августа 1789 года Национальное собрание при зареве горящих поместий и таможен соглашается объявить отмену самых нелепых феодальных прав, раскрепостить личность крестьянина, но не уничтожает зависимого состояния его земли. "Да, только при виде пламени своих пылающих замков, — писал Марат, — сеньоры обрели в себе необходимое величие духа для того, чтобы отречься от своей привилегии держать в оковах людей, с оружием в руках завоевывающих свою свободу".

Революция продолжалась и после издания законов об отмене феодальных прав 4 августа. "Уже много дней в столице, — писал из Версаля своим землякам депутат Национального собрания Страсбурга, — не прекращаются волнения по поводу продовольствия, с трудом можно получить хлеб". Коммуна и Национальное собрание ничего не сделали, чтобы накормить голодный народ, потому что накормить могла его только революционная власть за счет дворян и буржуазии. Вот почему в октябре 1789 года революционное выступление предместьев было направлено не только против короля, но и против Коммуны и Национального собрания. Рано утром 5 октября толпа женщин, совместно с рабочими предместьев, осадила Ратушу, ворвалась в совет Коммуны и потребовала к ответу своих представителей. Толпа кричала: "Эти господа лишены мужества, они не могут отомстить за себя. Мы будем действовать вместо них. Представители коммуны — предатели, плохие граждане. Они заслуживают смерти, и в первую очередь — Байи и Лафайет". Толпа угрожала сжечь Ратушу. Повстанцы провозглашали: "Мы отправимся к Национальному собранию, мы хотим ознакомиться со всем тем, что оно декретировало до сих пор".

В Версале толпа требовала не столько утверждения декретов 4 августа, сколько хлеба и чистки народного представительства. Когда один из депутатов-священников протянул в толпе свою руку женщине для поцелуя, — она ответила: "Я не шлюха, чтобы целовать лапу пса". Собрание хотело мирно продолжать свои работы, оно обсуждало декрет о реформе уголовного кодекса, но повстанцы кричали: "К чему? Зачем нам уголовное законодательство, если Париж без хлеба?" К сожалению, революционное движение не нашло нужного руководства. Либеральные буржуа, с ужасом наблюдавшие на протяжении нескольких месяцев вторичное выступление плебейских масс, мечтали о том, чтобы поскорее его ликвидировать. Это удалось сделать руководителю буржуазной национальной гвардии, маркизу Лафайету. 8 октября Коммуна объявляет гражданам Парижа, что она "будет рассматривать как врагов столицы всякого, кто нарушает общественное спокойствие". Так вторично, после 14 июля, революционное движение, начатое народными массами, было использовано буржуазией в своих интересах.

Что делали в это время демократы в дистриктах Парижа? Самый демократический из них, дистрикт Кордельеров, пытался возглавить движение. Дистриктом было опубликовано воззвание с призывом к борьбе, по всей вероятности написанное Дантоном, но демократы оказались не в силах возглавить движение и добиться победы.

Какое участие принимал Дантон в революционной борьбе этих дней, мы знаем мало. 3 октября вечером на собрании дистрикта молодой Тибодо, сопровождавший в Париж своего отца — депутата Генеральных штатов, присутствовал при выступлении Дантона. Дантон председательствовал; он считался одним из наиболее популярных ораторов дистрикта. Тибодо прежде всего поразила внешность Дантона, его огромная атлетическая фигура, его лицо, изрытое оспой, его мощный голос и драматические жесты, энергия и смелость во всех его движениях.

Дантон председательствовал на собрании дистрикта как человек, сознающий свою силу. Он увлекал собрание за собой; он предложил то обращение к народу с призывом выступить в Версаль, о котором мы упоминали выше. Камилл Демулен, вспоминая эти дни, писал: "Дантон со своей стороны ударил в набат в дистрикте Кордельеров. В воскресенье этот бессмертный дистрикт опубликовал манифест и с того времени стал авангардом парижской армии, идущей на Версаль..." Сам Дантон, однако, в Версаль не пошел. Во всяком случае, когда суд Шатле привлек к ответу виновников октябрьских дней, Дантона не было среди них. Зато позже, 11 октября, после того, как король и Национальное собрание переселились в Париж по воле народа, Дантон вместе с делегацией дистрикта Кордельеров отправился к Людовику XVI, чтобы выразить ему "чувство признательности города Парижа, и в частности дистрикта Кордельеров, по поводу решения его величества остаться в столице своего королевства".

В отличие от других дворян и либералов-буржуа Дантон с первых дней революции проникает в ряды демократических дистриктов и здесь в самой гуще мелкобуржуазных масс Парижа защищает дело революции. Но уже с первых шагов своей деятельности он твердо помнит о том, что сам сказал в 1787 году, когда вступал в ряды адвокатского сословия: "Горе тем, кто провоцирует революцию! Горе тем, которые делают ее!" Возглавляя народное революционное движение, он стремится направить его по руслу легальной борьбы, использовать его в интересах буржуазии, сыном и защитником которой он оставался всю свою жизнь.

Прошло четыре-пять месяцев после начала революции. Буржуазия торжествовала свою победу. В августе одно народное празднество сменялось другим. 9 августа состоялся парад национальной гвардии: буржуа в новых с иголки мундирах торжественным маршем проходят по улицам Парижа; в церквах служат обедни; оперные певцы, военная музыка и церковные хоры сменяют друг друга, "присоединяя звуки величественного гимна и голос пламенной веры к героическим призывам". Под звуки труб и дробь барабанов национальная гвардия 10 августа сопровождает рыночных торговцев, которые служат торжественную мессу в церкви св. Женевьевы. 4 сентября даже рабочие Сент-Антуанского предместья, ближайшие соседи Бастилии, включились в празднество; они смастерили маленькую деревянную Бастилию и несут ее как жертву в церковь св. Женевьевы. Новое знамя дистрикта развевается среди изорванных бастильских знамен.

Но это праздничное настроение никого не может обмануть. Революция до сих пор не разрешила ни одной сколько-нибудь существенной задачи. В рабочих кварталах, в предместьях парижане с восторгом расхватывают газету Марата "Друг народа", которая 21 сентября "разоблачает проект усыпить народ". "Если принять во внимание, — пишет "Друг народа", — что большая часть объявленных уступок может произвести свое действие только в будущем, что ни одна из них не ведет к быстрому облегчению бедности народа и бедствий, испытываемых государством, если принять во внимание, что несчастные в данный момент нуждаются в хлебе, если принять во внимание потерю драгоценного времени, вызываемую вечными претензиями по поводу частичных уступок, — прениями, которые замедляют великую работу над конституцией, — этим единственным средством успокоить мир, доверие, кредит, безопасность и свободу, увековечить общественное счастье, если принять все это во внимание, то придется пожалеть, что Генеральные штаты потратили на эти мелкие вопросы время, предназначенное на великие дела".

В конце 1789 года победительницей была верхушка буржуазного класса, ее аристократия; она создавала необходимые условия для господства крупных капиталистических собственников. Аристократию не пугали предупреждения Мирабо: "Берегитесь, не относитесь с презрением к этому народу, который производит все, к народу, которому стоит только пребывать в неподвижности, чтобы быть страшным". Владея огромными капиталами, а теперь и властью, буржуазная аристократия навязывала свою волю народу: она преобразовывала Францию по своему образу и подобию. Составленное из городских и деревенских буржуа, из дворян и буржуа-собственников и негоциантов, Национальное собрание по всей стране создавало вооруженную силу, национальную гвардию и городское самоуправление, служащее ее интересам. Государство было в руках "активных граждан", крупных собственников. Под "активными гражданами" понимали не тех, кто дрался с оружием в руках 14 июля и 5—6 октября за власть, а тех, кто были в эти дни пассивны, но обладали собственностью и поэтому считали себя вправе управлять государством.

Ремесленники и беднота Парижа, миллионы трудящихся и мелкой буржуазии, с возмущением заявляли: "Наши депутаты не являются нашими представителями. Все устроено так, чтобы мы не имели влияния на их выбор. Можно ли так издеваться над доверчивостью свободного народа?" В первые годы революции нацией была буржуазия и собственник был единственным гражданином страны. И, когда в августе 1789 года обсуждалась Декларация прав человека и гражданина, депутат Малюзэ напомнил победителям: "Для чего переносить людей на вершину горы и оттуда указывать им на всю область их прав, раз нам приходится потом заставлять их спускаться с высот, определять границы и снова вводить людей в мир действительности, где они будут встречать препятствия на каждом шагу". Но эти иллюзии необходимы были либеральной буржуазии как средство влияния и подчинения широких народных масс. Декларация прав человека и гражданина провозгласила равенство людей по рождению и узаконила их рабство на основе частной собственности. Сословные привилегии исчезали, но привилегии богатства сохранились. Это были не только экономические привилегии, но и политические, поскольку управление государством находилось в руках богатых.

"Послушайте, что пишет Камилл Демулен, — говорили в предместьях. — Только что во Франции образовалось аристократическое правительство... Чтобы почувствовать всю нелепость этого режима, достаточно сказать, что Жан-Жак Руссо, Корнель, Мабли не могли бы быть избраны... Ведь активные граждане — это те, кто взяли Бастилию, это те, кто вспахивает поля, тогда как духовные и придворные тунеядцы, несмотря на огромность своих владений, являются лишь растениями, прозябающими подобно тому евангельскому дереву, которое совсем не приносит плодов и которое нужно ввергнуть в огонь".

"Нет, вы лучше послушайте, что писал вчера "Друг народа":

"Что мы выиграли от уничтожения аристократии и дворян, если она заменена аристократией богачей, и если мы должны стонать под игом этих новых выскочек, то лучше было бы сохранить привилегированное сословие... Страшитесь доводить нас до отчаяния и не толкайте нас на путь мщения, заставив подвергнуть вас всевозможным эксцессам или скорей всего предоставить вас самим себе. Ведь, чтобы поставить вас на наше место, нам достаточно лишь бросить все и скрестить руки. Вынужденные тогда жить работой рук своих и вспахивать поля свои, вы станете равными нам..."

Но протесты пока ни к чему не приводили. Расчистив почву от наиболее вредных наростов феодализма, освободив промышленность от цехов, торговлю от таможенных застав, заставив дворян платить налоги, объявив о распродаже земель духовенства, буржуазная аристократия создавала наиболее благоприятные условия для своего расцвета. Задача сводилась теперь только к тому, чтобы укрепить свою власть законодательством против трудящихся. Это и было сделано в ближайшие годы. Не удивительно, если после октябрьских событий 1789 года буржуазия поспешила издать военный закон против народных сборищ. Больше всего победители боялись народного восстания, грозящего их благополучию. "Поэтому они постоянно,— пишет Марат,— восстают против энергичных призывов, против пылких речей, одним словом, против всего, что может дать живо почувствовать народу его нищету и напомнить ему о его правах".

14 июля не оправдало революционных надежд народа. То же было и с революцией 5 и 6 октября. В том и в другом случае народные массы не довели борьбы до конца, не встряхнули Национальное собрание, городские коммуны, национальную гвардию, не вымели из них аристократов, попов, богачей. Мелкий люд, крестьяне и рабочие Франции могли быть уверены, что при первой попытке защищать свои права они натолкнутся на вооруженную силу буржуазии. Постановление Национального собрания о военном законе предлагало на народный бунт отвечать огнем.

Парижские празднества в августе-сентябре 1789 года не могли никого обмануть. Как раз в это время из далекой провинции, из Арраса, к депутату Национального собрания, Максимилиану Робеспьеру, приехал в Париж его брат Огюстен. В письме на родину он описал свое первое впечатление от революционной столицы: "В двенадцати милях от Парижа я узнал тревожную весть, будто пятнадцать тысяч человек отправились в Версаль с целью заставить Национальное собрание отменить декреты, обеспечивающие французскую свободу. Мужество мое содрогнулось при этой грозной новости. Я вспомнил отменную храбрость городских коммун и полетел в Париж, твердо решив с мушкетом в руках защищать нацию. Слухи оказались ложными, и мне не пришлось братья за оружие. Однако тут была и доля правды. Прибыв в столицу, я увидел сборище людей, бесшумнодвигающихся по городу и поражающих только своим множеством: недостаток хлеба был единственной причиной этого движения. Надо вам сказать, что в Париже немало хлебных спекулянтов. Эти алчные люди бегают по булочным, скупают много хлеба и затем перепродают его по повышенным ценам... Большинство депутатов Национального собрания — явные враги свободы... Я сокрушаюсь, — заканчивает письмо Огюстен, — по поводу покорности нынешнего Национального собрания, его достоинство скомпрометировано возмутительными пасквилями депутатов правой. Бесчисленное количество ограниченных умов не знает, что творит..."

Подобное положение вызвало протест не только со стороны рабочих и последовательных демократов, но и среди той либеральной интеллигенции, которая, подобно Дантону, не связана была ни с торжествующими победителями из рядов буржуазной аристократии, ни с королевским двором и дворянством. Либеральная интеллигенция в первые годы революции попыталась проникнуть в гущу масс, найти среди них опору для своей политической деятельности. Дантон в конце 1789 года — один из самых популярных людей демократических дистриктов Парижа.

Постоянные выборные комитеты парижских районов (дистриктов) были созданы еще в июле, до взятия Бастилии, из активных граждан-выборщиков, созданных для избрания депутатов в Генеральные штаты от третьего сословия. С конца апреля эти дистрикты объявили себя заседающими перманентно. Постановление это подтверждено было 12 июля, накануне взятия Бастилии. Часть дистриктов в богатых кварталах столицы были политическими центрами буржуазной аристократии. Дистрикт св. Фомы был центром банкиров и рантье Парижа, опорой Неккера и маркиза Лафайета, вождя буржуазной национальной гвардии. Дистрикт Кордельеров, наоборот, был опорой демократических элементов. В центре дистрикта находился Французский театр, привлекавший к себе широкие круги буржуазии из всех районов Парижа. Но, конечно, не Французский театр, а социальный состав населения превращал дистрикт Кордельеров в оплот демократии. Здесь жили адвокаты, типографы, издатели, журналисты и артисты. Здесь было немало ремесленников. В этом квартале Парижа печатались революционные газеты "Революции Парижа" Лусталло и "Оратор народа" Фрерона. Здесь же подвизался Камилл Демулен, редактор популярной "Революции Франции и Брабанта". Наконец, здесь же, в дистрикте Кордельеров, Марат печатал подпольно свою газету "Друг народа".

Позже, когда буржуазия решила уничтожить парижские дистрикты и заменить их 48 секциями, дистрикт Кордельеров превратился в секцию Французского театра, но и тогда в основном он не потерял своего демократического лица.

В дистрикте Кордельеров демократы и революционеры из рядов мелкой буржуазии вели борьбу против муниципальной и национальной аристократии, и в частности против парижской Ратуши, против городского самоуправления столицы, выборного органа парижской буржуазии. Во главе Коммуны стоял академик Байи — типичный буржуа-либерал, упорно и настойчиво защищающий позиции буржуазной аристократии. Вместе с маркизом Лафайетом он был занят созданием опорных пунктов для охраны завоеваний буржуазии от революционных выступлений народных масс.

Политическая программа демократов в их борьбе с муниципальной аристократией сводилась к следующим пунктам: они требовали революционной бдительности по отношению к врагам народа, они обвиняли мэра коммуны Байи и Лафайета в продовольственной разрухе и спекуляциях, в правительственном терроре. Они обвиняли их в нарушении прав народа, которому запрещено свободно собираться и выражать свое мнение. "Коммуна, — говорили они, — превратилась в аристократическую корпорацию".

Дистрикт Кордельеров приобретал все большую и большую популярность, объединяя разнородные демократические элементы.

Одно время дистрикт превратился даже в "самостоятельную республику". Дантон выступает здесь не только в роли "капитана" отряда национальной гвардии, но и как активный участник движения. Дистрикт взял на себя выполнение задач демократической исполнительной власти на своей территории; он требовал введения права отзыва депутатов. Не дожидаясь решения Национального собрания, 15 сентября дистрикт объявляет артистов гражданами, предоставляя им все права, в которых отказывал им старый порядок и даже Национальное собрание. 20 октября дистрикт за подписью Дантона постановил регламентировать продажу муки; другой декрет устанавливал порядок снабжения дистрикта хлебом; третий — вопрос об ассигнатах. 21 декабря Дантон задержал на территории дистрикта несколько телег серебра, пересылаемого Учетной кассой из Парижа в Лимож. Коммуна во главе с Байи тщетно протестовала против самочинных действий демократических властей. Но все это происходило уже в конце 1789 года, не ранее октября месяца.

В первые же месяцы революции Дантон создал себе имя популярного оратора на собраниях Пале-Рояля, подготавливая ту роль, которую с октября месяца он бесспорно начинает играть в дистрикте Кордельеров, окруженный друзьями: автором комедий Фабр Д'Эглантин, Камиллом Демуленом, Моморо, Фрероном и др.

В декабре-январе на территории Кордельеров разыгрались события, сделавшие Дантона особенно популярным в столице. "Дело Дантона" было продолжением "дела Марата".

Представим себе бурную революционную жизнь дистрикта. Здесь живет большинство будущих вождей мелкобуржуазной демократии. Они произносят речи не за закрытыми дверями, а на улице, перед толпой. Многие из них работают, пишут статьи-прокламации тут же на улицах, на тумбах. Демулен, Фрерон, Лежандр и Дантон на перекрестке улиц Одеона и Французской комедии агитируют в толпе ремесленников и мелких буржуа. Представим себе собрание дистрикта, где читает свою статью Марат, где произносят зажигательные речи Демулен, Дантон, Клоотс.

Историк Мишле в художественной форме изобразил нам эти бурные заседания дистрикта.

— Какая толпа! Сможем ли мы войти? Граждане, посторонитесь! Товарищи, вы видите, я привожу чужого. Шум может оглушить, почти ничего не видно. Эти маленькие дымные факелы только оттеняют ночь. Какой туман над толпой! Воздух полон голосами и криками. Странно, неожиданно странно, первое впечатление. Нельзя представить себе ничего пестрее этой толпы. Хорошо одетые господа, рабочие, студенты, даже священники... Но преобладают литераторы. Видите ли вы автора комедии "Филинта", Фабр Д'Эглантина? А вон тот, с черной шапкой волос, республиканец Робер. А вот эта фигура, грубоватая по виду, будущий "отец Дюшен", редактор революционной газеты Эбер. А дальше стоит типограф-патриот Моморо. Но поглядите, кто там председательствует? Честное слово, сам ужас.

Какой грозный облик у Дантона. Что это — циклоп, божество преисподни? Лицо изрыто оспой. Титан с маленькими темными глазами. Общий облик сумрачного вулкана. Нет, это не человек, это сама стихия смятения. Упоение и безумие венчают его. Смотрите, он скривил рот, от его голоса дрожат все стекла. Слово принадлежит Марату. Он призывает собрание Кордельеров к новому восстанию. Граждане приветствуют Марата. Но руководители собрания — Дантон, Лежандр, Демулен — скептическими улыбками встречают трагический пафос "Друга народа".

— Всегда ты трагичен, — говорит Дантон, — сверхтрагичен, Марат. Мы можем тебя упрекнуть в этом. Впрочем, у тебя есть одно извинение — твоя жизнь полна скитаний по катакомбам. Скажи всерьез, те тысячи голов врагов народа, которые ты требуешь, нужны ли они? Нужно ли новое восстание против Коммуны и Национального собрания? Не лучше ли покончить дело мирно, добившись ясно выраженной воли народа. Не надо делать с большим числом то, что можно сделать с меньшим. Я полагал бы, что трех или четырех голов, скатившихся к ногам свободы, будет достаточно для развязки событий.

Демократы-революционеры столкнулись на собрании Кордельеров с либералами, с демократами-оппортунистами. Их споры вскоре не ограничатся словом, они будут решаться в гражданской войне, их будет решать гильотина. Дело революции не есть дело одной Франции. Пруссаки Анахарсис Клоотс в своей речи здесь на собрании доказал это демократам.

— Для чего природа поместила Париж на равном расстоянии от полюса до экватора? Не для того ли, чтобы он стал колыбелью, столицей всемирного союза? Здесь собираются Генеральные штаты мира. Пусть рухнет лондонский Тауэр, как рухнула Бастилия. С тиранами будет покончено. Знамя французской свободы обойдет весь мир. Тогда не будет больше ни провинций, ни армий, ни побежденных и победителей. Будут ездить из Парижа в Пекин, как из Бордо в Страсбург. Океан мостами кораблей соединит свои берега, Восток и Запад объединятся. Рим стал всемирной столицей в войне. Мир превратит Париж в новую столицу человечества. Да, чем больше я думаю, тем больше вижу возможность единого народа, вижу, как легко будет всемирному собранию, заседавая в Париже, направлять колесницу человечества.

Какое дело Дантону, Марату, Демулену до мистических пророчеств Клоотса. Они думают о другом, о борьбе с аристократией, заседающей в Коммуне, о борьбе с Байи и Лафайетом. Собрание Кордельеров расходится под звуки песен и призывные революционные крики.

Француз твердит — плохи дела,
Нам умирать пора пришла —
Вот что его огорчает!

...

У нас и впрямь карман с дырой,
Но век нам близок золотой —
Вот что нас утешает!

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Коммуна в ноябре-декабре 1789 года твердо решила вести борьбу со всеми теми, кто руководил демократическим движением дистриктов. В начале декабря в Париже распространился слух, что Дантон скупил голоса Кордельеров. 11 декабря дистрикт решительно протестует против оскорблений талантов и гражданских чувств господина Д'Антонна. "Последний, — читаем мы в постановлении дистрикта, — дал немало ярких доказательств как военный и как гражданин своих патриотических чувств. Признательность членов собраний дистрикта своему дорогому председателю, высокое почтение, которым они преисполнены к его редким достоинствам, признаки доверия, которыми они отмечали его заслуги в каждом новом выборе решительно отбрасывают всякое подозрение в неблаговидных с его стороны поступках. Собрание дистрикта поздравляет себя с тем, что в его среде имеется столь твердый защитник свободы, и надеется, что будет иметь возможность неоднократно высказывать ему свое доверие". Это постановление дистрикт Кордельеров решил разослать всем остальным 59 дистриктам столицы.

Мы не знаем, что послужило основанием для подобной клеветы. В дальнейшем нам придется вернуться к этому вопросу, но не подлежит сомнению, что Байи и Лафайет с усердием распространяют подобные слухи, чтобы дискредитировать в глазах масс одного из энергичных руководителей демократов.

15 декабря дистрикт решил протестовать против муниципалитета, требовавшего в 24 часа обсудить план будущей реорганизации самоуправления, чтобы утвердить власть буржуазной аристократии и прекратить "революционный беспорядок". Дантон был послан, чтобы заявить протест против решения Коммуны у решетки Национального собрания. Несколькими днями позже Дантон столкнулся с Коммуной и еще по одному вопросу: в удостоверениях, выданных офицерам национальной гвардии, Байи сохранил старую форму, что вызвало протест демократов. В Коммуне с решительным протестом выступил Дантон. Он сказал, что удостоверения офицерам подписаны: "Монсиньор мэр". Разве допустимо, чтобы в годы революции народное собрание сохранило старые титулы? Коммуна бурно реагировала на вторжение демократов. Впрочем, мэру удалось доказать, что обвинение построено на недоразумении, что слово "монсиньор" напечатано по ошибке вместо слов "господин мэр и главнокомандующий национальной гвардии". Но все это были только аванпостные стычки. Дело вскоре дошло до революционного столкновения между дистриктом Кордельеров и Коммуной.

Один из наиболее популярных революционеров этой эпохи, Марат, не прекращал письменной и устной пропаганды за новое восстание. Он стал предметом преследований судебных властей. Марат обвинял Байи и Лафайета в том, что они являются орудием в руках правительства. "Правительство, — писал он, — смертельный и вечный враг народа". Марат был вызван к прокурору, но не явился. В тот же день против него, против всех демократов и дистрикта Кордельеров начался поход буржуазных кварталов столицы. Дистрикт Сорбонны утверждал, что Марат, Дантон и др. являются "нарушителями мира и возмутителями общественного порядка". В январе преследования Марата достигли крайней степени, В ночь с 9 на 10 января его тщетно пытались арестовать на улице Старой Комедии, где он жил и где печатал свою газету. Он обратился за помощью в дистрикт Кордельеров; 11 января дистрикт на общем собрании граждан вынес решение выступить в защиту Марата.

Марат отклонил требование явиться в суд, он опубликовал громкую статью против верховного суда Шатле, не реформированного еще революцией. В борьбу вмешалось Национальное собрание, потребовавшее решительной борьбы с "поджигателем". Лафайет поспешил отправить в дистрикт батальон национальной гвардии сент-этьенского дистрикта. Кордельеры, однако, решили не допустить ареста "Друга народа". Решение дистрикта, подписанное председателем Паре, вице-председателем Фабр Д'Эглантинном и секретарем Дантоном, гласит: "Настаивая на принципах своего постановления 11 января и вновь обсудив вопрос, который дал основание для этого решения, дистрикт считает, что в наше время, которое, естественно, порождает усилия патриотов бороться против врагов рождающейся конституции, борьба эта является обязанностью всех добрых граждан и, следовательно, всех дистриктов Парижа, которые показали себя столь славными в революции. Задача дистриктов наблюдать за тем, чтобы ни один человек столицы не был лишен свободы без постановления, законом утвержденного, и объяснения причин ареста. Только таким образом возможно будет уничтожить всякое подозрение в самовластии". Кордельеры требуют, чтобы всякое постановление об аресте гражданина на территории дистрикта было санкционировано их представителями, специально на то избранными пятью комиссарами, — "хранителями свободы". Эти комиссары: Дантон, Сентен, Шефтель и Лабле, имя пятого нам неизвестно.

16 января Коммуна потребовала от прокурора немедленного ареста Марата. Соппротивление дистрикта должно было быть сломлено, так как его идеи проникали в хижины простых ремесленников. "После чтения газеты Марата, — заявляли руководители Коммуны, — они отказывают в почтении тем, кто больше всего заботится об их благополучии". 19 января Кордельеры снова настаивают на своей резолюции. По предложению Дантона дистрикт остается на строго легальной почве. Он требует соблюдения закона. Демократы хотели произвести только внушительную демонстрацию против Байи и Коммуны, но последняя искала повода для разгрома революционного центра.

22 января квартал Одеон, территория Кордельеров, был наводнен войсками. В экспедиции приняло участие 3 тысячи человек. Это были национальные гвардейцы кварталов Парижа, населенных банкирами, торговцами и богатыми ремесленниками. Во главе войск стоял ювелир Карль, командир батальона Генриха IV. В 8 часов утра отряд подошел к дому, где жил Марат, и хотел произвести обыск. Комиссары дистрикта во главе с Дантоном заявили им, что приказ об аресте противозаконен. Если верить показаниям судебного пристава, Дантон при этом утверждал, что Кордельеры в случае применения силы ударят в набат, и он надеется, что граждане из сент-антуанского и сент-марсельского предместий пришлют им на помощь 20 тысяч человек. Более того, поддержанный криками толпы, Дантон бросил своим громовым голосом реплику: "Если бы отряды Кордельеров были так же мужественны, как я, солдаты с оружием в руках изгнали бы батальон с территории дистрикта".

Народ спешил вооружиться. Опасность росла. Дело могло принять серьезный оборот. Батальон был окружен шумной толпой. Одна из женщин сказала солдату: "Если бы мой муж-гренадер был бы столь подлым, чтобы арестовать Друга народа, я раскроила бы ему череп". Рабочий в толпе, внимательно наблюдая за действием солдат, ругал Коммуну и правительство, но когда его толкнул офицер национальной гвардии, рабочий ответил ему с иронией, смешанной с горечью: "Ты хотел бы, чтобы мы бунтовали в интересах контрреволюции, тебе необходимо спровоцировать толпу, я это вижу великолепно. Мы сохраним выдержку, пусть лопнут от ярости все аристократы, представителем которых ты являешься".

Дантон внимательно прислушивался к настроению толпы, но, верный своим принципам, он заявил собравшимся, что защищает Национальное собрание против Шатле и Коммуны, вернее — Байи и Лафайета. Он поспешил разъяснить свою угрозу: "Если явится толпа из предместий, — говорил он, — Это будет несчастье. Не следует прибегать к насилию, нужно действовать только разумными доводами". Карль почувствовал, что руководитель движения, Дантон, готов пойти на уступки. Несмотря на протесты толпы, в 6 часов вечера дом Марата был все же обыскан.

Друг народа скрылся. Твердость властей возымела свое действие. Кордельеры уполномочили Дантона возглавить делегацию, явиться в Национальное собрание и добиться его решения. Дистрикт в своем постановлении решительно подчеркивает, что он отнюдь не хочет оказывать вооруженного сопротивления властям: "под ружье не было поставлено ни одного лишнего человека". Собрание, ознакомившись с материалом и убедившись в том, что дело можно покончить быстро и безболезненно, обратилось к Кордельерам с декретом, требовавшим выполнения приказа об аресте. "Национальное собрание, — читаем мы в обращении, — ожидает от патриотов дистрикта Кордельеров, что они помогут выполнению приказа". В 8 часов вечера, узнав о решении Собрания, дистрикт во главе с Фабр Д'Эглантинем послал делегатов к Лафайету. Дистрикт готов был подчиниться всем приказам властей. На этом дистрикт Кордельеров кончил свою "геройскую" защиту Марата.

Но победители этим не удовлетворились. 27 января начато было дело против Дантона. 17 марта был издан декрет об его аресте. Дистрикт Кордельеров в отчаянии требовал 18 марта прекратить преследования патриотов, и прежде всего Дантона.

В продолжение двух недель Париж был занят "делом Дантона". Большинство секций высказались в его защиту и только несколько из них, там, где была сильна буржуазная аристократия, как дистрикт св.Маргариты, требовали судебных мер против демагога. Все дело было, безусловно, раздуто Байи и Лафайетом. Дантон, как мы видели, в бурные дни 22 и 23 января требовал лишь подчинения закону и пытался оказать легальное сопротивление насилию. В своей речи на собрании дистрикта 22 января 1790 года он заявил: "Господа, если бы мы следовали только нашим настроениям, то, увидя себя осажденными на нашей территории двумя тысячами вооруженных солдат, закрывших все входы и выходы, мы тотчас же вооружились бы и ответили бы силой на насилие, имея в виду только законы войны; мы изгнали бы из нашего дистрикта солдат, которые явились сюда, чтобы преследовать нас. Но упаси меня боже, господа, чтобы я вам проповедовал подобные истины. Эти солдаты — наши братья, их слепое подчинение приказам начальства — их единственная ошибка. Вооруженные, как мы, для защиты свободы, они не предполагают, что защищают дело деспотизма. Завтра, когда они станут просвещенными патриотами, они будут страдать не меньше нас. Гражданская война была бы неизбежным последствием нашего сопротивления, и этого, только этого, добиваются наши враги, чтобы подготовить контрреволюцию. Разрушим же их подлые проекты, будем пользоваться только доводами разума..."

Дантон предложил обратиться к Национальному собранию и подчиниться любому его решению. В этом выступлении Дантона все свидетельствует о мирных намерениях либерального буржуа, даже если он вынужден в своей борьбе прибегнуть к мерам протеста. В Париже прекрасно понимали, что дело о Дантоне возбуждено по особым причинам Байи и Лафайетом, но и Дантону в конце концов оно принесло пользу. По правильному замечанию историка Луи Мадлена, "оно создало шум, необходимый Дантону, чтобы приобрести популярность". Дело было прекращено только в мае 1790 года, после того, как Национальное собрание решило вопрос об аннулировании декрета Шатле против Дантона. Но в Париже долго циркулировала и пользовалась успехом брошюра; автором ее, возможно, был сам Дантон: "Великое слово по поводу великого дела великого Дантона, имевшее место в великом дистрикте великих Кордельеров, и о великих последствиях этого дела".

Торжествующая буржуазия в течение ближайших двух лет делала все возможное, чтобы задержать демократическое движение в Париже. Борьба Кордельеров была не началом, а последней вспышкой муниципальной революции, начавшейся 14 июля 1789 года со взятием Бастилии. Уже в январе 1790 года Дантон в самом разгаре борьбы с Коммуной вступил в ее ряды как представитель дистрикта Кордельеров. Он попал туда не без труда. Как известно, демократические дистрикты требовали императивного мандата, т.е. хотели связать своих представителей определенными обязанностями перед избирателями. В ноябре 1789 года Кордельеры установили клятву, по которой депутаты в Коммуне должны были отчитываться и могли быть отозваны в случае, если этого добивались их доверители. Формула клятвы была подписана Дантоном, но только двое из пяти представителей дистрикта согласились дать эту клятву; остальные подали в отставку. Они были тотчас заменены другими. Но Коммуна аннулировала постановление Кордельеров и потребовала возвращения тех трех депутатов, которых демократический дистрикт изгнал как не желавших принести присягу.

В конце ноября эта борьба кончилась по существу победой Коммуны. По-видимому, Дантон в этой борьбе играл решающую роль. В середине января Кордельеры объявили свое представительство и в Коммуну были избраны: Дантон, Лежандр и др. 23 января 1790 года — день вступления Дантона в Коммуну. Роль его здесь почти до конца июня была ничтожной. В продолжение лета и осени 1790 года он оставался в тени и продолжал заниматься адвокатской практикой. Мы отмечаем это выше. 5 февраля 1790 года он защищает господина Мансо, отстаивающего свое дворянское звание. 25 апреля он защищает требование общины об организации переправы на Роне. Он как бы стал другим "человеком". Трибун снова выступает в роли мирного буржуа. Буржуазные историки поражены этим превращением. Нас оно, конечно, удивлять не может. Дантон остался тем, чем он был, но его коллеги по Коммуне были не мало удивлены, обнаружив, что "дьявол из дистрикта Кордельеров оказался добрым дьяволом". Гракх Бабеф в одном из своих обращений к Дантону писал: "Ты спишь, Брут, а Рим — в цепях".

Адвокат Дантон ведет теперь мирную семейную жизнь зажиточного буржуа. Он постепенно богатеет, уплачивает в ближайший год свои долги,— около 60 тысяч ливров, в марте и апреле 1791 года приобретает три национальных имения за 57 тысяч ливров. Более того, 13 апреля 1791 года он покупает у г-жи Лио-де-Курсель великолепный дом на родине в Арси; сюда он приезжает на лето отдыхать. За дом заплачено около 25 тысяч ливров наличными. В Дантоне просыпаются инстинкты кулака-крестьянина. Он приобретает один земельный участок за другим. В том же 1791 году он назначает своей матери пожизненную ренту в 600 ливров и ежегодную ренту в 100 ливров своей кормилице, Маргарите Гарио. Откуда появились эти богатства? Вопрос, которым стоит заняться, это будет предметом особой главы нашей книги.

Но, как странно! Париж полон слухов о продажности Дантона! Одни говорят, что он английский шпион, другие утверждают, что он подкуплен двором, третьи, — что он является агентом герцога Орлеанского, мечтавшего об низложении Людовика XVI, чтобы самому стать "королем буржуазии". Слухи упорные, они с октября 1789 года вплоть до самой смерти Дантона и позже в продолжение многих десятилетий следуют за ним как тень. Дантон вынужден оправдываться. Его защищают друзья, но сомнения не исчезают. Только спустя много десятилетий историкам удалось внести некоторую ясность в этот вопрос. Но об этом позже.

Летом 1790 года, 18 июня, жена Габриэль родила ему сына, которого полушутливо, полусерьезно в Париже звали "дофином Кордельеров". Демократы распевали патриотическую песенку: "Трепещите, тираны, министры и беспартийные (так называли партию Байи), родился новый Дантон! Трепещите! Он пойдет по стопам своего отца. Поглядите, у него на лбу печать общественного спасения. Первые слова, которые произнес он, как говорит его отец, храбрый Дантон: "Жить свободным или умереть". Мадам Дантон забыла свои страдания и ее первой заботой было украсить младенца национальной кокардой. Будьте покойны! "Господин дофин" будет лучше воспитан, чем господин королевский дофин!..".

Дистрикты в июне 1790 года были заменены 48 секциями Парижа. Кордельеры вошли в состав секции Французского театра. Дистрикт Кордельеров был преобразован в "клуб Кордельеров", или общество Друзей Прав Человека и Гражданина, где в это время подвизались Дантон, Лежандр, Марат, Фурнье-американец, Эбер, Фабр Д'Эглантин, Клоотс и другие будущие деятели Конвента. Эмблемой клуба был широко раскрытый наблюдающий глаз, а девиз — популярные слова: "Свобода, равенство, братство".

Что касается Дантона, то он одновременно состоял членом более умеренного в то время якобинского клуба.

Несомненно, что в клубе Кордельеров он играл, конечно, гораздо меньшую роль, чем в конце 1789 года в дистрикте. Правда, он продолжает бороться с Лафайетом; 29 мая на общем собрании еще не ликвидированного дистрикта Кордельеров он требует, чтобы народ перестал рабски преклоняться перед своими начальниками. "Когда мы,— гремит его голос над толпой,— имели господ, страх и надежда заставляли нас ползать у их ног. Но сегодня, когда существует только авторитет, дарованный народом, когда существуют только те, кого народ сделал великими, мы можем страшиться только закона, а наши надежды мы должны связывать только с нашей добродетелью, нашими собственными талантами".

Подобно всем либералам и демократам той эпохи, он выступает летом 1790 года в защиту прав солдат, и, когда в августе дворяне-офицеры, покровительствуемые буржуазной аристократией и правительством Национального собрания, с небывалой жестокостью подавили восставших солдат в Нанси, Дантон присоединился к протесту демократов. Он исходил в этом случае из тех же идей, что и в мае 1790 года, когда выступил в защиту солдат двух полков, явившихся в Париж с жалобой на скверно выпеченный хлеб, который раздавали им в казармах. Он заявил даже, что солдаты-патриоты имеют право в подобном случае призвать министров к кровавой ответственности.

2 августа 1790 года Байи был переизбран мэром Парижа 12.500 голосов из 14.010 голосовавших. Дантон, которого монархисты все еще по старой памяти называли "бешеным", получил всего 49 голосов. Это было жестокое поражение экс-председателя Кордельеров. 11 августа "активные" граждане, т.е. граждане-собственники секции Французского театра, избрали Дантона одним из трех своих представителей в Генеральный совет Коммуны. Но его кандидатура встретила решительное сопротивление в других секциях. Из 47 секций 42 высказались против его избрания. Из 96 избранных он единственный был изгнан. После этого нового поражения Дантон исчезает, о нем ничего не слышно в течение ближайших месяцев.

10 ноября 1790 года он вновь появляется у решетки Национального собрания во главе делегации парижской Коммуны, требуя отставки министров. Лафайет в своих мемуарах считает, что таков был план, организованный секретным комитетом секции во главе с Дантоном, но вряд ли это было так. Секции, и прежде всего демократическая секция Монконсей, добивавшаяся устранения министров, действовали под влиянием революционного протеста, вызванного избиением солдат и патриотов, граждан Нанси. Когда 48 секций, собравшись, решили обсудить вопрос о подаче петиции Национальному собранию, среди активных защитников предложения секции Монконсей был Дантон. Он был секретарем собрания. Возможно, что Дантон редактировал соответствующий адрес, но во всяком случае он был, как мы отмечали выше, оратором делегации Коммуны у решетки Национального собрания.

"Коммуна Парижа, — заявил он в своей речи, — больше, чем какая бы то ни было другая коммуна Франции, наблюдала за поведением министров. Эта коммуна, составленная как бы из граждан 83 департаментов, надеется выполнить в интересах всех граждан-французов свою обязанность первого стража конституции. И во имя выполнения этой задачи я выражаю мысль, дорогую всем врагам деспотизма, пожелание, которое поддержали бы все части великой государственной семьи, если бы все секции королевства имели возможность собраться так же быстро, как мы в Париже. Это требование — об отставке министров".

Дантону не давали говорить, но он продолжал энергично защищать свою точку зрения, не скупясь на весьма нелестную характеристику министров. Каждого из них он обвинял в защите деспотизма. Исключение он сделал только для Монморена: "Напрасно утверждают, — закончил Дантон, — что Коммуна Парижа не привела доказательств своим депутатам, которых она подозревает: вы недостойны общественного доверия, хотя бы потому, что вы остаетесь у власти во время процесса, который мы начали против вас".

Его речь произвела сильное впечатление. Парламентская трибуна была стихией Дантона. Он стремился к ней, его участие в демократическом движении дистриктов было только преддверием для его парламентской карьеры. Карьера эта ему пока не удавалась. В октябре-ноябре 1790 года он мечтал только о депутатском кресле в Коммуне или департаментском собрании. Под департаментским собранием Парижа, или точнее Сены, мы понимаем собрание представителей для управления делами области. Значение этого учреждения было гораздо меньше, скажем, чем значение Коммуны Парижа, и во всяком случае, чем Национального собрания. Но после ряда неудач даже звание депутата департаментского совета представляло для Дантона некоторый интерес. В октябре секция Французского театра выбрала его своим депутатом в собрание выборщиков департамента. Он встретил здесь сильную неприязнь. Все было сделано для того, чтобы не допустить его избрания. В продолжение долгого времени Дантон терпел поражение за поражением. И только в конце октября он 144 голосами был избран администратором департамента, 22-ым по счету из 36-ти. На этом посту он оставался до 7 декабря 1791 года, когда был избран заместителем прокурора Коммуны.

В департаментском совете Дантон не играл никакой роли, не имел значения и сам про себя иронически говорил: "Я за все время пребывания здесь не приобрел ни одного рекрута среди департаментских ослов". Как же все-таки случилось, что после стольких неудач Дантону удалось быть избранным? Мы этого не знаем. Утверждают, что ему помог Мирабо, для которого важно было иметь в составе департаментского совета ожесточенного врага Лафайета.

Время революционных движений народных масс прошло — по крайней мере так казалось Дантону. Он приспособился к легальным условиям парламентской деятельности и прежде всего мечтал о том, чтобы добиться признания среди государственных людей буржуазии, не порывая вместе с тем своих связей с либеральной и демократической оппозицией, с теми, кто заседал в якобинском клубе и в клубе Кордельеров. О настроениях Дантона в этот период свидетельствует его письмо, написанное на имя председателя собрания департаментских выборщиков 1 февраля 1791 года. Дантон заверял в этом письме правительство, что не обманет его надежд и что будет следовать только велениям "разумной умеренности для того, чтобы пользоваться плодами нашей прекрасной революции". Дантон заверил своих коллег по департаменту, что он всем существом своим предан "нации, закону и королю" и что он все сделает для того, чтобы "оберечь конституцию".

Но его заверения помогали мало. Только в мае Дантона допустили, наконец, в число членов одной из департаментских комиссий по руководству и наблюдению за общественными учреждениями. В марте-апреле 1791 года он переносит центр своей деятельности в якобинский клуб.

Наступил 1791 год. Буржуазия как раз в этом году закончила свою деятельность по организации государства. Осенью 1791 года Национальное собрание издало конституцию, из-за которой три года назад депутаты третьего сословия вели борьбу с королем. Эта конституция не имела в виду интересов народных масс — интересов демократии. Она закрепила и оформила позиции крупных собственников, утвердила капиталистическую эксплуатацию вместо эксплуатации старого порядка. Феодальные отношения в деревне были уничтожены ровно настолько, насколько это необходимо было крупным собственникам, чтобы, приобретая земли духовенства и дворянства, самим занять прочные позиции в рядах землевладельческого класса. В городах все феодальные препятствия для развития торговли и промышленности были уничтожены ровно настолько, насколько это было необходимо в интересах крупного капитала.

Один из крайних либералов 1789 года, молодой Барнав, теоретик буржуазии, в своих речах дал обоснование той буржуазной контрреволюции, которая в этом 1791 году завоевывала одну позицию за другой.

"Революция, — говорил Барнав, — не может сделать больше ни шага, не подвергаясь опасности. Если на пути свободы первым следующим действием будет упразднение королевской власти, то на пути равенства первым действием, которое могло бы последовать, было бы покушение на собственность. Какую ночь 4 августа остается теперь совершить? Все должны сознавать, что общий интерес требует, чтобы революция остановилась. Те люди, которые понесли потери, должны увидеть, что заставить ее пойти назад невозможно и, следовательно, речь может идти об ее закреплении. Обновители отечества, дадим случай для торжества тем людям, которые в других странах интересовались нашей революцией! Они кричат нам: "Вы могущественны, вы умны, будьте умеренны! Этим будет завершена наша слава"...

Таков был совет победителей, но трудящиеся массы города и деревни, весь мелкий люд Франции, далеко не были удовлетворены законодательством 4 августа 1789 года, которое в лучшем случае переокрасило фасад старого порядка. Две трети нации жаловались на то, что государство "не ставит ни во что большинство", ограничиваясь звонкими обещаниями.

Обычно ссылаются на политические свободы, но в глазах демократов 1791 года эта свобода — пустой звук.

"Какое значение имеет политическая свобода для нас, — писал Марат, — которые никогда не знали ее и никогда не будут знать? Она имеет ценность лишь в глазах мыслителя, желающего научить людей, публициста, стремящегося составить себе имя, и граждан, которые не хотят над собой никакого господина. А у нас, бедных, обездоленных, совершенно нет времени на размышления". Впрочем, бедняки прекрасно размышляли и видели, что законодательство первых лет революции, даже изменив распределение налогов, "сохранило всю тяжесть их для бедняка. Хлеб, который он ест, вино, которое он пьет, ткань, в которую он одевается, обложены тяжелыми налогами". Национальные земли, земли духовенства скупала буржуазия. Крестьяне не могли ею воспользоваться.

Каково же заключение? "Все те преимущества, которые богачи находят в своих владениях под защитой наших узаконений, существуют не для нас, и в этом отношении мы остаемся столь же чужими революции, как если бы вовсе не входили в состав государства". Декларация прав человека и гражданина, таким образом, оставалась пустым звуком, тогда как конституция 1791 года оформила французское государство. Класс противостоял классу; Барнав — Марату.

Народные массы в городах и деревнях по всей территории Франции упорно сопротивлялись классовому законодательству буржуазии. Крестьянское движение было подавлено национальной гвардией городов, а забастовочное движение в промышленных центрах раздавлено тюрьмой и той же вооруженной силой. В июне 1791 года Национальное собрание под страхом штрафа и тюремного заключения запрещало рабочим образование союзов для защиты своих интересов. Социальное законодательство первых двух лет революции, которое должно было несколько ослабить нужду и уменьшить безработицу, было теперь уничтожено. С ростом нужды росло предложение рабочей силы, что было выгодно для предпринимателей, — они могли таким образом диктовать законы рабочим.

Рабочие писчебумажных фабрик, непокорные подмастерья столицы должны были платить сто ливров штрафа каждый раз, когда они уходили от хозяина, не предупредив его об этом по крайней мере за шесть недель. Репрессивных мер против рабочих требовала прежде всего Коммуна Парижа, и под ее давлением Национальное собрание 14 июня 1791 года в самый разгар политической борьбы издало закон против стачек и рабочих союзов; закон, известный под названием — "закон Ле-Шапелье". Рабочие массы в городах и городская беднота в деревнях были обезоружены. Их положение не облегчалось тем, что весной 1791 года были уничтожены таможенные преграды, началась свободная циркуляция хлеба, товаров и отменены были цехи. Старый порядок исчез, воцарилась буржуазия.

Как должны были в этих условиях действовать те слои средней буржуазии и либеральной интеллигенции, идеологи той умеренной и зажиточной части мелкой буржуазии, для которых революция была необходима? Если бы королевская власть и дворянство примирились с существующим положением дел, если бы они подчинились воле буржуа-победителей, если бы буржуазная аристократия пошла навстречу их требованиям, они нашли бы общий язык против тех народных масс, которые в статьях и афишах Марата угрожали новым восстанием. Но дело обстояло иначе. Королевская власть и дворянство не желали подчиняться. Они искали лишь повода для контрреволюции. Крупная буржуазия стремилась сохранить за королевской властью те позиции, которые дали бы ей возможность оказать сопротивление народным массам. Людовик XVI вместе с Марией-Антуанеттой и всей камарильей двора упорно и настойчиво готовил нападение на революцию. Внешне король во всем выражал свое подчинение конституции, предупреждая в то же время через своих агентов европейских феодалов, чтобы они не придавали значения его заявлениям. Мария-Антуанетта требовала у своего брата, австрийского императора, выслать на помощь армии Эмигрантов 15 тысяч человек. Навстречу этой армии 20 июня 1791 года и должен был выехать король со всей своей семьей, заняв предварительно деньги для организации своего побега у парижских банкиров. Классовая борьба, назревавшая в стране уже давно, в июне — августе 1791 года прорвалась наружу. Франция стояла у порога гражданской войны.

В этих условиях нам станет понятна деятельность Дантона и всей либеральной буржуазии в этот период. В марте 1791 года Дантон начинает "леветь". Как всякий оппортунист в политике, он сохранял позиции умеренного до того момента, пока выступления народных масс и углубление классовой борьбы не заставило его изменить эти позиции. Он вынужден был с марта-апреля 1791 года выступить в роли вождя противоправительственной оппозиции. 30 марта в клубе якобинцев Бонне-Каррер скрыл, что он назначен посланником в Льеж. Дантон обрушился на него и заявил, что Бонне-Каррер перестал быть другом свободы, потому что "он вступил в семью врага, в ряды исполнительной власти. Хвалить его могут в таком случае только рабы". Это была грозная филиппика, она встретила сопротивление со стороны большинства членов якобинского клуба и в том числе еще тогда умеренного Колло Д'Эрбуа.

Остроумные парижане распевали:

Господин Дантон,
Оставьте свой страшный вид.
Господин Дантон,
Вас могут принять за демона.
Сбавьте тон.

Громовой голос Дантона, раздававшийся с трибуны якобинского клуба, начал привлекать к себе внимание всей

Франции, но за этим громовым голосом не было еще пока "громового" содержания. Дантон не задевал конституции, не требовал республики. Он был весьма умерен и нападал только на королевский двор. С горечью Дантон добавлял: "По всей видимости, как это ни грустно, придется восполнить революцию".

3 апреля 1791 года неожиданно умер Мирабо. В своей речи по поводу его смерти Дантон потребовал созыва нового Законодательного собрания не позже, чем в мае будущего года. И это было весьма умеренным требованием, тем более, что Законодательное собрание начало работать гораздо раньше, чем того "требовал" Дантон. Когда 18 апреля 1791 года Людовик XVI сделал первую попытку сбежать в Сен-Клу, Дантон, по-видимому, сыграл некоторую роль в сопротивлении, оказанном этому бегству со стороны батальона Кордельеров. А вечером того же дня он ограничился мягким протестом в якобинском клубе; извиняя народ, он категорически отвергал свою ответственность за насилие над королем. Более того, он вынужден был по настоятельному требованию департаментского совета 7 мая 1791 года подписать заявление, что Лафайет и мэр Парижа Байи неповинны в каком бы то ни было покушении на народные массы, хотя всем было известно, что они предпринимали решительные шаги для разгрома народного движения.

Наступили июньско-июльские дни 1791 года. Король, как мы говорили выше, готов был к бегству. Его проект не мог оставаться в тайне; слишком уж шумны были приготовления. Марат мог задолго до бегства короля, со слов возлюбленного королевской прачки, оповестить парижан о плане бегства. Впрочем, о плане знали Байи и Лафайет, но ничего не предприняли. Смешно читать теперь описание этого бегства. Королевская семья должна была выехать в огромной, специально построенной карете, которая не могла не обратить на себя внимания всех граждан. Две кареты с девятью седоками, одиннадцать лошадей, трое курьеров в новых ярко-желтых куртках — один на козлах, а другой скачет галопом у дверцы кареты, третий — мчится впереди для заготовки новых лошадей. "Вот картина, которую созерцали тысячи настороженных людей, испуганных одной возможностью бегства короля по дороге, по которой бродил призрак эмиграции. Созерцали и как бы не замечали ее" (Л.Блан).

Так совершилось "тайное" бегство короля из Парижа. Парижан не смутил отъезд. В конце концов все были им довольны. Дворяне и попы надеялись, что король вернется вскоре во главе иноземных войск и раздавит революцию. Некоторые либеральные буржуа, к которым примыкал Дантон, надеялись, что бегство короля поможет им уничтожить аристократическую конституцию. Но все они боялись одного: не послужит ли бегство короля поводом для новой революции, для нового народного восстания? Эта боязнь глубоко проникала в сознание буржуа.

Могли ли, однако, демократы якобинского клуба и клуба Кордельеров отнестись безразлично к благоприятной политической ситуации? Не должны ли они были поспешить воспользоваться моментом, чтобы добиться уступок от Национального собрания? Когда Барнав в якобинском клубе 21 июня заявил: "Все раздоры забыты, все патриоты слились воедино. Национальное собрание — вот наш руководитель. Конституция — вот объединяющий нас клич", — Робеспьер в ответ выступил с подробным разоблачением королевского заговора, заговора контрреволюционеров — министров и Национального собрания, "того собрания, которое готово ввести граждан в заблуждение, доказывая, что король неповинен в своем бегстве, что его заставили бежать". Речь Робеспьера была встречена в якобинском клубе с энтузиазмом. Дантон присоединился к общему мнению. 21 июня вечером, проходя мимо сада Тюильри среди толпы, он услышал голос, обвинявший Лафайета в предательстве: "Своей головой он должен ответить за бегство короля", говорил неизвестный. Дантон обернулся и обратился к народу: "Вы правы! Все ваши руководители — предатели и вас обманывают". Со всех сторон раздались приветствия: "Да здравствует Дантон! Наш батюшка Дантон!"

В якобинском клубе Дантон решительно потребовал не допускать в свои ряды предателей-министров и членов Национального собрания. Он снова и снова потребовал привлечения Лафайета к ответственности как прямого виновника бегства короля. "Необходимо, — сказал Дантон, — принять решительные меры, чтобы спасти государство". 23 июня при обсуждении вопроса, что будет делать Национальное собрание в случае возвращения короля, он заявил:

"Человек, носящий звание французского короля, поклялся охранять конституцию, и после этого — бежал: я с удивлением здесь слышу, что он до сих пор не лишен своей короны.

Этот человек, носящий звание короля французов, подписал документ, в котором он объявляет, что постарается изыскать средства для уничтожения конституции. Национальное собрание должно употребить все свои силы для охраны общественной безопасности.

Необходимо обнародовать во всеобщее сведение названный документ. Если король не откажется признать подлинность этого документа, то он преступник; в противном случае его придется считать слабоумным. Но, имея перед собой альтернативу, — считать короля преступником или безумным, — мне кажется, нам придется предпочесть последнее; иначе мы рискуем совершить величайшую ошибку перед лицом всего мира. Человек, носивший королевский титул, не может быть королем с того момента, когда он признан слабоумным, и нам необходим сейчас не регент, а опекунский совет.

Этот совет не может быть избран из членов законодательного корпуса. Надо созвать собрание по департаментам для избрания выборщиков, а последние, в свою очередь, выберут десять или двенадцать лиц, которые войдут в этот совет.

Члены совета, подобно членам Законодательного собрания, должны переизбираться каждые два года".

Практические предложения Дантона были весьма умеренными. Вероятно, он был солидарен с писателем Лакло, автором нашедшей книгу "Опасные связи", имея в виду, что совет в 10—12 человек, избранный департаментами, будет возглавляем герцогом Орлеанским, "королем буржуазии". Орлеанизм в эти годы не был только, как до сих пор изображают буржуазные историки, программой оплаченных агентов герцога Орлеанского. Это была политическая программа части либеральной буржуазии разочарованной в монархии, но не желающей республики, той самой буржуазии, которая мечтала о правительстве "золотой середины", чей идеал был осуществлен гораздо позже, после июльской революции 1830 года. Дантон в конце 1791 года разделял орлеанские иллюзии. Это не подлежит сомнению даже в том случае, если вопрос о том, состоял ли он платным агентом герцога Орлеанского, подобно Лакло, будет разрешен отрицательно. Грозные речи Дантона в якобинском клубе против короля не имели ничего общего с тем призывом Кордельеров к тираноубийству, который в это время был широко распространен в Париже.

Король, как известно, был схвачен по дороге к границе, в местечке Варенн, благодаря инициативе местных демократов во главе с почтмейстером Друэ. С позором беглецы возвращались в Париж. На стенах столицы были расклеены плакаты: "Кто станет рукоплескать королю, тот будет бит палками, кто его оскорбит, тот будет повешен". Народ встретил короля гробовым молчанием. Национальная гвардия держала ружья наперевес, как в день траура. Что же будет делать дальше народ? Останется ли все по-старому, или угрозы демократов будут осуществлены? Национальное собрание знало, что предпринять; оно собиралось с силами, чтобы раздавить всякое сопротивление. Требование республики не было всеобщим. Его поддерживали только отдельные представители демократов. 10 июля Бриссо в якобинском клубе произнес яркую речь против монархии. "Людовик XVI должен быть судим. Что касается вопроса, какая польза от конституционного монарха, от монарха-автомата, то всем, глубоко уверенным в этой пользе, следовало бы по крайней мере подумать об ее удешевлении и взять в пример египтян, которые, признавая царскую власть делом хорошим, но царей — вредными, заменили их камнем. Или вот еще пример шейхов, которые кладут на трон Коран и саблю, и живут себе республиканцами: во всяком случае это было бы средством сокращения гражданского листа". Как читатель видит, Бриссо в этой почему-то названной историками "республиканской" речи готов согласиться на замену короля, сохраняя, однако, королевскую власть. Для всей группы демократов-оппортунистов, для Дантона, Бриссо и др., речь шла, повторяем, о замене Людовика XVI "конституционным королем".

13 июля Дантон в якобинском клубе произнес грозную речь, но и он отнюдь не настаивал на республике. Дантон гремел: "Никогда короли по доброй воле не вели переговоров с народами, желающими восстановить свою свободу... Бояться иностранных держав! Но не следует ли больше опасаться последствий, если народ доверит свое правление в руки открытых врагов?" Он закончил свою речь под гром аплодисментов: "Пусть Национальное собрание трепещет! Нация, возрожденная к свободе, напоминает легендарного героя, который раздавил змей, несущих ему гибель. Он закончит все свои работы только тогда, когда уничтожит врагов!"

Но Национальное собрание, следуя советам Барнава, выгородило Людовика XVI. К суду были привлечены только те, кто содействовал его побегу. 15 июля 1791 года в клубе якобинцев Лакло предложил подать петицию в Национальное собрание не меньше, чем с 10 миллионами подписей. "Пусть тогда собрание утверждает, что те, кто желают низложения короля — бунтари". Дантон решительно поддержал это требование. "Да, — говорил он, — я люблю мир, но не мир рабов. Что такое право петиции, если не право выражать свое мнение? Чем мы обязаны в отношении декретов? К ним мы должны относиться с почтением и подчиняться. Но никто не может нам воспретить в петиции высказать свое отношение к тому или другому декрету". Так осторожно Дантон подходил к вопросу о борьбе с Национальным собранием и королевской властью. Более того, он требовал защиты конституции от Национального собрания. "Если у нас есть энергия, докажем ее. Аристократы Национального собрания показали, что они не желают конституции, так как они протестовали против нее... Почему же в таком случае нас могут считать виновными за то, что мы посмели высказать свое суждение открыто и энергично?"

Практически эта дискуссия означала для буржуа-демократов — Бриссо, Лакло, Дантона — необходимость немедленно составить петицию и во главе подписавших ее объявить о низложении королевской власти Людовика XVI. 16 июля в залу якобинского клуба ворвалась толпа в несколько тысяч человек. Возможно, что это нашествие было заранее подготовлено. Бриссо "заставили" писать петицию. Он желал только одного, чтобы "воля народа" выразилась в требовании "конституционных мероприятий" и освободилось бы место для нового кандидата в короли, удобного буржуазии. Вот текст петиции:

"Нижеподписавшиеся французы, члены державного народа, принимая во внимание, что по вопросам, с которыми связано общественное благо, народ имеет право выражать свои желания для осведомления и руководства своих уполномоченных; что никогда еще не представлялось вопросов более важных, чем вопрос, касающийся побега короля; что в изданном 15 июля декрете не содержится никакого распоряжения относительно Людовика XVI; что во исполнение этого декрета весьма важно быстро сделать постановление об участии этого человека; что основой решения должны послужить его поступки; что его клятвопреступление, побег и протест равносильны формальному отречению от престола; что Национальное собрание судило его, захватив исполнительную власть, приостановив действие королевской власти и содержа его под арестом; что новые обещания со стороны Людовика XVI отнюдь не представляли бы достаточной гарантии против нового заговора; что, наконец, величеству нации, а также и ее интересам было бы противно верить отныне бразды правления клятвопреступнику, изменнику и беглецу; требуют формально и категорически, чтобы Национальное собрание, именем нации приняло отречение, заявленное Людовиком XVI 21 июня, и озаботилось замещением его всеми конституционными средствами; нижеподписавшиеся заявляют, что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выразит желания, противного настоящей петиции".

Дантон мог быть доволен. Бриссо изложил их общую точку зрения. 16 июля в 10 часов утра на Марсовом поле 500 человек, среди них — Лежандр, Бриссо, Дантон, — провозгласили требование о низложении короля. Петицию с высоты специально воздвигнутого алтаря прочел Дантон, одетый в серое платье. Громовой голос трибуна, весь его вид произвели сильное впечатление на толпу. Она с энтузиазмом встретила его появление и провожала его криками восторга. Дантон считал, что на этом по существу его задача выполнена. Народ заявил энергично свое требование, но не вступил на путь бунта... Иным было настроение народных масс в парижских предместьях.

Марат, провозгласивший программу народного восстания, явно ошибался, когда предлагал Дантона в диктаторы. Это стало очевидным назавтра — 17 июля.

Огромные толпы народа во главе с Кордельерами еще 16 июля ожидали на Марсовом поле, что вскоре будет принесена из якобинского клуба петиция для подписей. Но когда эта петиция была прочитана и народ узнал, что Людовика XVI решили устранить "законными средствами", поднялся невероятный шум. Петиция была взята назад, ее печатание приостановлено. 17 июля толпы парижан стремились к Марсову полю, не зная, что петиции якобинского клуба со вчерашнего дня больше не существует. Внезапно раздался крик: "Нас предали". Какой-то юноша обнаружил под алтарем двух человек, а около них провизию и вино. Толпа решила, что это шпионы, специально подосланные с бочонком пороха для того, чтобы взорвать алтарь отечества, толпа пришла в возбуждение. Над шпионами был тотчас же учинен самосуд.

Слух о событии распространялся по всему Парижу. Марсово поле напоминало бурное море. Совет Коммуны, узнав об этом, вспомнил о военном законе. Лафайет во главе отрядов национальной гвардии поспешил на место происшествия. Марсово поле в два часа дня, в этот прекрасный летний день, представляло собой веселое зрелище. Несмотря на свое возбуждение, безоружная толпа как будто решила ничего не предпринимать. Правда, в толпе можно было встретить немало республиканцев: Моморо, Шометта, Анрио, Эбера, Робера,— но все они хранили мирный вид. Среди толпы не было ни Марата, ни Дантона, ни Камилла Демулена. Тогда-то и появился гонец из клуба якобинцев, и тут же, на месте, на алтаре отечества, 17 июля третьего года свободы решено было написать новую петицию, петицию республиканцев, подписанную отдельными демократами. Петиция требовала: объявить Людовика XVI преступником, принять его отречение и созвать новое учредительное собрание для суда над королем.

Д. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Но развязка близилась. Муниципальные власти во главе с Байи решили положить конец народному движению. В 5 часов вечера было объявлено военное положение, в половине шестого над Ратушей уже развивался красный флаг — символ подавления бунта. Раздался барабанный бой. К Марсову полю из разных кварталов Парижа выступили батальоны. Решено было оцепить Марсово поле. Толпа не понимала, что ее ждет. В рядах национальной гвардии шел Байи, ведущий за собой отряд одетых в военные мундиры парикмахеров. Они-то и несли красный флаг, причем спрятали его так, чтобы он не был виден толпе безоружных людей. Раздались крики: "Долой штыки!" Байи приказал стрелять. В толпе все еще успокаивали друг друга: "Стреляют холостыми зарядами". Но рабочие предместий ошибались. Залп бил в цель, и когда рассеялся дым, "алтарь отечества" был весь в крови. Трудно сказать, сколько было пострадавших. Одни современники называют цифру в 200 человек, другие — 2000. Совет Коммуны утверждал, что жертв было всего 24. Марат доказывал, что много трупов было брошено в Сену.

Но среди толпы на Марсовом поле мы тщетно будем искать вождей якобинского клуба: Дантон вместе с Фрероном и Камиллом Демуленом уехали за город, в Фонтене-су-Буа и спокойно сидели за столиком кафе, ожидая известий. Впрочем, они не имели никакого политического отношения к народному выступлению 17 июля. Стоит ли в таком случае всерьез принимать заверения Фрерона, опубликованные в его газете 15 июля: "Кто не умеет умирать, тот не достоин быть свободным!"

Национальная гвардия, возвращаясь с Марсова поля, издевалась и оскорбляла якобинский клуб. Реакция началась на следующий день. 18 июля Байи от имени Коммуны опубликовал с трибуны Национального собрания во всеобщее сведение: "Совершены были преступления и был приведен в действие закон. Смеем уверить вас, что это было необходимо". Национальное собрание согласилось с этим утверждением Байи; срочно были приняты меры для энергичного преследования бунтовщиков.

Повторилась история декабря-января прошлого года. Из "дела Марата" выросло "дело Дантона". И хотя трибун заявлял позже, что его "участие в составлении трагически-знаменитой петиции химерично", ему пришлось скрываться. О том, что его собираются арестовать, он был предупрежден своим близким другом, конституционалистом Александром Ламетом. Они оказывали друг другу, как мы увидим позже, немало услуг.

26 июля 1791 года Дантон уже у себя на родине, в Арси-сюр-Об. В первые дни он скрывался в деревне у своего родственника, позже в Арси у своего друга Куртуа. Здесь, если верить современникам, Дантон продолжал вести жизнь мирного буржуа. Он предоставил своим друзьям право защищать свое доброе имя. Куртуа отправил статью в журнал Бриссо с апологией Дантона. "Смелый, славный Дантон, — писал он, — предпочитает жизнь в пустыне пребыванию вместе с теми, для кого слово "республика" стало смертельным оскорблением". Возможно, но кажется странным и неясным до сих пор, почему правительство, получавшее подробные донесения о его пребывании в Арси, ничего не предпринимало для его ареста. 29 июля агент суда Шатле доносил из Арси в Париж, что Дантон в своем родном городе пользуется симпатиями черни и потребуются немало сил, чтобы задержать Дантона. "Не следует ли, — спрашивал агент, — вызвать отряд из Труа?"

Дантона, однако, оставили в покое. Он уехал из Арси в Труа, а спустя некоторое время отправился со своим родственником в Англию для торговых операций, намереваясь впоследствии открыть на имя своих близких прядильню в Арси. О его пребывании в Лондоне в августе 1791 года мы ничего не знаем. В этот период он не был связан с английскими демократами и его имя оставалось для них неизвестным. Во Францию он вернулся не позже 9 сентября. 10 сентября о нем уже сообщают в своих письмах современники. Что дало возможность Дантону безнаказанно вернуться? Возможно, то, что секция Французского театра вновь назначила его выборщиком избирательного собрания Парижа для выборов нового парламента. Возможно, также и то, что повсюду был распространен слух об амнистии. А может быть, имели основание обвинения Дантона в его связи с правительством? Но об этом дальше.

Так или иначе, но 12 сентября он появился в якобинском клубе и встречен был аплодисментами. Дантон защищал здесь на заседании 14 сентября свое право участвовать в выборах Законодательного собрания. Тем более, что 13-го была объявлена амнистия. "Дело Дантона" было прекращено, но попытки попасть в парламент не удалось. При выборах в Законодательное собрание он получил всего несколько десятков голосов. Париж послал в Собрание умеренных либералов. Правда, среди них были: Бриссо, Кондорсе и Эро де Сешель. Но это было ничтожное меньшинство. Дантону пришлось искать других возможностей для своей политической карьеры.

Мэр Парижа, Байи, ушел в отставку, его заменил Петсион. Но возможности открылись для Дантона при перевыборах прокуратуры Коммуны. На пост прокурора 2 сентября был избран не Дантон, а Манюзель. Но нужны были заместители прокурора. На это место 7 декабря 1791 года был избран Дантон. Прокурор и его заместители должны были защищать интересы Коммуны. Ни одно мероприятие Коммуны не могло быть проведено в жизнь без участия прокурора и его

заместителей. Они были ораторами Коммуны. Увы, Манюэль решил твердо сам заниматься своим делом! Так же поступил и его первый заместитель — Демюссо. Дантону оставалось мало дела. Это была только синекура, но избрание Дантона было встречено демократами Парижа восторженно.

Дантона все это не обескуражило. Он приступил к исполнению своих обязанностей в январе 1792 года и начал с политической декларации, излагавшей его программу на ближайшие месяцы.

"Я занимаю свое место среди вас, — говорил он, — потому что таково желание друзей свободы и конституции. Я делаю это с тем большим основанием, что в момент, когда отечеству со всех сторон угрожает опасность, нельзя отказаться от поста, связанного с опасностями часового... Париж, как вся Франция, состоит из трех классов людей. Одни являются врагами всякой свободы, всякого равенства, всякой конституции. Они заслужили все свои беды... О них я не буду говорить, с ними я буду драться не на жизнь, а на смерть. Другой класс — это избранные друзья, это сотрудники и самая прочная опора нашей святой революции. Это они настояли на том, чтобы я был здесь. Мне нечего о них говорить. Они будут судить меня по моим заслугам. Я никогда не обману их надежд. Третий класс людей, весьма многочисленный и неплохо настроенный, хочет свободы, но боится опасностей... К этому классу граждан, который я уважаю... я обязан как представитель народа обратиться с декларацией своих политических принципов, с изложением своего кредо. Природа дала мне атлетические формы и физиономию суровую, как свобода. Я имел счастье родиться не из среды привилегированной расы... Я сохранил своим трудом, создав свое гражданское положение, всю свою природную силу, не переставая ни на одну минуту сохранять ни в моей личной жизни, ни в моей профессии, которую я избрал, хладнокровие разума, пылкую душу и твердость характера".

После такой, весьма нескромной, в духе буржуа XVIII века личной самохарактеристики Дантон продолжал: "Я был избран, чтобы бороться за сохранение конституции, за исполнение законов, утвержденных народом. Великолепно! Я исполню свои клятвы; я выполню свои обязанности. Все свои силы я отдам на защиту конституции, только конституции, потому что это означает защищать свободу, равенство и народ". Настаивая на защите конституционных законов, Дантон вместе с тем заявил, что король предан конституции и, следовательно, охрана его власти является одной из основных задач революции. "Нации, — говорил он, — никогда не меняют своих правительств прежде, чем насилие не побуждает их к этому. Конституционная монархия во Франции будет существовать гораздо дольше, чем королевство деспотическое. Не философы, творцы систем, колеблют историю, а льстецы королей, те, кто тиранизирует их именем, поработав народ. Вот кто побуждает стремиться к изменению правительства, больше чем филантропы, проповедующие идеи абсолютной свободы".

Эту умеренную декларацию трибун закончил следующим торжественным обещанием: "Каковы бы ни были мои индивидуальные мнения по поводу ревизии конституции, каковы бы ни были мои мнения о вещах и людях, в настоящее время, когда эта конституция принята, я готов призвать гибель на голову всякого, кто подымет свою святотатственную руку на борьбу с нею, будь это мой брат, мой друг и даже мой сын. Таковы мои чувства". Прошло всего несколько месяцев, и трибун в августе 1792 года также торжественно давал клятву республике. Но в этом была не личная вина Дантона, а вина либерального буржуа, который подымается и опускается вместе с подъемом и падением революционной волны.

Буржуа свою личную жизнь строил вне зависимости от политических событий. 12 сентября Дантон сменил свою скромную квартиру на более комфортабельную в том же доме. В октябре и ноябре 1791 года он увеличил свое имение на родине, купив участок национальных земель примерно за 3160 ливров, присоединив его к своим прежним владениям. Дантон готов был использовать любой перерыв в своих политических делах, чтобы заняться хозяйством. В Арси он провел три месяца (от 14 сентября до 14 декабря) 1791 года. Он возвращался сюда неоднократно, и даже в 1792 году, накануне новой революции 10 августа, революции, уничтожившей монархию во Франции. В своей новой квартире буржуа чувствовал себя счастливым, когда Габриэль 2 февраля 1792 года родила ему второго ребенка.

Ткач Армонвиль в это время в Реймсе вел другую жизнь со своими боевыми товарищами. Не допущенные в свое время на заседание делегатов третьего сословия, рабочие предместий, ткачи и чесальщики, несмотря на протесты, были попросту выброшены за дверь. В марте 1789 года они разграбили лавки, трактиры и гостиницы буржуа, захватили обоз с хлебом и ворвались на собрание третьего сословия, подтверждая свои требования. Их восстание было подавлено адвокатом Вилларом, начальником полиции, депутатом третьего сословия. Но движение реймских рабочих не прекратилось. В мае и июне, октябре и ноябре 1791 года они выступили со своими требованиями в защиту революции и интересов плебейских масс. Они протестовали против своего исключения из рядов активных граждан при выборах Законодательного собрания осенью 1791 года. 6 октября они объявили стачку на предприятии чесальщика Вигура, установившего слишком низкую заработную плату. 9 марта 1792 года, тогда, когда Дантон клялся в верности конституции,

рабочие Реймса преследовали фабриканта, муниципального чиновника Жольтруа, сорвав с него шарф за то, что он непочтительно отозвался о рабочих.

Армонвиль принимал деятельное участие в выступлении против Жольтруа. В народных клубах предместий Реймса Армонвиль разъяснял беднякам, почему революция их обманула. Эти заседания не носили организованного характера. Они многим отличались от заседаний якобинского клуба, но в истории революции они сыграли не меньшую роль. Пролетарии, группировавшиеся вокруг Армонвиля, образовали свое общество в клубе миноритов; он до сих пор мало известен историкам. Но Армонвиль был популярен среди рабочих, ремесленников и мелких лавочников Реймса. Народ приветствовал его и его друзей, ткачей из Высокого города, одетых в красные колпаки, армию санкюлотов грядущих восстаний. Их ненавидела только буржуазия богатых кварталов Реймса.

Так протекала жизнь Дантона и Армонвиля до 1792 года.

ДАНТОН в БОРЬБЕ за БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ (февраль 1792—май 1793 года)

Накануне революции Дантона знали в квартале адвокатов, в кафе Пале-Рояль; в 1791 году он был знаменитостью в бывшем дистрикте Кордельеров, в секции Французского театра; через год его имя гремело по всей Франции. Историки, охотно распределяющие революцию между ее руководителями, называют 1792 год, год создания республики во Франции — "годом Дантона", как следующий, 1793 — "годом Робеспьера". Что способствовало этому быстрому подъему Дантона на вершины революции?

О великом человеке и прежде всего о крупном политике не может быть единства мнений. Для одной классовой группы он великий гений, для других — он ничтожество или исчадие ада. О Дантоне и современники и будущие историки высказывали различные, прямо противоположные суждения. В жерминале 1794 года Сен-Жюст предъявил Дантону обвинение в контрреволюционном заговоре от имени революционной Франции, он утверждал: "Когда ты, Дантон, 10 августа 1792 года видел приближение бури, ты сбежал на родину в Арси-сюр-Об, ты бежал от опасностей, которые окружали свободу. Патриоты больше не надеялись тебя увидеть, но, вынужденный стыдом и укорами, ты, узнав, что падение тирании прекрасно подготовлено и неизбежно, вернулся в Париж 9 августа. В эту опасную ночь ты отправился домой спать. Ты был затем увлечен преданными друзьями свободы на заседание Марсельской секции (так называлась в 1792 году секция Французского театра), ты выступил здесь, но все уже было готово. Восстание было в полном разгаре".

За два года до этого утверждения Сен-Жюста современники иначе смотрели на дело. Они были уверены, что Дантон, именно Дантон, был вождем и инициатором революционного движения. В этом смысле редактор газеты "Оратор революции" Фрерон за несколько месяцев до 10 августа утверждал: "Секции, послушайте меня, разве не исполнилось то, что я предсказывал? И вот я вам предсказываю — Дантон спасет Францию, если вы дадите ему возможность ее спасти. Вам нужны люди с большим характером, которые знают, как поступать с врагами и которые сумеют их утратить. Вам нужны люди, которые сумеют проникнуть в их планы, быстро и решительно разоблачить и уничтожить их злые намерения. Кто лучше Дантона сможет выполнить эту благодарную задачу? Кто лучше Дантона до сих пор разоблачал заговоры? Кто имеет столько врагов в Париже? Почему все это? Это потому, говорю я вам, что он создал дистрикт Кордельеров, которому он отдал свою огненную душу... Дантон имеет многочисленных врагов, потому что он открыто объявил себя защитником прав человека и гражданина".

Но если так отличались друг от друга суждения современников, то еще более разнятся оценки Дантона историками. Для одних Дантон "верный друг свободы и революции", для других — "демагог и агент правительства Людовика XVI". Для одних — великий вождь революционного восстания, для других — хитрый авантюрист, умеющий вовремя приспособиться к любой власти. Разве можно более резко сформулировать мысль историков о Дантоне-авантюристе, чем это сделал Матьез, заявляя: "Дантон стремился прежде всего к власти и высокому положению. Он не углублялся в теорию, системы. Все силы его ума направлены к ближайшим практическим целям, которые он стремится осуществить. Он не пренебрегает неблагоприятными средствами. Наоборот, он умеет напечатать даже в газетах противников маленькие дружеские сообщения. Он был артистом в искусстве организовать рекламу вокруг своего имени. Он заботился о своих жестах. Недаром у него друг — артист театра. Он слишком ловок, чтобы скомпрометировать себя в жгучих вопросах, подобно Робеспьеру. Он лавирует между Робеспьером и Бриссо, когда приходится делать выбор в серьезном вопросе войны и мира. Он знает, что Бриссо близок к власти, и он сохраняет сношения с ним, но он знает также, что Робеспьер владеет сердцами масс, и он щадит эту силу. В слове "приспособление" для него нет ничего одиозного. Он пробуждается от своего долгого оцепенения только в недели, которые предшествуют революции 10 августа, после того как потерпел неудачу в своих стремлениях к министерскому портфелю, когда бахвальство Лафайета,

угрозы герцога Брауншвейгского, близорукость двора вызвали восстание парижских санкюлотов. Он держит затем нос по ветру. Но даже и теперь он оставляет себе лазейку, если верить Лафайету. Он посылает своего друга Фабр Д'Эглантина для переговоров с двором. Между тем сам отправляется на несколько дней в Арси, чтобы взглянуть на свои приобретения, взглянуть глазами крестьянина, счастливого при виде округления своих владений, он возвращается только накануне восстания, чтобы пожать плоды его".

Эта характеристика низводит Дантона с того пьедестала героя революции, на который его подняла буржуазная историография. Историки Мишле, Бужар, Робине, Филосар, Конт, Олар и социал-демократ Вендель не перестают, однако, восхвалять его. Ничего другого, кроме характеристики Дантона, данной Мишле, они все и не приводят: "Дантон не желал ничего иного, как быть Дантоном, т.е. применять ту громадную внутреннюю силу, которой он обладал. Он совершенно не стремился к официальному политическому могуществу, инстинктивно чувствуя, что сам был естественной мощью, стихией, силой, подобно громовому удару или океану. Быть королем, какое убожество! Стать королем революции, погубив ее. Не значило ли это только принизиться для того, кто чувствовал себя самой революцией?"

Но обе характеристики — Матьеза и Мишле — страдают одним: они остаются не классовыми, а личными и характеристиками. Они не отвечают на вопрос о том, кем был Дантон, что дало возможность малоизвестному адвокату подняться до руководства революцией. Дантону была чужда метафизика, он не любил говорить о принципах, о параграфах катехизиса. Он апеллировал к практике, и только к практике повседневной действительности, — с гордостью отвечают его буржуазные апологеты. Во имя "отечества" он указывал на требования дня, а не на абстрактные идеалы. Робеспьер и Марат направляли внимание масс в далекое будущее. Дантон давал прямые ответы на непосредственные требования момента. "Революция, — говорил он, — не может быть осуществлена геометрически".

Дантон верил только в энергию, которая, по его словам, "создает республики". Он поэтому не интересовался теоретико-политическими разногласиями в рядах демократии. Само отечество для него имело конкретное классовое содержание. Он твердо помнил, что необходимо пойти навстречу народу, потому что, если народу не будет воздано по справедливости, он сам себе воссоздаст эту справедливость. Отсюда и его политическая программа? программа либерального буржуа. Требования демократии не шли у него дальше требований равенства перед законом. Охрана собственности была одной из его излюбленных идей. Он ничего не желал знать о философских разногласиях своего времени. Будучи деистом и даже материалистом, подобно своему учителю Дидро, он считал религию необходимым социальным установлением для масс, для охраны строя экономического неравенства. "Оставьте им, ? говорил он, ? этот предрассудок".

Основным и решающим принципом его поведения был оппортунизм, оппортунизм, доведенный до степени догмы. Когда революционное движение шло вверх, он обучал либералов: "Будьте с народом. Необходимо быть с народом". Когда революция шла вниз, он заявлял народу: "Да, мы будем продвигаться вперед революционным шагом, если даже погибнет все, но победив, вспомним о мудрости; в соединении этих двух элементов мы найдем спасение отечества". Он был патриотом, и как типичный буржуа готов был разорить все человечество во имя интересов Франции.

Мишле прекрасно подметил, что в Дантоне под внешностью адвоката и великого оратора жил подлинный мужик-кулак. Это видно было по его внешности — могучей шее, широким плечам и сильным рукам. "Страшное лицо циклопа, жестоко изрытое оспой, напоминало лица из деревенских глухих углов... С незначительными оттенками, вызванными воспитанием и положением, он остался таким, каким родился: энергичным и хитрым малым, каких часто встречаешь среди крестьян Шампани — лукавых земляков добряка Лафонтена... Эти простые люди просты только по виду. Они усваивают легко любые принципы. Принимаясь за дело, они готовы усвоить любую сомнительную доктрину с двойной моралью — общественной и личной, причем ради первой в случае необходимости могут пожертвовать второй".

Вот почему Дантон так часто и так много в своих речах говорил о деньгах. Для них он находил универсальный термин: "Методы политического воздействия". Он рекомендует неоднократно Конвенту прибегать к этому средству, по его мнению, решающему в борьбе с контрреволюцией: деньги спасут Францию. Поэтому в речах Дантона больше чем у кого бы то ни было другого из деятелей революции преобладает "Я". За эти особенности своего таланта Дантон получил кличку "Мирабо черни". Если хотите, одна из причин его успеха — его внешность. "Посмотрите на это чудовище!" — говорят со всех сторон. Огненный темперамент и малая обремененность принципами делают его особо популярным оратором среди мелкобуржуазных масс Парижа, поднятых на борьбу революцией. Его голос звучит, как залп из пушек, зовущих солдат на штурм... Сам не отличаясь смелостью, он призывает к энергии и решительности. Его речи — сплошная импровизация, они всегда импульсивны. Он говорит короткими рублеными фразами, стремительно

бросаясь вперед, украшая и усиливая свою речь широкими жестами, пугая слушателей своим голосом, своими угрозами.

Этот революционер — типичный буржуа — любит наряжаться; инвентарь его гардероба, составленный после смерти, говорит о том, что он понимал толк в роскоши. "Я достаточно кутил, достаточно ласкал девушек. Сейчас можно умереть", — говорит он перед казнью, подводя итог своей жизни. И в то же время он ведет "примерную" семейную жизнь буржуа.

Он округляет свою собственность, свое состояние. Слухи о продажности Дантона не мешают его популярности. Его ораторские импровизации не лишают его выступлений политической целеустремленности.

Дантон импонирует всем буржуа-историкам — реакционеру Тэну и либералу Олару — именно тем, что, свободный от принципов, он блестяще проводил свою систему оппортунистической политики. Буржуазия только в 1792 году оценила эту особенность Дантона и оценила по заслугам. Когда революция превратилась в гражданскую войну, когда перед либеральной буржуазией встал вопрос о том, как задержать ее дальнейшее развитие и вернуть ее назад, когда летом 1792 года буржуазия обнаружила, что опасения Барнава оправдались, она поняла, что задача мудрой революционной политики сводится к тому, чтобы сделать "левый маневр", отбить наступление контрреволюции и удержать выступление народных масс. Дантон был одной из наиболее подходящих фигур для выполнения этой задачи. Его искусство демагога было в этом случае особенно полезным. Историк Мишле, превозносящий Дантона, сам рассказал нам об этом его искусстве. После революции 10 августа Дантон на улице попал в толпу разъяренных женщин, требовавших от него решительных мер для борьбы с богачами, — мер против революционной разрухи. Проклятия посыпались на его голову. Его приперли к забору и готовы были растерзать. Он не смутился. Он встал на тумбу и, — с восторгом говорит Мишле, — "чтоб успокоить... начал с того, что принялся ругать санкюлотов их же языком. Первые слова его были грубы, почти непристойны. Слушательницы были смущены". Постепенно он начал их успокаивать, затем устрашать и наконец добился того, что они с триумфом проводили его.

Искусство Дантона-оратора, его умение сблизиться с народными массами, его умение среди мелкобуржуазных масс Парижа находить опору для буржуазной политики парламента, его умение увлечь за собою трудящихся окраин, чтобы заставить их служить интересам другого класса, делали его бесценной политической фигурой для либеральной буржуазии и помогли ему летом 1792 года подняться на вершину революции.

Когда Дантон был избран министром и фактически стал во главе революционного правительства, Кондорсе писал о нем: "Меня обвиняли в том, что я отдал свой голос Дантону для избрания его в министры юстиции. Так вот мои мотивы: необходимо было иметь в министерстве человека, пользующегося доверием того самого народа, восстание которого опрокинуло трон. Надо было иметь в министерстве человека, который своим влиянием мог бы сдерживать презренных ставленников благодетельной, славной и необходимой революции и нужно было, чтобы этот человек своим даром слова, своим умом, своим характером не унижил ни министерство, ни членов Национального собрания, которым приходилось иметь с ним дело. Только Дантон обладал этими качествами. Я его выбрал и не раскаиваюсь в этом. Возможно, что он несколько преувеличивает основы народной конституции в смысле излишних уступок народу... Но принцип действовать только с народом и через народ, руководя им, единственный принцип, который во время народной революции может спасти законы. Потому что все партии, которые отделяются от народа, гибнут вместе с революцией".

Адвокат Дантон, еще малоизвестный во Франции весной 1792 года, стал вождем революции после 10 августа. В годы Конвента Дантон продолжал выполнять свою роль, что дало основание Марксу говорить о Дантоне, как о вожде Болота. Под Болотом в годы революции понимали ту многочисленную фракцию депутатов Конвента, которая расположена была между монтаньярами — депутатами Горы, и жирондистами. Как вождь Болота, Дантон надеялся, что он сможет добиться примирения между этими враждующими партиями. В этом смысле самой характерной является его речь, произнесенная им в ноябре 1792 года в связи с решением о прекращении выдачи жалованья священникам. Жирондисты — ученики просветителей, готовы были разрушить церковь во имя торжества революции, но Дантон предупреждает их: "Можно потрясти всю Францию до основания слишком поспешным применением к жизни философских принципов, которые мне лично очень дороги, но для восприятия которых народ и, главным образом, жители деревень недостаточно созрели... Предложение о прекращении выдачи содержания священникам было мотивировано философскими идеями, которые мне дороги, но человек, обиженный судьбой, ищет удовлетворения в мимолетных утешениях. При виде богача, удовлетворяющего все свои желания и потворствующего всем своим прихотям, в то время как бедняк сам должен ограничить потребности самым необходимым, он ищет утешения в вере. Он верит в то, что в другой жизни он будет с излишком вознагражден за все свои земные страдания, и это служит ему великой поддержкой. Оставьте ему это заблуждение. Отложите всякие разговоры о морали и философии до того момента, когда народ настолько просветится, что сможет в достаточной мере уразуметь

истинную ценность религиозных верований. Подождите до того времени, когда у вас будут такие проповедники морали, которые смогут вдохнуть в молодую еще душу народа полное понимание его былых заблуждений.

Да, оставьте ему его заблуждения, но просвещайте его. Скажите ему вполне определенно, что задача Конвента не разрушать, а усовершенствовать, что он преследует фанатизм именно потому что хочет свободы религиозных мнений. Пусть народ не боится потерять то единственное, что привязывает его к земле — в том случае, если он не обладает земными благами".

Так энергично защищает Дантон интересы собственности в буржуазно-демократической революции. Но в отличие от жирондистов, последовательных представителей торгово-промышленной буржуазии, он защищает эту собственность, вступая в компромисс с плебейскими массами. Дантон хочет быть головой этих масс, классово-неорганизованных и плетущихся пока в хвосте за буржуазией. До тех пор пока Дантону удавалось руководить этими массами, господство буржуазии было незыблемо. Ее власти могла грозить опасность только тогда, когда плебейская оппозиция нашла бы своего собственного вождя, отбросив Дантона. В 1792 году в момент углубления революции в первый период гражданской войны личные особенности Дантона, его достоинства и пороки представляли собой замечательное сочетание демагогии и буржуазного разума — тот демократический оппортунизм, который помог народным массам сбросить короля, а буржуазии удержать власть в своих руках.

Дантон не любил писать. Он действовал словом, но в этих условиях слово стало мощным орудием борьбы, со словами было тесно связано революционное действие. Ораторский талант сделал из вчерашнего адвоката — трибуна предместий, а из трибуна — министра революции, волею народа, но в интересах буржуазии.

Расстрел народа на Марсовом поле в июле 1791 года был завершением первого, сравнительно мирного этапа революции. Событие это стало исходным пунктом для новой эпохи — эпохи гражданских войн. Экономический подъем 1791 года закончился. Следующий год стал годом глубочайшего экономического и политического кризиса. Тщетны были призывы к порядку, к завершению революции. Крупные собственники очень скоро, уже с весны 1792 года, почувствовали необходимость организовать самозащиту. "Проснитесь, люди, — писал автор одного памфлета, — все вы, владеющие собственностью, очнитесь от летаргического сна, в который вы погружены, уже более двух лет. Не медлите ни одной минуты. Над вашими головами со всех сторон собираются тучи... Собственники, кто бы ни были, воздержитесь от того, чтобы отстаивать ложное учение: люди, у которых ничего нет, не равны вам".

О какой собственности идет речь? Речь идет не только и феодальной собственности старого порядка, но и о новой, законом охраняемой, собственности буржуа. Страх собственника перед плебейской массой мешал революции покончить с феодальным прошлым, этот страх стоял на пути торжества революции. Исключительный экономический подъем 1791 года был особенно чувствителен после продолжительного и тягостного застоя хозяйственной жизни, которой предшествовала революция. Но благополучие это было весьма непрочным. Выпущенные правительством бумажные деньги скоро начали падать в цене, цены росли, росла дороговизна и "анархия" хозяйства — начался экономический кризис. Он был результатом не случайных политических причин, а коренился в самой социально-экономической организации, созданной в первые годы революции половинчатыми реформами. Кризис был вызван сохранением феодального строя, неспособностью буржуазии разрешить крестьянский вопрос. Чем дольше "реформы" задерживали революционное разрешение вопроса, тем более запутанными становились социально-экономические отношения в стране, обострялись классовые противоречия в городах и деревнях, распадалась связи сельского хозяйства и промышленности — гражданская война становилась неизбежной и необходимой. Так новая революция продиктована была глубочайшими экономическими причинами.

Народные массы не ожидали призыва буржуазных политиков из Парижа. Они проявили революционную инициативу, они действовали решительно и энергично. "Сегодня в Рошфоре, — жалуется монархист Мале-дю-Пан, — бунт, и портовые рабочие вынудили муниципалитет развернуть красное знамя военного закона. Завтра население Лилля, не желая обменивать свое серебро и ассигнации на клочки бумаги, именуемые "билетами доверия", собирается толпами, угрожает гарнизону, и властям с трудом удается подавить волнение".

С весны 1792 года повсюду началось катастрофическое вздорожание хлеба; цены достигли уровня 1789 года. Продовольственные беспорядки стали обычным явлением. Повсюду народ самочинно принимал меры к установлению дешевых цен на хлеб. Продовольственные волнения быстро перерастали в политическую борьбу с деспотизмом и спекуляцией. Весной 1792 года в городе Этампе народная толпа убила мэра Симоно, которого не без основания подозревали в спекуляции хлебом. Отряды крестьян из соседних деревень под звуки набата, вооруженные ружьями и вилами, ворвались в город в базарный день, обложили зерновой хлеб таксой, конфисковали имущество сопротивляющихся собственников, наказали спекулянтов и вернулись назад. Местный гарнизон не смог оказать сопротивления, и мэр Симоно был тут же на месте убит толпой. Войска национальной гвардии присоединились к повстанцам. Под барабанный бой победители шумно разгуливали по улицам предместий, восторгаясь установленной таксой на хлеб и поражением спекулянтов.

Их торжество продолжалось недолго. Национальное собрание провозгласило мэра Симоно своим героем и воздвигло ему памятник как жертве народного гнева.

История сохранила нам интересный документ своекорыстной классовой политики буржуазии. Мы имеем в виду жалобу торговца д'Эльбе Законодательному собранию на то, что голодные массы не уважают собственности. Секции Парижа добивались в 1792 году законов против спекуляции. Д'Эльбе заявляет: "Сегодня я, гражданин, имеющий определенное местожительство, отец семейства, являюсь к вам, чтобы самому указать на себя как на одного из тех людей, которых стараются сделать ненавистными, потому что они считают возможным свободно располагать законной собственностью. Я, господин председатель, бывший собственник на острове Сен-Доминго. Мои имения опустошены, мои дома сожжены, мой последний урожай, к счастью, получен мною. Я объявляю, что я получил до сентября 2 миллиона сахара, миллион кофе, 100 миллионов индиго и 250 миллионов хлопчатой бумаги. Товары находятся здесь, в моем доме и в моем магазине, но они никогда не будут припрятаны, потому что гражданину нечего стыдиться того, что он извлекал выгоды из превосходных мануфактур... Теперь эти товары стоят 8 миллионов ливров, в ближайшем будущем они будут стоить более 15 миллионов. Я очень жалею тех, которые так мало уважают представителей народа, что ходатайствуют о декретах, посягающих на священное право собственности. Я верю вам защиту своей собственности: я объявляю Национальному собранию, в котором читается этот адрес, и всей Европе, которая внемлет ему, что мое весьма ясное желание не продавать теперь ни по какой цене товаров, собственником которых я являюсь. Они принадлежат мне".

Это звучало гордо и грозно. Так рассуждал буржуа, чувствующий себя победителем. Д'Эльбе подписал свою петицию: "Активный гражданин секции Попенкур, волонтер-гренадер батальона этой секции". Что могли ему возразить бедняки? Что могли требовать от него санкюлоты? Орган столичных демократов "Парижские революции" утверждал в статье "Народное движение против скупщиков", что Иосиф-Франсуа Д'Эльбе мстит беднякам за восстание негров на Сен-Доминго. Автор статьи угрожает ему: "Что сказал бы купец, если бы народ, ловя его на слове, написал на дверях его магазина, а также на дверях других помещений, в которых лежали груды съестных припасов, злостно спрятанных спекулянтами:

"Благо народа да будет высшим законом!

По повелению народа два миллиона сахара продаются по 30 су за фунт..."

Продовольственные беспорядки в городах сомкнулись в 1792 году с крестьянским движением в деревнях.

"Почему граждане должны защищать конституцию? — читаем мы в одной крестьянской петиции,— великое зло для народа — феодальные отношения, а эти отношения не только не были разрушены, но освящены Учредительным собранием. Большинство городов сожалеет о своих привилегиях. Почти все буржуа королевства взяли на себя защиту благородных или духовенства. На нашей стороне почти исключительно крестьяне и если они пока еще поддерживают конституцию, то это потому, что они надеются быть вскоре освобожденными от всяческих феодальных прав и повинностей". Дело не менялось и в том случае, когда помещик-сеньор бежал. Он оставлял тогда своих агентов и фермеров, которые, по словам одной крестьянской жалобы, "изводили и мучили нас, как перед революцией". Законодательное собрание, состоящее из представителей, "активных" граждан-собственников, ничего не изменило по существу в положении дел. Должна была грянуть буря 10 августа, чтобы французская буржуазия пошла на дальнейшие уступки.

Не забудем, что экономический кризис разразился в год, когда началась война со всей феодальной Европой. Эта война была неизбежной, ее предопределяла сама революция, поставившая себе задачей уничтожение феодального строя. Не мудрено, что феодальная Европа ненавидела и страшилась революции. Ее победа была смертным приговором старому порядку. К феодалам присоединились и идеологи буржуазной аристократии "свободной Англии"; они охраняли свой политический строй, строй сословных привилегий, от народных масс, от демократической революции.

Талантливый глава европейской контрреволюции, бывший либерал Эд.Берк доказывал в английском парламенте, что Франция и ее революция — зло, она грозит распространить заразу по всему миру: "Когда-то перед нами была опасность быть увлеченными и поработченными деспотизмом Франции, теперешняя опасность в том, что мы по примеру нации, не знающей чувства меры, впадаем в анархию".

Эд.Берк призывал к борьбе со страной, которая "низвергнула государство" и осмелилась издать Декларацию прав человека и гражданина.

Война с феодальной Европой была для революции неизбежной. Спор шел только о том, когда ее начинать и кто будет нападающей стороной.

Король и его партия, близкие к ним круги дворян и буржуа-победителей хотели этой войны как средства обуздать революцию. Ее хотела и либеральная буржуазия во главе с жирондистами, желая разрешить все вопросы революции без гражданской войны и народного восстания. Один из наиболее ярких защитников войны с Европой, Бриссо, доказывал: "Война нужна, чтобы закрепить свободу, чтобы очистить ее от пороков деспотизма и от людей, способных развратить ее... Мы должны мстить, разрушив разбойничье гнездо феодалов, если мы не хотим, чтобы заговоры, мятежи и пожары . длились вечно, а заносчивая наглость аристократов возросла еще больше... Хотите вы одним ударом разбить аристократов, дезертиров — разрушьте Кобленц, тогда глава нации будет вынуждена править согласно конституции..."

Эта мысль о войне против феодалов, которая должна сорвать народную революцию, вызвала сопротивление со стороны демократов. За революцию против войны выступали Робеспьер и Марат, выступали народные массы Франции, опасаясь, что война послужит началом поражения народа. "Я тоже требую войны,— говорил Робеспьер,— однако под условием, относительно которого, несомненно, все согласны. Я не хочу думать, что сторонники войны намерены нас обмануть. Я требую войны не на живот, а на смерть, героической войны, которую умеет вести сам революционный народ во главе с собственными вождями, а не такой войны, какой хотят интриганы". Но та война, о которой мечтал Робеспьер, могла начаться только после победы революционного народа.

В апреле 1792 года войну Европе объявило Законодательное собрание. Война эта началась для Франции неудачно. Прусской армии, хорошо вооруженной и организованной, армии из 171 тысячи пехоты и 41 тысячи кавалерии, Франция могла в лучшем случае противопоставить 80 тысяч неорганизованных бойцов. Французская армия лишена была командного состава и не удивительно, что летом 1792 года поражение следовало за поражением. 25 июля герцог Брауншвейгский заявил о начале общего похода против революции. Он потребовал, чтобы Париж немедленно подчинился королю, "предоставив ему полную свободу и обеспечив Людовику XVI и всем королевским особам неприкосновенность и почтение, которыми подданные обязаны по отношению к своим государям"...

Этот манифест был последней каплей, переполнившей чашу терпения народных масс. Не забудем, что в продолжение многих месяцев король и его камарилья вели систематическую переписку с европейскими дворами, подготавливая выступление феодальной коалиции. Более того, правое крыло буржуазной аристократии, в том числе и Лафайет, готовы были убедить короля в необходимости оказать сопротивление революционным массам. Его убеждали в том, что необходимо на словах примкнуть к руководящей партии Законодательного собрания и "надеть на королевскую голову красную карманьолку, чтобы тем самым сделать короля "национальным" и закрыть рот массе агитаторов". Хитрость эта удавалась, однако, королю и его партии до определенного момента, до момента, пока королевская власть попыталась наложить veto, задержать выполнение законов Законодательного собрания, направленных против дворянства и духовенства, до момента, пока король начал осуществлять свою программу активного сопротивления революции и, в частности, отклонил декрет об образовании под Парижем военного лагеря из 20 тысяч национальных гвардейцев. Судьба контрреволюции благодаря этому была решена.

Даже жирондисты вынуждены были в июне 1792 года объявить короля "причиной всех бедствий". Верньо, один из наиболее блестящих ораторов революции, с трибуны Законодательного собрания заявил 3 июля 1792 года: "Французские принцы пытались поднять все европейские дворы против французской нации, действуя именем короля... Король Богемии и Венгрии, ведя с нами войну, и прусский король, наступая на наши границы, действуют против нашей нации и Национального собрания только для сохранения трона. На свободу делаются нападения именем 'короля... Словом, предлогом или причиной всех бедствий, которые стараются свалить нам на голову, всех бедствий, которых нам нужно опасаться в будущем, является единственно имя короля".

И все же Жиронда не прекращала, даже накануне самой революции 10 августа, переговоры с королем, убеждая его в необходимости уступок для избежания народного восстания. Но революции нельзя было избежать ни путем объявления войны, ни путем компромисса с королевской властью. Революция эта не могла быть больше делом сплоченного третьего

третьего сословия. Это беспокоило не только жирондистов, но и демократов. Об этом писал новый мэр Парижа, Петион, умеренный якобинец, в феврале 1792 года.

В третьем сослови, — говорил он, — произошел раскол. — "Между буржуазией, этим многочисленным и состоятельным классом, и народом появилась пропасть. Буржуазия возвысилась над народом — она почувствовала себя равной с дворянством, которое ее презирает и ожидает лишь благоприятного момента, чтобы унижить буржуазию".

Петион рекомендовал либералам сблизиться с народом, порвав свой союз с дворянством.

Это был путь, избранный в это время Дантоном. Мы помним, каким умеренным конституционалистом объявил он себя в январе перед Коммуной Парижа. 25 января 1792 года он предложил секциям выразить с трибуны якобинского клуба благодарность французской гвардии, солдатам, способствовавшим в свое время победе народа: "Нация, — говорил он, — останется единой и враги французов исчезнут в один день".

Борьба за сближение народа с армией является излюбленной идеей его пропаганды ближайших месяцев. Об этом он говорит 19 февраля в якобинском клубе. В зал заседаний явилась делегация, вооруженная пиками. Дантон торжественно ответил делегации: "Без сомнения, мы все хотим охранять закон, который требует, чтобы все граждане, обсуждая то или другое мнение или общественные интересы, не были бы вооружены. Но посмотрите на эти знамена — они увенчаны пиками. Никто не смеет утверждать, что им не место здесь. Я требую, чтобы был установлен как знак тесного союза между вооруженной силой и силой народа, иначе говоря, между гражданами, которые носят оружие и гражданами, которые носят пики, знак в виде наконечника пики, украшающей наши знамена".

Это были первые признаки его постепенного отказа от умеренно конституционных взглядов. 4 марта король внес пожертвование в 110 ливров для семей солдат Шатовье, расстрелянных по его приказу в сентябре 1790 года. Дантон с трибуны якобинского клуба, куда он перенес теперь центр тяжести своей деятельности, с возмущением заявил: "Как смеет королевская семья давать нам милостыню! Как можете вы допустить нечто подобное!" Даже Робеспьер был смущен неожиданным выступлением Дантона. В апреле Дантон протестует против предложения поставить бюсты Лафайета и Байи в Ратуше, но безрезультатно. Отчет якобинского клуба 20 апреля отмечает, что Дантон напрасно пытается, "возвысив свой могучий голос", добиться внимания. Он вынужден был покинуть место, которое занимал по праву заместителя прокурора Коммуны. В мае он защищает Робеспьера и тем самым оформляет переход на сторону демократов-якобинцев, не порывая вместе с тем связей с Бриссо и другими жирондистами. Окончательный разрыв с мирной тактикой конституционализма, по крайней мере внешний, был оформлен в его речи 13 июня 1792 года. Король удалил своих министров — министра-либерала Клавьера, женеvского банкира; Сервана — военного министра и мирного буржуа Ролана.

Как только это известие распространилось в Париже, в якобинском клубе началось бурное заседание. Дантон ринулся к трибуне и громовым голосом объявил: "Я предлагаю, чтобы дискуссия, начатая сегодня, была продолжена завтра в 9 часов. Я беру на себя обязательство обрушить террор на голову развращенного двора. Исполнительная власть осмелилась только потому, что мы были излишне слабы". А на следующий день, 14 июня, оратор напомнил французам о древнеримском законе, изданном Валерием Публиколой после изгнания Тарквиния, законе, разрешающем каждому гражданину убивать любого врага государства, известив власти о причинах убийства. Дантон потребовал принять следующие меры охраны народных прав: введение налога, который должен прежде всего пасть на богатых, и принятие Национальным собранием закона, который бы заставил короля изгнать его жену в Вену, к ее родственникам. Впрочем, последняя мера была весьма подозрительной. Не было ли это в интересах самой королевы, которая, конечно, только и мечтала о том, чтобы выбраться из Парижа?

В своей борьбе с королем и его партией Дантон естественно вынужден был прежде всего обрушиться на Лафайета, который в это время стал вооруженной опорой королевской политики. 18 июня Дантон предупреждал французам: "Лафайет хочет издавать законы". Для Дантона стало ясно, что в дальнейшем события должны принять революционный оборот: "Не будем сеять иллюзий, в великих делах свобода обретает только энергию... Если мы не отправимся в секции, мы ничего не сделаем, потому что наши враги не перестанут утверждать, что мы только жалкое скопище бунтовщиков. Вот почему мы должны массами явиться в Национальное собрание. Мы — политические общества, если не по Закону, то по праву революции".

Через два дня народные массы предместий ворвались во дворец и доказали королю, что речь идет не о бунте, а о новой революции. Движение 20 июня 1792 года было стихийным. Оно не было подготовлено демократами. Возможно даже, что кое-кто сознательно пытался спровоцировать преждевременное выступление народа, но оно показало, что восстание неизбежно, что революция не за горами.

В секциях действовали свои герои. Среди них Сантерр, сын фламандского пивовара и сам пивовар, богатый ремесленник и содержатель трактира. Он был популярен среди масс своей решительностью и ненавистью к знатым. Мясник Лежандр, бывший в течение десяти лет матросом на корабле, грубый и неукротимый, выходил к толпе из-за прилавка с окровавленными руками и призывал ее к борьбе с королевской властью. В других секциях действовал Гюгенен, адвокат, в старое время изгнанный из своего сословия, сменивший затем профессию солдата на роль приказчика, типограф Моморо, Марат, ведущий подпольную жизнь последовательного революционера, и многие, и многие другие. Среди них был Дантон, который перенес сюда свою деятельность, ибо прекрасно понимал, что здесь, в предместьях Парижа, решаются судьбы революции.

Народная масса, обитатели предместий из вонючих улиц и переулков столицы хлынули 20 июня 1792 года в королевский дворец под звуки революционной песни "à ira". Повстанцы пели эту песню хором, размахивая оружием. Это не было оружие регулярной армии. Пики, притупленные копья, кухонные вертела, насаженные на рукоятки, ножи, плотничьи топоры, молоты каменщиков, шила сапожников, ломы мостовщиков, утюги, пилы, лопаты, щипцы, обломки старого железа — из всего этого народ сделал себе оружие. Знамена развевались над толпой. На них надписи: "Трепещи, тиран! Твой час настал!"

Рядом санкюлоты из предместий несли виселицу, на которой висел портрет королевы с надписью: "На фонарь!"

Эта армия быстрыми шагами двигалась ко дворцу. Но прежде всего она ворвалась в Национальное собрание. Собрание умеренных буржуа увидело перед собой толпу в 30 тысяч петиционеров. Народ не обнаружил почтения к Собранию; в их призывах было больше ненависти, чем почтения. Наконец, все преграды рушатся. Повстанцы очутились в королевском дворце, лицом к лицу с Людовиком XVI. Толпа заставила его надеть на голову карманьолку. Народ почувствовал себя победителем, но не знал, что делать дальше. Демократы не были готовы к тому, чтобы воспользоваться стихийной волной возмущения. Демократы не смогли противопоставить организованному сопротивлению либералов программу революционного действия. Петион, правда, с опозданием, но поспешил на выручку королю. Так кончилась народная демонстрация 20 июня. Но это было только началом великих событий. По пути в Париж двигалась армия добровольцев из Марселя, в большинстве своем ремесленники, они шли в столицу, чтобы защитить дело революции, а затем отправиться на фронт. Они шли, распевая по дороге бодрящие слова революционного гимна — "Марсельезы".

Вперед, сыны отчизны милой,
День вашей славы засверкал!
На нас, грозя кровавой силой,
Стяг самовластия восстал!
Вы в селах слышите ль пустынных
Солдата яростного крик?
Злодей до сердца нам проник
Он душит жен, детей невинных!
О, граждане! В ружье!
Смыкай со взводом взвод!
Вперед! Вперед! Пусть злая кровь
Волной поля зальет!
Дрожите вы, убийцы славы, Vive Liberta и Век Просвещения, 2009
Бесчестье темное страны!
Дрожите! Замысл ваш кровавый
И дни — давно оценены:
Здесь каждый — воин грозной сечи,
И если ляжет здесь герой, —
Младых героев новый строй
Пошлет вам Франция для встречи!
О, граждане! В ружье!
Смыкай со взводом взвод!
Вперед! Вперед! Пусть злая кровь
Волной поля зальет!

Ц. С. Фридлянд ДАНТОН

М.: Наука. 1965

М.: Наука. 1965

Неудача июньского движения не могла приостановить наступления революции. Попытки короля и партии конституционалистов при активной поддержке крупной буржуазии силою подавить революционное движение дистриктов не имели успеха. Лафайет готов был предоставить им вооруженную силу буржуазных батальонов, но он натолкнулся на сопротивление всей французской демократии; он присоединился к армии контрреволюционных эмигрантов и был выброшен за пределы Франции.

Поражения на фронтах потребовали от революции принятия решительных мер. 11 июля особым постановлением Законодательного собрания было объявлено: "Отечество в опасности". Постановление это было опубликовано в столице 22 июля. Это были дни огромного революционного подъема масс, подъема не национального, как пытаются изобразить события великих дней буржуазные историки, а подъема революционного. В опасности было революционное отечество; революция в отечестве. Опубликование декрета послужило поводом для народных демонстраций. С раннего утра сигнальная пушка через каждый час в продолжение всего дня призывала граждан вступить в ряды добровольной армии. На Гревской площади гарнизон Парижа во главе с членами Коммуны братался с народом. Огромные толпы по обоим берегам Сены заполняли узкие улицы старого Парижа и под звон оружия, под звуки барабана громко провозглашали: "Отечество в опасности".

Прошло всего несколько дней, и от имени европейской феодальной коалиции герцог Брауншвейгский открыто заявил о своем походе на Францию. В это время на дальних окраинах среди крестьянства, разочарованного в революции, роялистам удалось поднять знамя восстания. Началась крестьянская Вандея, подрывавшая силы революции в продолжение многих лет, до тех пор пока окончательное разрешение крестьянского вопроса, уничтожение феодальных отношений не привлекало раз и навсегда земледельческую Францию на сторону республики.

В городах среди плебейских масс нарастала ненависть и желание поскорее расправиться с виновниками революционных неудач. В эти дни в промышленном Реймсе друзья нашего знакомого ткача Армонвиля становились все более и более решительными. 4 июля во время военной тревоги в связи с вторжением неприятеля в Шампань, на родину Дантона, местные власти оказывали активную поддержку роялистам и эмигрантам. Толпа в 3 тысячи рабочих взяла на себя защиту революции. 12 июля от имени рабочего населения Реймса Армонвиль обращается с петицией протеста против новых господ. "Только рабам при дворе тиранов, — писал он, — свойственно предавать нацию столь безнаказанно, как делаете это вы. Но не ждите, низкие придворные лакеи деспота, что вам удастся сковать нас. Мы не таковы, чтобы пасть так быстро, склоняясь к ногам преступников. Теперь уже не те времена! Нужно, чтобы порок погиб и чтобы утвердилось самодержавие народа или нация погибла". Плебейские массы готовы были взять на себя все бремя борьбы за утверждение демократии. В этих условиях начал свою активную деятельность в секциях Парижа Дантон. Ему предстояло решить две задачи: с одной стороны, не порывать с буржуазией и даже с королевской властью; с другой, — не терять своих связей с активными народными массами. Не подлежит сомнению, что представители торгово-промышленной буржуазии накануне новой революции мечтали о примирении с королевской властью.

25 июля Бриссо с трибуны Законодательного собрания громил анархию и требовал смертной казни для всех, кто хотел республики. Он призывал меч закона на головы разрушителей конституции. 1 августа в клубе якобинцев демократы с возмущением сообщали друг другу, что Бриссо хотел предать суду Робеспьера. Законодательное собрание поспешило отменить постановление секции Моконсей от 4 августа, требовавшее свержения короля. Более того, жирондисты Гаде и Жансоне вступили в сношения с королем. Даже 9 августа и в ночь на 10, в момент восстания, мэр Парижа Петийон, умеренный демократ, готов был оказать сопротивление народному движению. А когда 10 августа, в день революции, король скрылся в помещении Законодательного собрания, Верньо от имени буржуазной Франции встретил его не как преступника, а как союзника. "Ваше величество, — говорил он, — собрание считает самой священной своей обязанностью поддерживать все существующие власти. Мы умрем на своих постах, исполняя эту обязанность".

Если бы народные массы города и деревни могли действовать по своей инициативе, по указаниям своей революционной партии, революция 10 августа была бы направлена не только против короля и буржуазной аристократии, но и против ее союзника, Жиронды, опасавшейся народной революции. Отсюда для нас должна быть совершенно ясной тактика Дантона. Мирный переворот, который совершили бы федераты при молчаливой поддержке секций, устроил бы его. Дантон мог бы ограничиться решением о пересмотре конституции 1791 года и дальнейшими уступками короля. Для нас поэтому нет ничего невозможного в утверждении Лафайета, настаивающего на том, что как раз в это время агенты королевы вели с Дантоном переговоры. Возможно даже, что он получил в счет дальнейших услуг изрядную сумму. Впрочем, Лафайет не был беспристрастным свидетелем, но мы знаем, что ближайший друг Дантона, будущий секретарь его министерства, Фабр Д'Эглантин, безусловно, вел переговоры с королевским двором. В этом

случае группа дантонистов действовала подобно их союзникам жирондистам, Это были не акты личного предательства, а линия политического поведения, попытка сорвать восстание 10 августа.

13 июля во время обсуждения вопроса о федератах в якобинском клубе Дантон попытался публично заявить о своих связях с революционными секциями и с их союзниками марсельскими федератами: "Народ, тебя угнетают, — говорил он, — никогда не следует вступать в сговор с тиранами. Высказывая эту мысль, я пользуюсь правом свободного человека выражать свои мнения. Прекрасно, если федераты согласны со мной, если они утверждают то же, что утверждает вся Франция, что опасности отечества порождены исполнительной властью. Кто может им запретить заняться выяснением этого вопроса?" Он настаивал на новой петиции, подобно той, которая была прочитана им 16 июля 1791 года на Марсовом поле. Но на сей раз дело, конечно, не могло ограничиться одной петицией. Секции в своей петиции Законодательному собранию, поданной спустя 4 дня после выступления Дантона, решительно заявили: "Народы создают королей, чтобы они хорошо им служили, а не для того, чтобы их угнетали и предавали казням заговорщиков". 29 июля Робеспьер требовал в якобинском клубе отречения Людовика XVI как "источника всех зол", а Марат в своей газете не переставал призывать к революционному восстанию, организовывая массы, инструктируя их по вопросам вооруженной борьбы.

В этой обстановке 30 июля 1792 года секция Французского театра опубликовала постановление за подписью председателя Дантона, его заместителя Анаксагора Шометта и секретаря Моморо, где объявляет: "Отечество в опасности. Все французы призваны его защищать, и граждане, которых обычно на аристократическом языке называют "пассивными", как французы должны быть призваны в ряды национальной гвардии, они должны быть вооружены в секциях, им должно быть предоставлено решающее право во всех первичных собраниях избирателей". Так по праву революционной инициативы секция Французского театра отменяла конституцию 1791 года. Это решение имело огромное значение. Оно, конечно, не было единственным. Таково было настроение всех демократических секций столицы, таковы были требования Робеспьера и Марата. По словам Шометта, когда это постановление было расклеено, секция приобрела много новых преданных сторонников, оно помогло создать армию патриотов, готовых бороться за свои права.

1 августа мы не найдем, однако, Дантона в Париже. В самую бурную неделю подготовки восстания он уезжает к себе на родину в Арси и здесь у нотариуса оформляет дарственную запись своей матери, установив для нее ежегодную ренту. Позднее, оправдываясь перед судом Революционного трибунала, Дантон объяснял свое отсутствие в эти дни тем, что он "как добрый сын" провел три дня на родине, чтобы сказать "прости" своей матери и урегулировать кое-какие дела. Мы в конце концов мало знаем о его участии в подготовке революции 10 августа. С полным основанием мы можем отбросить утверждения буржуазных историков, что он "подготовил 10 августа", что это был "его день". В дни, когда Париж был охвачен восстанием, демократ-оппортунист, мечтавший об использовании народного движения в интересах компромисса с господствующей властью, выжидал исхода событий и наблюдал за действиями революционного народа из "прекрасного далека", не переставая заботиться о своем благосостоянии. 9 августа утром он в Париже. Сомнений в исходе восстания теперь быть не могло.

8 августа, мадам Жюльен, буржуазка Дофинэ, приехавшая в Париж для воспитания сына, писала своему мужу: "На горизонте сгущаются в настоящее время облака, которые должны вызвать ужасный взрыв. За облаками таится гроза. Куда она ударит? Национальное собрание кажется мне слишком слабым, чтобы поддержать народную волю, а народ кажется мне слишком сильным, чтобы дать себя обуздать собранию. Из этого конфликта, из этой битвы должно вылиться какое-нибудь событие — свобода или рабство 25 миллионов людей... Все это ведет к катастрофе, перед которой трепещут друзья гуманности. Кровь потечет ручьями. Я не преувеличиваю..."

Через день, 9 августа: "Раздается набат. Барабаны бьют генерал-марш. Тревога по всему Парижу. Улицы полны народом, женщины стоят у окон и испуганно обращаются с вопросами к прохожим: "Что будет?" Фантазия представляет себе громадное, 800-тысячное население столицы в объятии страха. Сюда надо прибавить еще темный покров ночи и сигналы ужаса. Смерть не имеет для меня ничего более пронизывающего. Меня страшит чувство глубочайшей скорби..."

Ночью толпы из предместий, вооруженные рабочие, ремесленники и мелкие буржуа шли на штурм королевского дворца. В семь часов утра 10 августа Жюльен писала: "Я была всю ночь на ногах и теперь сплю. Я должна сказать тебе, что мы весьма недовольны Национальным собранием. Оно проявляет вялость, которая приведет нас к гибели, если не поднимется еще раз народ и департаменты для оказания поддержки столице..."

10 августа принесло победу народу. Мадам Жюльен пишет: "10 августа должна была разразиться в Париже контрреволюция. Неразумные как всегда, наши противники считали, что подкуп некоторых вождей национальной гвардии при поддержке роялистов и наемных швейцарских войск, всех лакеев Тюильри, сделает свое дело и нагонит ужас на безоружных санкюлотов. Но враги раздавлены. Счастье повернулось: менее чем в два часа штурмом взят Лувр, и победа одержана... Коммуна совершила отличную работу. Пики и штыки заключили сегодня искреннейший и самый могущественный союз... Народ разгромил все во дворце. Он растоптал ногами всю помпу королей. Головы отрубались, и дело дошло до приступов народной ярости. Но жестокость народа может казаться отвратительной только тем, кто не умеет вникать в суть дела и не сумеет понять, что эта ярость вызвана отвратительным развратом придворной клики, которая во имя своих капризов обращала в прах целые поколения..."

Революция 10 августа была подготовлена и проведена в жизнь Повстанческой коммуной, составленной из представителей демократических секций, порвавших с легальностью и устранивших коммуны "активных" граждан. Революция 10 августа заставила Законодательное собрание поспешить с низвержением короля. Активным участником и руководителем движения в дни восстания была мелкая буржуазия Парижа, но среди жертв историки насчитывают сотни рабочих и ремесленников. Вопрос шел только о том, чьим классовым интересам будет служить вновь созданная республика.

Дантон сыграл в этом вопросе решающую роль. Что делал он 9 и 10 числа, когда вернулся в Париж? Если верить ему, то в ночь с 9 на 10 он был в клубе Кордельеров, где сказал будущему министру Клавьеру: "Мы призываем к восстанию".

Дантон уверял, что он в эти последние решающие часы принимал активное участие в боях секций, ночью он отправился в Коммуну и вынес здесь обвинительный приговор руководителю буржуазной национальной гвардии, монархисту Манда. Он потребовал от него отказа от командования и потащил его за собой в совет Коммуны. Манда грубо возразил, что он "не признает самозванной коммуны, коммуны мятежников и заговорщиков". Тогда Дантон схватил его за горло: "Изменник, — закричал он, — она заставит тебя повиноваться, эта Коммуна, которая спасает народ, которому ты изменяешь и против которого ты конспирируешь с тираном".

Манда был допрошен и без суда на месте убит выстрелом из пистолета подмастерьем Росиньоном, будущим революционным генералом эпохи Конвента.

Что в этой легенде, рисующей активность Дантона в ночь с 9 на 10 августа, соответствует действительности — мы не знаем, да вряд ли когда-нибудь и узнаем. Впрочем, существует один документ, восстанавливающий примерную картину того, что делал в это время Дантон и близкие его друзья — это дневник Люсили, жены Камилла Демулена, ближайшего друга Дантона. Вот записи этого дневника от 9—12 августа:

"Четверг, 9 августа.

Что станет с нами? Я не перенесу этого. Камилл, о мой бедный Камилл! Что станется с тобой? У меня нет сил дышать. Эта ночь, эта роковая ночь! Боже! Если правда, что ты существуешь, спаси же людей, которые достойны тебя. Мы хотим быть свободны. О боже, всякой ценой. В довершение несчастья меня покидает мужество.

12 августа.

Какой пробел с 9 августа! Что произошло за это время. Какой том написала бы я, если бы продолжала. Как запомнить такую массу вещей. Все равно, я хочу восстановить несколько из них. 8 августа я вернулась из деревни. Во всех умах царило уже сильное брожение. Хотели убить Робеспьера. 9 у меня обедали марсельцы, мы были довольно веселы. После обеда все мы были у г-на Дантона. Мать плакала, она была так печальна, насколько это было вообще возможно, — ребенок ее имел тупой вид; Дантон был полон решимости. Я лично хохотала как безумная. Они боялись, что из этого дела ничего не получится, хотя я была далеко не уверена, я говорила им, как будто знала наверное, что все удастся. "Но только как можно так смеяться?" — сказала мне м-м Дантон. — "Ах, — ответила я, — это может быть предзнаменованием того, что я сегодня вечером буду много плакать". Вечером мы провожали обратно м-м Шарпантье. Погода была прекрасна, мы погуляли по улицам, было много народу. Мы снова вернулись и расположились перед кафе. Мимо нас прошло несколько санкюлотов с криками: "Да здравствует нация!", затем войска верхом, наконец огромная масса народу. Меня объял страх. Я сказала м-м Дантон: "Вернемся домой". Она посмеялась над моими опасениями, но мой разговор об этом зародил в ней беспокойство, и мы пошли. Я сказала ее матери: "Будьте здоровы, скоро вы услышите звуки набата". Когда мы пришли к Дантонам, я увидела там м-м Робер и многих других. Дантон был возбужден. Я подбежала к м-м Робер и спросила: "Будет набат?" — "Да, — сказала она, — еще вечером". Я слышала все, но не проронила ни слова. Вскоре я увидела, как все вооружились. Камилл, мой дорогой Камилл, пришел с ружьем. О, боже, я спряталась в алькове, закрыла лицо руками и заплакала; тем не менее я не

не хотела выказать свою слабость и не решалась сказать Камиллу, что мне нежелательно вмешательство в эти дела. Однако я уловила минутку, когда я могла говорить с ним без боязни быть подслушанной и я высказала ему все, чего я опасалась. Он успокоил меня и сказал, что не оставит Дантона. Между тем я узнала, что он подвергался опасности.

Фрерон имел вид, как будто он решился на смерть. "Я устал жить, — говорил он, — я желаю только смерти". При появлении каждого патруля я думала, что вижу их последний раз. Я пересела в пустую гостиную, где не горел свет, чтобы не видеть всех этих приготовлений. На улице было пусто, все люди разошлись по домам. Наши патриоты собрались уходить. Я уселась рядом с кроватью, подавленная, уничтоженная, несколько раз я засыпала, и когда я пробовала говорить, то получалась одна чушь. Дантон прилег. Он не имел вида занятого человека, он почти совершенно не выходил из дома. Приближалась полночь. Несколько раз заходили к нему. Наконец он отправился в Коммуну. Кордельеровский колокол звонил — звонил долго. Совсем одна, в слезах, на коленях у окна с уткнутым в платок лицом я прислушивалась к звону этого рокового колокола. Напрасно приходили люди меня утешать, мне казалось, что день, предшествовавший этой роковой ночи, был последним. Дантон вернулся. М-м Робер, очень беспокоившаяся за своего мужа, который отправился в Люксембург, где он был депутатом своей секции, подбежала к Дантону, давшему ей только весьма неопределенный ответ. Он бросился на постель. Приходили несколько раз с хорошими и дурными вестями. Мне казалось, что я догадываюсь об их плане отправиться в Тюильри. Рыдая, я оказала им об этом. Я чувствовала, что упаду в обморок. Напрасно м-м Робер спрашивала о своем муже; никто ей не давал сведений. Она думала, что он пошел с предместьями. "Если он погибнет, — сказала она мне, — я не переживу его. Но Дантон — центр всего. Если мой муж погибнет, я буду в состоянии его заколоть". Глаза ее сверкали. С этой минуты я ее больше не покидала, было не до сна. Мало ли что могло случиться. Кто мог знать, на что она была способна?

Так провели мы ночь в жестоком волнении. Камилл вернулся в час; он заснул на моем плече. М-м Дантон была рядом со мной, она как будто готовилась встретить известие о смерти своего мужа. "Нет, — сказала я ей, — я не могу больше терпеть". Когда настал день, я предложила ей отправиться со мной и отдохнуть у меня. Камилл лег. Я велела приготовить в гостиной походную кровать с матрасом и одеялом. Она бросилась на постель и несколько отдохнула. Я тоже легла и заснула под звон набата, который раздавался теперь со всех сторон. Затем мы встали. Камилл ушел, обнадежив меня, что не будет подвергаться опасности. Мы сели завтракать. Часы пробили десять, одиннадцать, а мы ничего не знали. Мы взяли несколько вчерашних газет, уселись на диван в гостиной и начали читать. Она читала мне вслух статью, вдруг мне показалось, что раздался пушечный выстрел. Вскоре я услышала еще несколько выстрелов, но ничего не говорила. Они участились. Тогда я ей сказала: "Стреляют из пушек". Она прислушивается, слышит, бледнеет, падает и теряет сознание. Я раздела ее. Я сама была близка к обмороку, но необходимость оказать ей помощь придала мне силы. Она, наконец, пришла в себя. Жаннета кричала, как коза. Она хотела ее выдрать за то, что она утверждала, что Камилл виноват во всем. Мы слышали крики и плач на улице, мы думали, что весь Париж плывет в крови. Затем мы набрались мужества и отправились к Дантонам. Кричали: "К оружию!", каждый спешил туда. Мы нашли ворота Торгового суда закрытыми. Мы стучали, кричали, никто не открывал нам. Мы хотели пройти туда через пекарню, но булочник захлопнул дверь перед самым носом. Я была вне себя; наконец, нам открыли. Мы довольно долго оставались в неведении. Потом пришли люди и сказали нам, что мы победили. В час дня пришли все и рассказали, что произошло. Несколько марсельцев было убито. Камилл пришел и сообщил мне, что первая голова, которая слетела у него на глазах, принадлежала Сюло. Робер был в Ратуше и видел ужасающее зрелище, как убивали швейцарцев. Он вернулся после обеда, дал нам страшное описание того, что он видел, и весь день мы слышали исключительно только о событиях дня. На следующий день, одиннадцатого, мы видели похороны марсельцев. О, боже! Что за зрелище! Как сжималось у нас сердце. Камилл и я спали у Робера. Не знаю, я была объята каким-то страхом; мне казалось, что дома мы не в безопасности.

На следующий день, двенадцатого, я узнала, что Дантон стал министром..."

Не подлежит сомнению, что этот документ, благодаря своей наивности и непосредственности, передает подлинное положение дел. Люсиль только забывает добавить еще одну характерную подробность. Дантон, который весь день, по-видимому, активно подвизался в предместьях, усталый, еще до исхода событий, заснул крепким сном. В 3 часа утра он неожиданно разбужен друзьями — Камиллом Демуленом и Фабром. "Вставай, — кричали они ему, — ты министр!" Фабр иронически добавил при этом: "Ты меня обязательно должен сделать секретарем министерства". Демулен вторил: "И меня одним из своих секретарей". Дантон, полусонный, поворачиваясь с бока на бок, недовольно сказал: "Послушайте, вы уверены, что я министр?" — "Да, безусловно да", — ответили ему друзья. Тогда он вскочил с постели и отправился к выполнению своих обязанностей.

Дантон был теперь не только министром, он был фактически главой революционного правительства. Законодательное собрание избрало временный исполнительный совет из 6 человек. Дантон был избран министром юстиции в этом совете 232 голосами из 282. Умеренные депутаты почти единодушно избрали в министры революции еще вчера презренного демагога. Его коллеги по министерству — Монж, Ролан, Серван и Клавьер, умеренные буржуа, до смерти напуганные революцией, мечтали теперь только об одном — как бы ее обуздать. И Дантон, естественно, подчинил их своему влиянию. Мы знаем со слов Кондорсе, почему так единодушно буржуа остановились на выборе Дантона. Его кандидатура должна была успокоить повстанцев и подчинить их воле буржуазного правительства. Так Дантон, "человек 10 августа", стал руководителем революционного правительства.

Он с первых же дней развивает бешеную деятельность. 11 августа 1792 года с трибуны Законодательного собрания Дантон клянется в своей преданности революции и ненависти к врагам народа. Он торжественно заявляет: "Я беру на себя перед лицом Национального собрания обязанность защищать его членов. Я пойду во главе их, я отвечаю за них". "Во все времена,— продолжал он, — там, где начинается действие правосудия, — там должна прекратиться народная месть".

Эта речь была политической программой буржуа, овладевшего руководством революции. Для мелкобуржуазного историка Матьеза все это служит материалом... личной дискредитации Дантона, для нас — это только характеристика его политической позиции.

19 августа Дантон обратился с циркуляром ко всем судам Франции, имея в виду их реорганизацию. Министр юстиции, член революционного правительства, разъяснял в этой инструкции свою программу народу. Прежде всего, необходимо было узаконить власти, созданные революцией, в том числе, конечно, свою собственную власть. Вот почему Дантон настаивает на праве инсurreкционной коммуны представлять парижский народ, но не забывает добавить: "Французская нация назначила новых министров именем собрания народных представителей". Таким образом, революционное право народа должно было получить свое подтверждение у "законного" собрания депутатов, "активных" граждан. После этого предисловия шла революционная декларация: "Пост, на который я был призван славным голосованием нации, куда я проник через брешь, образовавшуюся в замке Тюильри, под гром пушек, — последний довод народа, — не изменил меня: на посту министра вы найдете меня таким же, каким я был во время председательства в секции Французского театра — секции, которая так много сделала во время революции 14 июля 1789 года как дистрикт Кордельеров, а 10 августа как дистрикт Марселя. Суды Франции смогут убедиться, что я стремлюсь только к политической и личной свободе, охране законов и к общественному спокойствию, единству 83 департаментов, процветанию государства и расцвету французского народа, а не к химеричному и невозможному равенству имуществ, к равенству прав и счастья".

В дни, когда революция еще защищала свои позиции, Дантон ставит ей пределы, пытается ограничить влияние и реальную власть плебейских масс. Но в то же время он твердо помнит, что в моменты страшной опасности, грозящей революции, когда войска европейской коалиции ворвались на территорию Франции, когда Мец и Верден должны пасть со дня на день и путь на Париж открыт врагу, в эти дни необходимо, чтобы революционная энергия народа предместий не ослабла. Дантон не забывает своих задач. 25 августа в прокламации народу он напоминает, что законодателям придется не мало изменить в государственном строе. Во имя этих реформ необходимо сохранить единство; единство поможет победе революции над врагом. "Граждане,— читаем мы в этой прокламации,— ни один народ на земле не может добиться свободы без борьбы. В нашей среде немало предателей. Если бы не они, борьба была бы давно окончена... Будьте едины и спокойны, обсуждайте мудро вопрос о средствах самозащиты. Решайте вопросы смело, и ваша победа обеспечена". Он напоминает французам основную задачу революции: отныне она состоит в том, чтобы добиться осуществления равенства.

20 августа прусская армия осадила Лонгви. 23 — крепость пала. Коммуна запретила выезд из Парижа. Дантон требовал открытия ворот, но предлагал дать Коммуне право производить домашние обыски в целях отобрания оружия и ареста подозрительных лиц. В связи с этим он произнес с трибуны Законодательного собрания 23 августа одну из тех своих речей, которые обессмертили его имя. Он говорил: "Наши враги заняли Лонгви, но Лонгви — это еще не вся Франция. Наши армии еще целы. Вы согласитесь, что опасения по поводу нашего положения сильно преувеличены. У нас есть еще армии. Мощным напряжением воли народ сбросил деспотизм в столице. Судорожным движением всей нации мы сбросим деспотов (Аплодисменты). До сих пор велась поддельная война в стиле Лафайета. Теперь мы должны начать войну настоящую — войну народа против деспотов. Настало время сказать народу, что он должен всей своей массой обрушиться на врага. (Аплодисменты). Когда корабль терпит крушение, экипаж бросает в море все, что может увеличить опасность. Точно так же все, что может вредить нации, должно быть выброшено из ее недр, и все, что может послужить ей на пользу, должно быть передано в распоряжение муниципалитета под условием вознаграждения собственников. Мы еще раз просим собрание разрешить домашние обыски для подсчета имеющегося у граждан оружия. Разве мы имеем право ждать врага, укрывшись за стенами города, если наш авангард будет разбит? Мы все должны пойти навстречу ему. Без этих мер, без обращения к народу вы ничего не достигнете. В Париже должно найтись 80 тысяч годных к употреблению ружей. Прекрасно. Надо, чтобы те, кто вооружен, помчались к границам. Как народы, завоевавшие свободу, пользовались ею? Они устремлялись навстречу врагу, а вовсе не ждали его".

Можно ли было сомневаться, что подобные речи подымут авторитет Дантона и сделают его имя опорой революции для широких мелкобуржуазных плебейских масс столицы? Революция 10 августа еще не кончилась; она имела своим продолжением сентябрьские дни. Эти-то дни, о которых написаны груды контрреволюционных памфлетов, по недоразумению названных историческими исследованиями, закрепили положение Дантона, сделали его, "это чудовище", великим деятелем революции.

Прошло две недели после свержения королевской власти, и революция еще не восторжествовала. Либералы готовы были поздравлять народ с победой, но революционеры-демократы предместий прекрасно понимали, что победа далеко еще не обеспечена. Наиболее дальновидный из них, Марат, вышедший из подполья, предупреждал патриотов: "Вы восторгаетесь чудесной переменной, вы аплодируете прекрасному гению, вы благословляете заботы и отеческую попечительность властей; вы провозглашаете победу. Французы, неужто вы навсегда останетесь старыми детьми, слепыми мечтателями, а теперь более чем когда бы то ни было, достойными дома умалишенных? Каким образом, спрашиваю вас, произошла эта метаморфоза с нашими депутатами? Не вызвана ли она громом пушечных залпов, поразивших умы изменников, или зрелищем, представляемым головами некоторых из их сообщников, которые народ носил вокруг ограды манежа... Низкие плуты хотели еще накануне декретировать контрреволюцию, предать народ кинжалам наемной солдатчины и погresti Париж под развалинами. Они превратились вдруг в честных людей, добродетельных граждан, неподкупных патриотов. Не сомневайтесь в том, что враги свободы будут вечно приспешниками деспотизма. Изменники будут постоянно замышлять гибель родины"...

Повстанческая коммуна столицы, в рядах которой действовал Марат и его сторонники, противостояла буржуазному Национальному собранию. Торжество революции 10 августа означало торжество Коммуны Парижа. Кто из них будет победителем? Вопрос этот мог быть решен только в классовых битвах ближайших недель.

Марат, вождь революционных предместий, считал, что день 10 августа должен иметь свое продолжение. Речь шла не только о короле, но прежде всего о Законодательном собрании, и хотя 11 августа парламент объявил о созыве Конвента на основе всеобщего избирательного права, — основные требования революции не были разрешены. Законодательное собрание действовало нерешительно в вопросе об отмене феодального права, о борьбе со спекуляцией. Собрание не решилось даже провозгласить республику. Исполнительный совет считался временным органом власти. Дальнейшую судьбу революции решало реальное соотношение классовых сил. Коммуна самочинно закрыла парижские заставы, предала суду приближенных короля, арестовала фейянов, протестовавших против событий 20 июня. Коммуна послала 2000 федератов в Руан, для борьбы с контрреволюцией. Порывая с легальностью, Коммуна по требованию Марата арестовала всех журналистов, сторонников монархии, конфисковала их типографии. В августе был объявлен призыв добровольцев в армию. Из церковных колоколов и бронзовых статуй отливали пушки.

В Коммуне решающую роль играл Наблюдательный комитет во главе с Маратом, Панисом и Сержаном.

Последние два еще до революции были клерками адвоката Дантона. Они и теперь готовы были поддержать своего патрона.

Какую позицию займет Дантон в борьбе Коммуны с Законодательным собранием? Мы видели, что делал он на посту министра юстиции в августе 1792 года. Его политика сводилась к подчинению Коммуны руководству буржуазии, если даже последней пришлось бы пойти для опыта на некоторые уступки народным массам. Дантон прекрасно понимал, и в этом смысле был гораздо дальновиднее жирондистов, что судьбы революции решает Париж, его предместья. Когда 24 августа после сдачи Лонгви испуганные депутаты и министры настаивали на том, чтобы Конвент был созван где-нибудь в провинции на Луаре, и даже, по словам жирондиста Барбару, если необходимо, на Корсике, — Дантон решительно заявил: "Франция здесь — в Париже". Он прибавил: "Я заставил мою семидесятилетнюю мать приехать в Париж. Я привез сюда своих детей. Они прибыли вчера. Прежде, чем пруссаки войдут в Париж, пусть погибнет моя семья, пусть 20 тысяч факелов подожгут столицу из конца в конец и превратят ее в пепел!" Дантон круто обернулся к Ролану: "Ролан, берегись говорить о бегстве. Страшись, если тебя услышит народ!"

Своей волей и решимостью он, безусловно, превосходил всех своих союзников. По его инициативе 29 августа были разосланы комиссары по департаментам, чтобы обеспечить набор добровольцев. Со стороны буржуа раздавались жалобы, что комиссары, в большинстве своем бывшие кордельеры, ведут себя грубо. Дантон иронически отвечал недовольным: "Думаете ли вы, что мы пошлем вам барышень?" Когда по его предложению 29 августа решено было начать домашние обыски в Париже, Коммуна схватилась за эту меру как за меру спасения революции. Ей предоставлено было право руководить операцией. Только мы, пережившие гражданскую войну, можем себе представить картину Парижа в ночь с 29 на 30 августа. Город смолк; словно вымер; улицы опустели; лавки закрылись, у застав стоят вооруженные патриоты, никто не может выехать из столицы. В час ночи начались обыски. Они дали мало реальных результатов, и жирондисты воспользовались этим, чтобы дискредитировать вождей предместий.

Никогда революция во Франции ее была так близка к гибели, как в первые дни сентября. Руководитель новых сил, генерал Дюмурье, прибывший на фронт, убедился, что 23 тысячи дезорганизованных солдат французской армии не способны больше противостоять армии европейской коалиции, спаянной феодальной дисциплиной. На сцену еще не выступали волонтеры 92 года, революционеры-добровольцы со всех концов Франции. Судьба революции могла быть решена в ближайшие же дни. 2 сентября парижская Коммуна, узнав о продвижении неприятельских войск внутрь страны, предложила Законодательному собранию действовать совместно, обсудив чрезвычайные меры спасения революции. В этот момент на трибуне Законодательного собрания появился Дантон и при гробовом молчании всех присутствующих произнес вдохновенную речь, получившую широкий отклик во всей стране, речь, вошедшую в анналы истории как образец революционной смелости. Об этой речи говорит Ленин в своей характеристике Дантона: «Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами "величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость"». Вот что сказал Дантон 2 сентября французам: "С чувством глубокого удовлетворения я, как министр свободного народа, спешу сообщить вам радостную весть о том, что спасение отечества не за горами. Вся Франция пришла в движение, все горят желанием сразиться.

Вам уже известно, что Верден еще не в руках неприятеля; вы знаете, что гарнизон поклялся уничтожить всякого, кто посмеет заговорить о сдаче. Все граждане столицы разделятся на три отряда: одни, готовые двинуться к границам; это те, кто имеет оружие, — другие будут рыть окопы, третьи составят огромную массу, оцетинившуюся пиками — их делом явится защита народов.

Париж готов всецело поддержать великие усилия народа. Сейчас, когда я говорю с вами, комиссары Коммуны выпускают торжественное воззвание, призывающее граждан вооружиться и идти на защиту родины.

В этот решительный момент, господа, вы можете открыто признать, как велика заслуга Парижа перед всей Францией. В этот момент Национальное собрание должно стать подлинным военным комитетом. Мы просим вашего содействия в нашей работе. Помогите нам направить по должному пути этот великий народный подъем, назначайте дельных комиссаров, которые будут нам помогать в этих великих мероприятиях. Мы требуем смертной казни для тех, кто откажется идти на врага или выдать имеющееся оружие. Необходимы меры беспощадные; когда отечество в опасности, никто не имеет права отказаться служить ему, не рискуя покрыть себя бесчестием и заслужить имя предателя отчизны. Мы требуем, чтобы были изданы инструкции, указывающие гражданам их обязанности. Мы требуем, чтобы были посланы курьеры во все департаменты — оповестить граждан о всех декретах, издаваемых вами. Набат, уже готовый раздаться, прозвучит не тревожным сигналом — но сигналом к атаке на наших врагов (Аплондизменты). Чтобы победить

их, господа, нам нужна смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена!" (Новый взрыв аплодисментов).

Эту смелость проявила Повстанческая коммуна. В половине второго раздались удары набата. Коммуна постановила начать всеобщее выступление парижских граждан. Над Ратушей был поднят черный флаг. Патриоты рассуждали трезво и разумно: "Если нам суждено погибнуть, пусть не останется в живых никто из наших врагов. Они могут в наше отсутствие перерезать наши семьи и восторжествовать". О том, что переживал Париж в эти дни, дает представление письмо мадам Жюльен, о которой мы упоминали выше. Она писала своему мужу 2 сентября, в день, когда парижане начали свой суд над контрреволюционерами, защищая тем самым Коммуну.

"Кто добивается цели, тот не должен пренебрегать и средствами: никакой варварской гуманности. Народ восстал; ужасный в своей ярости народ мстит за преступления трех лет, полных самого трусливого предательства. О, милый друг! Я спешу в твои объятия, чтобы пролить поток слез, но прежде всего я кричу тебе: Франция спасена. Эти слезы проливаю я над участью наших несчастных братьев-патриотов, павших под мечом пруссаков. Верден осажден и сможет продержаться еще только два дня. Радость наших диких аристократов резко выделяется на фоне нашей глубокой скорби. Слушай, трепещи! Пушка около полудня бьет тревогу, гудит колокол набата, барабаны бьют генерал-марш, улицы в постоянном движении. Критическое положение достигло своего апогея; патетические прокламации городского управления обратили внимание народа на один пункт и тронули его сердце: "Спешите на помощь вашим братьям! К оружию, к оружию!" Всякий спешит, бежит. Короче говоря, сегодня вечером выступает 40 тысяч человек, которые хотят броситься на пруссаков, будь то под Верденом или еще дальше, если продвинутся вперед. Боевое воодушевление, охватившее парижан, является чудом. Отцы семейств, простые граждане, войска, санкюлоты берутся за оружие. Народ сказал: мы оставляем дома наших жен, наших детей среди наших врагов, очистим сначала от них почву свободы. Друг мой, я опускаю здесь покрывало над преступлением, которое народ принужден был совершить из-за вины тех, печальной жертвой которых он является в течение трех лет. Раскрывающиеся со всех сторон грязнейшие покушения бросают самый гнусный свет и дают несомненную уверенность в судьбе, которая ожидает патриотов и грозит им; и если они не подготовят гибели, то погибнут сами. Дикая необходимость, злополучное дело наших врагов. Отрубленные головы. Зарубленные священнослужители. Я не могу представить тебе отчет об этом, несмотря на то, что разум хочет убедить меня и твердит мне: пруссаки и король сделали бы то же самое и в тысячу раз хуже. Если народ — о, злополучный народ, пусть не осмелятся клеветать на тебя...

...Я охвачена страхом, ужасом, я не знаю, что должна я переживать. Выслушай подробности, которые передают мне возвращающиеся с работы шесть каменщиков. Батальон людей из народа под впечатлением грозящей опасности, как бы в случае удачи заговора или приближения пруссаков все заключенные в тюрьмах не набросились на нас, — избрал судей в качестве своих проводников и обходил с ними тюрьмы. Были рассмотрены все списки заключенных, были убиты все воры и фальшивомонетчики, были отпущены находившиеся под уголовным арестом, были освобождены заключенные за озорство; молодые люди, арестованные за легкомысленные поступки, включились в отряд. Таким образом были очищены все тюрьмы, даже тюрьма Бисетр, где еще не все закончено. Национальная жандармерия и прочие войска говорили гражданам: "Товарищи, мы оставляем вам наших жен, наших детей; защищайте их от внутренних врагов, которые могут их убить в то время, когда мы будем вдали, чтобы побороть наших врагов". Эта новая экзекуция ужасного варварского правосудия совершилась, как говорят, с необычайным спокойствием. Много священников пало жертвой народной мести. Эти каменщики видели у тюремных ворот горы трупов. Пруссаки — лишь второстепенная причина стольких жестокостей, вызванных чувством раздражения и ужаса за их несправедливое нападение и вторжение, они будут уничтожены, хотя бы их было даже сто тысяч. С каким ужасающим жаром наши храбрые добровольцы покинули Париж. Они решили или умереть, или вернуться победителями.

Будь здоров, мой друг, наши каменщики, из которых один был свидетелем всего, рассказали нам все это со своего рода невинностью и искренним сожалением, что народ для спасения самого себя от всех своих врагов, от предателей и заговорщиков был принужден зайти так далеко и сам должен был искать себе правосудия..."

События 2 сентября были направлены не только против пруссаков, но и против внутренней контрреволюции. Коммуна в лице своего наблюдательного комитета под руководством Марата добивалась чистки Законодательного собрания, она имела в виду жирондистов. Известно, что по постановлению Наблюдательного комитета решено было подвергнуть обыску Бриссо; его бумаги были перерыты. Более того, 3 сентября революционеры ворвались в министерство внутренних дел с мандатом на арест Ролана. Дантон спас его. Спустя некоторое время он напомнил Петиону: "Знаете ли вы, что они хотели сделать? Представьте себе: они пришли с мандатом на арест Ролана. Ну, и бешеный комитет. Я принял мандат. Прекрасно! Вот он,— сказал я им,— но мы не можем допустить так действовать. К дьяволу! Так вести себя по отношению к члену

Исполнительного совета. Я попытался образумить их". Собрание упорно защищалось. Оно потребовало от Коммуны наблюдения за неприкосновенностью личности и имущества граждан.

Тактика, подсказанная событиями Дантону, была очевидной. Ни он, да и никто из жирондистов, даже самых умеренных, не посмел сопротивляться революционному правосудию, хотя позже они и сваливали вину друг на друга. Задача сводилась только к тому, чтобы овладеть восстанием, отвлечь его от борьбы за завоевание революционной власти в сторону "патриотического самосуда", во имя обороны отечества. 2 сентября в 9 часов утра министр потребовал, чтобы граждане собрались на Марсовом поле. "Как, — воскликнул один из присутствовавших при этом распоряжении, — в этот момент скопище на Марсовом поле? — Да ведь это предаст Париж в руки банд!" — "Да, нет же, — отвечали друзья Дантона, — напротив: министр этим хочет отвлечь массы". Когда Прюдом, известный патриот-журналист, потребовал от Дантона принятия каких-либо мер для прекращения самосудов, министр возразил ему: "Всякое средство успокоения бесполезно. Ненависть народа имеет свои границы. Было бы опасно вмешиваться. Когда народ насытит свою ненависть, его можно будет образумить". 3 сентября в самый разгар движения, за обедом с Бриссо и Жансоне, Дантон ответил делегации Парижа, спрашивавшей у него, что сделать с 80 арестованными в тюрьме Ляфорс: "Делайте, как знаете!" Он угостил их водкой.

Только после того, как цель была достигнута, Дантон твердо и решительно в отличие от всех остальных насмерть перепуганных министров предложил Исполнительному совету принять меры к прекращению движения. Когда один из присутствующих, Теофиль Манда, руководитель секции Тампля, обратился к нему с жалобой на патриотов, он в упор посмотрел на него и холодно заметил: "Заткнись, — это было необходимо!" Так Дантону удалось овладеть движением, которое, казалось, окончится торжеством революционной диктатуры за много месяцев до "третьей революции" 2 июня 1793 года, изгнавшей из Конвента жирондистов, — революции, положившей начало эпохе террора, революционной диктатуры плебейских масс.

Сентябрьские дни пронесли бурей по всей стране. Не только в столице, но в Шалоне, Орлеане, Реймсе — повсюду народные массы пытались завершить революцию 10 августа. В Реймсе наш знакомый Армонвиль и его друзья, рабочие-ткачи предместий, организовали батальоны добровольцев, чтобы отразить нашествие врага, вступившего в пределы Шампани. В эти бурные дни в Реймсе происходят выборы депутатов в Конвент. 2 сентября было назначено собрание выборщиков, а накануне в секции избиратели выдвинули кандидатуру нашего ткача Армонвиля в Конвент. Ткач Армонвиль получил 120 голосов из 218. Отныне ему предстояло действовать в Конvente рука об руку с Дантоном, но он не принадлежал к его политическим друзьям. В то время, как Дантон станет главою Болота в Конvente, Армонвиль займет место рядом с Маратом на самой вершине, "на гребне Горы". Но прежде чем Армонвиль отправится в столицу, он во главе массы вооруженных патриотов из предместий проделает то, что совершили патриоты Парижа 2—3 сентября. Парламентские выборы в эти дни были революционным действием. Вот как член Конвента от Реймса, Приер, рисует собрание выборщиков: "Вместо звонка перед председателем лежит на столе заряженная двустволка, чтобы в случае приближения врага быть готовым броситься в ряды храбрецов, стекающихся со всех сторон и наполняющих город. Близость неприятеля, находящегося в 4 милях от города, присутствие избирательного собрания, заседающего день и ночь, ложная тревога, распространяющаяся каждую минуту, волнение народа среди таких опасностей, волнение, довершаемое недостатком продовольствия, глухие козни врагов революции — все готово вызвать в городе пожар".

Среди революционного пожара Франция выбирала депутатов Конвента. Собственническая Франция была смертельно напугана событиями. Она посылала в Париж умеренных буржуа, в большинстве своем мечтавших об обуздании революции. Только меньшинство депутатов страны принадлежало к революционной части Собрания. Иначе обстояло дело в Париже. Здесь, несмотря на неудачу восстания 2—3 сентября, секции избирали решительных патриотов. Но Дантон стремится к тому, чтобы выборы в Париже привели к закреплению союза умеренных и крайних демократов. Он хочет провести в Конвент одновременно Петиона и Робеспьера. Сам Дантон избран подавляющим большинством голосов, из 700 избирателей за него голосовало 638 человек. Вместе с ним прошли все его друзья.

Тактика Дантона в Конvente определялась самим составом парламента. В собрании было по крайней мере 165 жирондистов, среди которых значительная часть принадлежала к правому крылу. Монтаньяры были пока слабы; их сила была в революционном движении предместий. Центр тяжести Конвента находился в многочисленной фракции колеблющихся депутатов Болота. Депутаты Болота, буржуа, напуганные революцией, преданные королевской властью, выжидают, присматриваются. Один из них, Дюран де Майян, писал о своих единомышленниках: "Как я, они оставались всегда неподвижными при скверных прениях". Под "скверными прениями" Дюран понимал наиболее бурные революционные дни Конвента.

Дантон пытался завоевать симпатии этой бесформенной массы депутатов. Он был их героем, он опирался на них, когда искал примирения между Жирондой и Горой. В сентябрьские дни, после того как была сорвана при его активном участии попытка народного восстания, он в день открытия Конвента решил объявить свою политическую платформу "разумного революционера". Когда Тальен, член якобинского клуба, предложил депутатам принести клятву в том, что они не покинут своего поста до тех пор, пока не выработают новой конституции "на основе равенства и свободы", Дантон поддержал его, он объявил, что задача собрания сводится к выработке конституции, которая "путем поименного голосования будет принята большинством первичных собраний". Легальность — такова была его политическая программа. Он скромно заметил, что отказывается от своих полномочий министра и выступает перед Конвентом только как представитель народа. Закон и конституция — вот гарантия победы. Об этом Конвент должен объявить народу: "тогда исчезнут все ложные признаки диктатуры, нелепые слухи о триумvirате — весь этот вздор, придуманный для запугивания масс, так как конституционным законом будет признано лишь то, что принято самим народом".

Необходимо было чем-нибудь успокоить народ, тот самый народ, который за стенами Конвента, на трибунах собрания внимательно и строго прислушивался к выступлениям новых депутатов. Дантон бросает ему уступку: "Необходимо, чтобы закон наказывал всех виновных и тогда народ будет вполне удовлетворен" (Аплодисменты). Кто аплодировал? Буржуа, мечтавшие о том, что законный суд избавит их от нового революционного самосуда, или санкюлоты, считавшие, что Дантон обещает им торжество революционного закона? По-видимому, те и другие. Но не в санкюлотах было дело. Они были временно успокоены, а вот собственники, депутаты Болота — их надо было привлечь на сторону народа, успокоить, заверить, что революция "в мудрых" и сильных руках. К ним направлены следующие ясные слова Дантона: "Многие даже самые честные граждане выражали опасение, что пылкие друзья свободы способны нанести непоправимый вред общественному порядку, сделать преувеличенные выводы из своих принципов. Итак, решительно откажемся здесь от всяких крайностей. Провозгласим, что всякого рода собственность — земельная, личная, промышленная — должна на вечные времена оставаться неприкосновенной" (Дружные аплодисменты).

Собственники ликуют. Они спокойны, но Дантон не забывает второго союзника. Он бросает трибунам: "Вспомним затем, что нам необходимо все пересмотреть, все переиздать и что сама Декларация прав не совсем безупречна и что она должна подвергнуться пересмотру истинно свободного народа" (Новый взрыв аплодисментов). Теперь аплодировали санкюлоты, которым показалось в этих словах обещание пересмотреть Декларацию прав в интересах трудящихся.

Речь Дантона произвела в Конвенте потрясающее впечатление. Кондорсе выражал общее мнение буржуазии, когда писал в своей газете 23 сентября: "Гражданин Дантон выступил в роли министра юстиции. Он говорил позавчера как справедливый человек. Бесчестные граждане не посмеют его считать своим". Один из умеренных, депутат департамента Бож, писал своим друзьям на родину 28 октября: "Я был поражен доблестями Дантона. Этот человек обладает блестящим и нарядным красноречием, он пожертвовал своей должностью министра, чтобы стать депутатом Конвента. Этот шаг доставит ему немало чести. До сих пор это единственный оратор в Конвенте, который меня поразил".

С этой стороны позиции Дантона были закреплены. Надо было спешить с укреплением другой стороны. Назавтра у решетки Конвента комиссары Орлеана сообщили о беспорядках в городе. Народ обвинял монархически настроенный муниципалитет в спекуляции зерном. Ратуша Орлеана оказала вооруженное сопротивление народу. Дантон взял на себя защиту повстанцев. "Если, — говорил он, — будет доказано, что муниципалы Орлеана пытались сделать то, что департамент Парижа хотел сделать 20 июня, пусть их головы падут под ударами меча закона".

Мог ли после такого выступления кто-либо подозревать Дантона в желании порвать с Коммуной, с демократическими секциями Парижа? Его демократические симпатии бесспорны. Когда в тот же день в Конвенте обсуждался вопрос о выборе судей, он поддержал предложение Томаса Пейна, английского патриота, требовавшего демократизации судебного порядка. Он как адвокат знал, что судейское сословие — враждебная народу власть. Народу должно быть предоставлено полное право выбирать своих чиновников. Судейские подобны попам — и те и другие обманывают народ; судьей может быть любой честный гражданин, судьи не должны иметь никакого специального образования.

Так народный трибун энергично пытался сохранить свои политические позиции над "схваткой" основных сил революции. Удастся ли ему это?

В Исполнительном совете он все еще центральная фигура. Жирондист Ролан занят моральными рацеями. Монж готов выполнить любое приказание Дантона. Этот ученый на все возражения отвечает: "Так хочет Дантон. Если я не соглашусь, он велит меня повесить". Дантон не только министр юстиции, он фактически руководит и внешней политикой, направляет деятельность Лебрена. В военном министерстве он ближайший и активный помощник Сервана. Меньше всего он работает в своем министерстве юстиции. Да в конце концов, какое имеет оно значение в эти бурные дни! Сила и энергия Дантона решают все, создают ему славу и укрепляют его власть. Революционный вождь — он возглавляет революцию и после того, как выходит из Исполнительного совета. Когда 25 сентября встал вопрос об устранении генерала Монтескью, Дантон при общих аплодисментах собрания торжественно заявил: "Пришло время высказаться по поводу смещения Монтескью. Нам нужно быть грозными. Необходима воля для сохранения свободы". Через день он настаивает перед Конвентом на усиленной отправке добровольцев: "Пусть враг знает, что существует Национальный конвент. Ведь до сих пор еще ничего не сделано, чтобы дать понять врагу, что нация снабдила нас огромными полномочиями. Прежде всего нам необходима вооруженная сила!"

В самом успехе Дантона таилась, однако, неизбежность его падения. Восторженные клики буржуа не должны нас обманывать. Сила Дантона была в поддержке народных низов. Но это-то и пугало буржуазию. Она не возражала в августе-сентябре 92 года, когда трибун сдерживал народные массы всеми доступными ему средствами. Она высоко ставит его заслуги, в особенности теперь, после битвы при Вальми, когда революционный подъем народных масс 20 сентября приостановил движение войск европейской коалиции и вскоре отбросит врага за пределы французской территории. А дальше? Двойственная позиция Дантона перестает выполнять свои задачи. Плебейские массы могут заставить его действовать в своих интересах или, отбросив его, установить революционную диктатуру. Отсюда затаенная, но все более и более прорывающаяся наружу ненависть между Дантоном и частью Жиронды, возглавляемой Бриссо и Роланом.

Трусливый Ролан и его жена, знаменитая мадам Ролан, сердце и голова жирондистской политики, презирают демагога Дантона за его связи с плебеями. Мадам Ролан стоит за то, чтобы революцией руководили солидные буржуа и фанатично преданные идеалу буржуазного общества блестящие политики торгово-промышленной Франции — Гаде, Барбару, Бюзю; сентябрьские дни показали ей, какой ценой Дантон купил свою победу. Она страшится его, она и все ее друзья мечтают об устранении Дантона вместе со всеми вождями парижских секций. Жирондист Бюзю от имени умеренных требует в Конвенте создания департаментской гвардии для охраны парламента от революционных масс. Это требование выражает вместе с тем недоверие жирондистов к Парижу как центру революции. Конвент под влиянием Жиронды постановляет назначить шесть комиссаров, которые должны представить собранию отчет о состоянии республики и Парижа, проект закона против убийств и отчет о средствах, необходимых для создания вооруженной силы департаментов. Это было объявлением войны Парижу, секциям и Дантону, который пока еще силен их поддержкой.

Буря разыгралась на заседании Конвента 25 сентября. Мерлен де Тионвиль требовал отмены принятого декрета. Он сообщил Конвенту о том, что умеренный жирондист Ласурс рассказывал ему о проекте установить диктатуру Робеспьера, Дантона и Марата. Ласурс вместо того, чтобы публично повторить свои обвинения, выступил с политической декларацией против режима революционного террора. Дантон воспользовался выступлением Ласурса и заявил: "Счастливым день для народа, счастливый день для французской республики, день, который принесет с собой братские объяснения в недрах этого собрания... Если есть виновные, если существует в действительности тот бесчестный человек, который хочет деспотически властвовать над народными представителями, его голова падет на плахе, как только его преступление будет разоблачено. Здесь говорят о диктатуре, о триумvirате. Подобные обвинения не должны быть неопределенными и необоснованными. Тот, кто бросил подобное обвинение, должен подписаться под ним. Я бы не задумался это сделать, хотя бы мои показания стоили жизни моему лучшему другу". Дантон настаивал на том, что преступно его обвинять в стремлении к личной диктатуре, но он прекрасно понимал, что речь идет о диктатуре революционных низов. Вот почему, не стеснясь, он готов был выдать Марата собранию ожесточенных буржуа. "Думаю, — говорил он, — что жизнь в подполье, где Марату пришлось скрываться, ожесточила его душу... Но не станем из-за двух-трех неуравновешенных людей обвинять весь состав парижской делегации в Конвенте. Что же касается меня, я не принадлежу Парижу, на который всегда смотрю с чувством удовлетворения. Никто из нас не принадлежит тому или иному департаменту. Мы призваны защищать интересы всей Франции". Он предложил Конвенту издать закон, угрожающий смертной казнью всякому, кто потребует установления диктатуры или нарушения единства Франции. Он снова и снова призывал Жиронду к единству: "Пусть дрожат австрийцы при виде этого священного единения, дрожат крамольники внутри страны и коронованные бандиты, возлагающие все свои надежды на наши разногласия".

Но напрасны были попытки Дантона. Буржуазии не нужно было это единство. Буржуазии необходимо было полное и беспрекословное подчинение народных масс. "Мудрый" оппортунизм Дантона в конце сентября, октябре и ноябре 1792 года обнаружил всю свою слабость, свою неспособность овладеть революцией в момент, когда классовая борьба переросла в гражданскую войну. 29 сентября он клянется с трибуны Конвента, что готов воздать справедливость Ролану. Впрочем, тут же он зло добавляет: "Но если вы приглашаете его, пригласите и м-м Ролан, так как весь мир знает, что господин Ролан не был одинок в своем департаменте. Что касается меня, то я действовал сам".

Это было похоже на готовность объявить войну Жиронде, но скорей это свидетельствовало о безысходном положении и невозможности добиться примирения.

Жирондисты пустили в ход обвинения против личного поведения Дантона. Они обвинили его в том, что он присвоил себе часть средств, ассигнованных в свое время на нужды министерства. 28 августа Законодательное собрание представило 2 миллиона ливров для секретных расходов Исполнительному совету с расчетом, что примерно каждое из министерств израсходует до 400 тысяч. Камбон от имени Конвента потребовал отчета. Он утверждал, что Дантон израсходовал часть денег без представления оправдательных документов. Жирондисты подхватили это обвинение. Они не хотели принять во внимание объяснений Дантона; им нужна была его голова, а не счета. Дантон напомнил им те чрезвычайные обстоятельства, которые требовали чрезвычайных расходов в августе и сентябре. "Отечество было в опасности, и, как я часто говорил в Исполнительном совете, мы подотчетны только в делах свободы! Что ж, мы вам целиком оплатили этот счет! Утверждаю, я представил счет всех моих граждан совету, и я не думаю, что могло бы появиться какое-нибудь сомнение в моем политическом поведении".

Но это сомнение появилось. Оно оставалось не разъясненным в продолжение многих месяцев. В политической борьбе с Дантоном Жиронда неоднократно требовала отчета в израсходованных средствах, отчета, который не мог быть представлен между прочим и потому, что министр Дантон широко пользовался деньгами для секретной борьбы с контрреволюцией и для оплаты своих агентов. Характерно, что Жиронда в то время предъявляла всем деятелям Коммуны обвинения в хищениях. С 10 августа Коммуна, точнее Наблюдательный комитет, сохраняла много ценностей. Отчет об этих ценностях и потребовал жирондистский Конвент. Так Жиронда пыталась связать личную судьбу Дантона с Коммуной, даже против его желания. Все это вынуждало Дантона перейти на позиции борьбы. Когда 16 октября Манюэль, бывший прокурор Коммуны, предложил передать вопрос о республике на утверждение народа, Дантон выступил решительно против этой "демократической меры". "Нужна ли какая-либо особая народная санкция для провозглашения республики,— спрашивал он.— Республика утверждена народом, армией, гением свободы, который отвергает всех королей". Для жирондистов этого было достаточно. Через два дня Ролан демонстративно представил Конвенту счет всех произведенных им секретных расходов в дни сентября. Враг Дантона, жирондист Реббеки, воскликнул: "Пусть все министры сдадут свои счета, как Ролан, и все пойдет великолепно". Это было вызовом Дантону. Он рванулся к трибуне и под аплодисменты Горы заявил: "Есть расходы, о которых здесь нельзя говорить. Есть оплаченные агенты, которых было бы не политично и не справедливо называть. Есть революционные поручения, требуемые свободой и неизбежно связанные с огромными денежными жертвами. Когда враг захватил Верден, когда отчаяние охватило лучших и наиболее смелых граждан, Законодательное собрание нам сказала: "Не экономьте! Расточайте деньги, если это необходимо, чтобы оживить доверие и дать импульс всей Франции". Мы сделали это..." Жиронде подобное объяснение было недостаточным. Для Дантона ситуация становилась безвыходной.

Не подлежит сомнению, что Дантону как главе революционного правительства пришлось вести тайную игру за спиной народных представителей. Вопрос был только в том, в чьих интересах велась эта игра. Впервые, по-видимому, ему пришлось прибегнуть к чрезвычайным и секретным мероприятиям незадолго до 10 августа, когда путем подкупа он установил и захватил нити роялистского заговора. К Дантону питали доверие люди различных слоев. В июле 1792 года молодой врач из Бретани Латуш сообщил ему под большим секретом, что его пациент Ла Руэри передал ему пакет фальшивых ассигнаций для обмена на золото; за золотом он послал своего племянника. Последний почему-то принял Латуша за заговорщика и в беседе рассказал ему подробности подготовляемого восстания. Дантон поспешил сообщить об этом министрам-жирондистам, но они ничего не предприняли. Тогда Дантон решил действовать самостоятельно. Он убеждает Латуша не порывать связи с роялистами и вскрыть все детали заговора. Латуш отправляется в Бретань, находит Ла Руэри и по совету Дантона подготавливает выдачу его революционным властям. Это было уже после революции 10 августа. Бретонские заговорщики, рассчитывая на поддержку иностранных войск, готовы были вступить в столицу через Елисейские поля, надеясь, что пруссаки вступят в Париж через ворота Сен-Мартен и Сен-Дени. Не подлежит сомнению, что только победа народа сорвала контрреволюционный заговор.

Дантон через Латуша был прекрасно осведомлен о положении дел. Здесь свою роль сыграли деньги, которые Дантон разбрасывал без излишней экономии. Так же поступил он, когда купил второго агента роялистов. Дантон, впрочем, как показал Мишле, приобретал их доверие не только золотом, но и убеждением. "Тем же, кого не брали ни золото, ни слова, он клал на плечо свою руку, и они переставали сопротивляться... Все исчезало перед дружеской лаской Дантона". Эта "дружеская ласка" была двойной игрой — Мишле не понял этого. Дантон вступал в переговоры с контрреволюционерами. Эта тактика Дантона проявила себя в полной мере позже, в вопросах внешней политики и в вопросе о судьбе короля.

Жизнь короля представляла для революции интерес лишь постольку, поскольку она играла роль козырной карты в планах контрреволюционной Европы. Поэтому с ней приходилось считаться и революционной Франции. Дантон не принадлежал к республиканцам, так же как и жирондисты. Республика была им навязана народным восстанием. Жирондисты готовы были даже теперь, после 10 августа, искать путей к прошлому. Чтобы окончательно обезвредить это прошлое, Дантону приходилось применять не сокрушительные революционные удары, а дипломатические переговоры оппортуниста. Он надеялся, страхуя себя со стороны еще не уничтоженной контрреволюции, застраховать тем самым и революцию от Жиронды, но прежде всего от выступления рабочих предместий. Поведение Дантона в вопросе о короле представляет поэтому для нас особый интерес. В конце октября к нему явился для переговоров Теодор Ламет, один из представителей фейянов, депутат Учредительного собрания. Ламет в своих мемуарах, опубликованных в 1913 году, так рассказывает о встрече с Дантоном.

"Назавтра утром я пошел к Дантону. Он не был больше министром юстиции. Жил он в скромной квартире на улице Кордельеров. Его молодая, красивая жена, женщина с приятными манерами провела меня к нему в комнату, где он лежал на кожаном диване. "Что вы делаете в Париже? — сказал мне Дантон. — Я считал, что вы спаслись. Откуда вы явились?" — "Из Лондона" — ответил я. — "Да вы с ума сошли, забыли декрет о смертной казни?" — "Нет, я помню о нем. Но ведь вы спасли жизнь моего брата. Единственно, чем я могу выразить вам свою признательность, это — отдать мою жизнь в ваши руки. Что ж, я весь в вашей власти". — "Но я не считаю это своим особым достоинством, потому, что если я не знаю всех преступлений, на которые вы способны, то я знаю отлично, на какие преступления вы не способны". — "Вы никогда не щадили меня. Я готов принять все то хорошее, что можно будет извлечь из ваших слов. Надеюсь, что я буду считать себя удовлетворенным". — "Впрочем, вы, наверное, приехали сюда по делу? Что вам угодно?" — "Вы оказали мне большое доверие, вы показали мне в то же время единственный путь спасения, который остался для вас, ибо вы погубите себя, если будете губить Францию". — "Ваши идеи жалки". — "Я могу доказать противное". — "Вы не понимаете — сказал Дантон решительно и резко, — необходимо пройти через залу демократии, чтобы пробраться к свободе". — "Я не думаю этого, впрочем, то участие, которое вы приняли во всех событиях, достаточно печально". — "Да, все имеет, однако, свой предел. Я поведу за собой колесницу революции". — "Увы, Дантон, вы ошибаетесь. Колесница эта потянет вас за собой". — "Да, вы правы, я это знаю. Отступление будет тяжело. Но к делу. Раскройте ваши секреты". — "Вы сами догадываетесь, видя меня здесь во Франции, откуда я мог бежать". — "Да, очевидно, речь идет о короле"

Дальше Ламет попытался убедить своего собеседника в доблестях короля, в том, что он неповинен в предъявленных ему обвинениях, обнаружив в худшем случае слабость. Ламет прибегнул даже к такому "сильному" аргументу: "Революция не имеет права судить короля, потому что он ей не подсуден". Дантон возразил: "Что за наивность! Что все эти слова значат для тех, кто хочет и кто может. Разве Карл I был убит по закону?" Дантон настаивал на том, что суд и казнь короля неизбежны. Ламет напомнил ему, что в Конвенте немало жирондистов, что они — большинство и что они готовы спасти короля. Дантон с хохотом прервал: "Прекрасное средство! Жирондисты, вот кто повинен в теперешнем положении короля. Они напуганы, они произнесут блестящие речи и кончат тем, что все приговорят его к смерти". Ламет пришел в отчаяние. Он умолял Дантона сказать ему, нет ли все-таки какого-нибудь средства сласти короля; ведь казнь Людовика XVI вызовет жесточайшую ненависть Франции и всей Европы. Дантон иронически возразил: "Сообщите об этом Робеспьеру, Марату и их поклонникам". Впрочем, министр революции поспешил его обнадежить: "Вы спрашиваете меня, что я об этом думаю, чего я хочу? Что касается того, что я смог бы сделать, то в положении, в котором мы находимся, разве может что-нибудь обещать даже самый популярный человек? Кончим нашу беседу. Я не хочу казаться ни лучше, ни чище, чем я есть на самом деле. Я доверяю вам. Так вот мои мысли и мои намерения: я не согласен, что король безупречен, но я считаю справедливым и целесообразным вырвать его из того положения, в котором он находится. Я постараюсь осторожно и смело сделать все, что смогу. Я сделаю все возможное, если у меня будет хотя бы один шанс на успех. Но если я потеряю всякую надежду, я объявляю вам: не желаю, чтобы моя голова пала вместе с его головой. Я буду среди тех, кто его осудит". — "Но зачем вы, Дантон, — воскликнул Ламет, — прибавили эти

последние слова?" — "А для того, чтобы быть искренним, как вы того от меня требовали. Впрочем, — резко оборвал он, — подумайте о себе..."

В этой беседе, даже если Ламет в своих мемуарах ее несколько приукрасил, — весь Дантон. Он сам рассказал о своей политической позиции, о своем недоверии к революционной силе народных масс, о своей вражде с Жирондой. Оппортунист Дантон за свой страх и риск думал повести революцию к выгодному для буржуазии концу. Его намерения ясны из другой беседы, о которой сообщают нам историки. Беседа происходила, примерно, в это же время между Дантоном и герцогом Шартрским, будущим королем Луи-Филиппом. Герцог был назначен генералом революционной армии, но он не пожелал покинуть частей генерала Келлермана и явился в Париж просить о своем возвращении. Военный министр принял его сдержанно, но Дантон взял под свое покровительство молодого принца. Будущий "король буржуазии" пожаловался ему на сентябрьские дни. Дантон пытался разубедить его. Он добавил: "На вас глядят со всех сторон. Ваш отец, простой депутат, и не имеет того значения в Конвенте, какое имеет в армии. К вашим убеждениям не предъявляют никаких требований. Остерегайтесь высказывать свое мнение о других. Ограничьтесь своей профессией солдата и не вмешивайтесь в наши дела, в нашу политику. Это важно для вас, для всех ваших, это важно для вас и прежде всего для вашего отца". Об этой беседе много лет спустя рассказывал сам Луи-Филипп. Трудно проверить, что в ней соответствует действительности, но она могла происходить, она в духе политики Дантона, который в сентябре-октябре 1792 года вместе со всей буржуазией весьма неохотно принял республику, далеко не уверенный, что народ сохранит ее. Во всяком случае победа при Вальми и Жемаппе, победа революционной армии, уничтожившая угрозу иноземного вторжения, не была достаточной, чтобы вселить в Дантона, Впрочем, как и во всю либеральную буржуазию, надежду на незыблемость республики.

Вот почему в те же дни, когда происходила интимная беседа между ним и Ламетом, Дантон (23 октября) с трибуны Конвента присоединяется к предложению Бюзо о вечном изгнании эмигрантов из Франции. "Без сомнения, — гремел он на трибуне, — в то время как свобода в опасности, свобода жаждет крови тирании, но когда свобода переходит в наступление и угрожает врагам, необходимо, чтобы законы издавались хладнокровно, в полном спокойствии. Это возможно сделать, приняв закон в духе предложения Бюзо. Эмигранты осудили себя. Они сами себя изгнали. Великолепно! Объявим вечным это изгнание, на которое они себя осудили".

Для жирондистов двойственная политика Дантона была в свое время полезна, но теперь она их только раздражала. Они не могли забыть, что Дантон всего несколько недель тому назад посмел обратиться к Парижу со следующими словами: "Свергнутые нами правители Парижа хотели превратить столицу в город роскоши, богатства и наслаждений. Пусть же волей новых властей столица делается городом трудящихся, ульем всей Франции. В настоящий момент речь идет о простом перемещении: надо поднять вверх то, что было внизу. Прежде богачи преобладали в Париже, теперь место беднякам. Настал черед их владычества".

Слова эти звучали гордо, если даже за ними не было ничего, кроме демагогии. И когда 29 октября Ролан выступил в Конвенте с докладом, обвиняя Париж и Коммуну в мятеже и убийствах, жирондисты вспомнили призывы Дантона. Робеспьеру не давали говорить. Дантон потребовал слова. Он настаивал на своем праве дать объяснения от имени революционного народа. При бурных аплодисментах всего Конвента он требовал осуждения тех, кто мешает установлению единства. Как законченный оппортунист, он поспешил бросить своим оппонентам голову вождя революции — голову Марата. В эти месяцы он это делал неоднократно. "Я заявляю Конвенту и всей нации, что я отнюдь не люблю Марата. Я откровенно скажу, что испытал на себе его темперамент — он не только вспыльчив и брюзглив, но и неуживчив. После подобного признания да будет мне позволено сказать, что я стою вне всяких партий и заговоров". Что и говорить, Дантон, был "уживчивее" Марата, но это не помогло ему. Жиронда не пожелала доверить ему руководства революцией. Почему? Да все по той же причине. Ведь вот в речи 29 октября он снова убеждает Жиронду: "Никогда троны не рушились без того, чтобы под их обломками не было погребено несколько мирных граждан. Дантон все еще настаивал на том, что революция, или, как он говорил, "национальная лихорадка", может творить чудеса, достойные удивления потомства. На этой основе единства быть не могло.

В ноябре переговоры между Дантоном и Жирондой продолжались. В конце ноября, если верить Мишле, между ними состоялось совещание. Однажды ночью в загородном доме в четырех лье от Парижа собрались не только жирондисты: Верньо, Кондорсе, возможно, Бриссо, — готовые на соглашение с Дантоном, но и враждебные ему лица, друзья Ролана, Бюзо, Барбару и депутаты Бордо: молодые адвокаты Гаде, Дюко и Фонфред. Последние с особой решительностью возражали против всякого соглашения. Что произошло на совещании, мы не знаем, но история сохранила нам слова Дантона. Трибун умолял своих собеседников пойти на уступки, помириться с ним, и на гневную реплику Гаде ответил: "Гаде, Гаде, ты не прав, ты не умеешь прощать... Ты не умеешь приносить свою злобу в жертву отчизне... Ты упрям и ты погибнешь". Погибли не только жирондисты, погиб и Дантон, который думал, что стоит "над партиями".

Союз с жирондистами не мог быть достигнут даже такой ценой, как речь 30 ноября 1792 года, о которой мы упоминали выше. Дантон требовал в ней сохранения религии во имя закрепления социального неравенства. Уступки не могли помочь делу. На горизонте все явственнее вырастал вопрос о процессе короля. Приговора над ним ждали все. Патриоты возмущались попыткой сорвать или затянуть суд. Роялисты надеялись спасти короля, не щадя средств. "Партии спорят. Роялисты не щадят денег. Республиканцы грозят оружием. Эта борьба противоположных устремлений и усилий создает смуту. Богач-капиталист, учитывая обстоятельства, захватывает все в свои руки и усмехается, радуясь общему бедствию. Народ возмущается и грозит ему расправой". Смешно было думать, что в этих условиях жирондисты пойдут на уступки Дантону.

В декабре Дантон уехал на фронт. Здесь среди революционной армии, освободившей французскую территорию и ныне победоносно под звуки "Марсельезы" захватившей провинции европейских феодалов, он вновь почувствовал и понял, что народ и его энергия решают все. Для демократа-оппортуниста это имело решающее значение. Жирондистские краснобаи, готовые пожертвовать революцией во имя принципов буржуазного правопорядка, стали ему еще более чужды. Дантон держал теперь курс на своего союзника слева — на монтаньяров.

В январе 1793 года незадолго до окончательного решения вопроса о короле он вернулся в Париж. Наступил момент, о котором он в свое время предупредил Ламета — спасти короля стало невозможным. 16 января в Конвенте во время прений он потребовал быстрого решения. Он заявил, что если республика была создана простым большинством голосов, то казнь главы контрреволюции может быть решена так же просто. Впрочем, он тут же прибавил: "Мы выносим постановление как представители народа, призванные им временно для выражения его воли (Смех, ропот). Да, временно, так как власть принадлежит только народу". Удивительно, как этот темпераментный оратор умел говорить осторожно, всегда строя фразы с "двойным смыслом". Разве, говоря о временной власти, Дантон одновременно не льстил народу и не угрожал Конвенту?

При поименном голосовании Дантон, только недавно беседовавший с Ламетом, торжественно заявил: "Я не принадлежу к числу тех государственных людей, которые не понимают, что с тиранами не вступают в сделку, что королей надо поражать только в голову, если они не понимают, что европейских деспотов можно покорить только силой оружия. Я высказываюсь за смерть тирана".

"Государственными людьми" Дантон называл жирондистов. Он сводит с ними счеты, бросает им, как перчатку, голову короля. Проще звучали на этом заседании Конвента слова Марата: "Глубоко убежденный, что Людовик является главным виновником преступлений, вызвавших кровопролитие 10 августа, и всех зверских преступлений, осквернивших почву Франции с начала революции, я вотирую за казнь тирана в 24 часа". Армонвиль в это время посылал своим приятелям-ткачам в Реймс номера революционных газет с припиской: "Все готово к казни Луи Капета. Все секции собираются сегодня, 21, в 7 часов утра. Роялисты скрываются в погребах, а патриоты бегут к оружию, чтобы облегчить эту достойную казнь, которая покажет всем народам их права над королями, предавшими их в рабство". Через несколько часов после казни он посылает вдогонку второе письмо: "Луи казнен на площади Карусель. Да здравствует республика!" Армонвиль выражал мнение народа.

Покидая площадь после казни народ распевал Карманьолу.

Я санкюлот. Горжусь тем я.
На зло любимцам короля
Марсельский славлю батальон,
Бретонцев наших, наш закон.
Отпляшем Карманьолу!
Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем Карманьолу!
Славьте пушек гром!
Навек напомним наш народ,
Каков в предместьях санкюлот.
Чтоб наших молодцов почтить
За их здоровье будем пить.
Отпляшем Карманьолу!
Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем Карманьолу!
Славьте пушек гром!

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

YVE Liberta и Век Просвещения, 2009

Не успела окатиться с эшафота голова короля, как был убит роялистом депутат Конвента Лепелетье де Сен-Фаржо. Это был один из блестящих представителей Горы, выходец из аристократической среды, образованный и культурный, он присоединился к радикальной демократии и боролся в ее рядах за революционное обновление Франции. Его смерть была предупреждением для всех, кто вотировал казнь короля. Дантон понял цели роялистов. Он поспешил с трибуны Конвента разъяснить создавшуюся политическую ситуацию. "Жизнь Лепелетье была прекрасна. Его смерть послужит делу республики... Она показала Франции, что опасности среди нас подвергаются прежде всего те, кто отдает всего себя свободе". Дантон призвал депутатов Конвента к клятве не покидать своего поста до тех пор, пока народ не получит новую конституцию. "Я горжусь тем, что являюсь одним из тех граждан (он указал на скамьи Горы), которых клеветники всегда изображали как врагов всякого правительства. Но это ложь..."

Он вновь воспользовался своей речью для самозащиты, для нападения на Жиронду: "Я вас заклинаю, вас, Петион, и вас, Бриссо. Я заклинаю вас всех! Необходимо, наконец, вам выслушать меня. Необходимо, наконец, чтобы вы узнали меня!" Но жирондисты не хотели его слушать. Он посмел потребовать от Жиронды устранения Ролана. Они должны были пожертвовать Роланом, чтобы приобрести Дантона. Более того, он потребовал создания Комитета общественной безопасности, как органа революционной власти. Дантон потребовал продолжения революционной войны против тиранов всей Европы. Его речь обнаружила, однако, снова и снова, что примирение между этими двумя группами невозможно. Дантон вынужден был тогда сблизиться с Маратом и Робеспьером. Чтобы причины разрыва с жирондистами нам стали еще более очевидными, чтобы политика Дантона в дни его славы стала для нас еще более понятной, познакомимся с его деятельностью, связанной с войной.

Революция неизбежно привела Францию к военному столкновению с европейской коалицией феодальных держав. "Великие революции, — говорил Ленин, — даже когда они начинались мирно, как великая французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контрреволюционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классово-борьбы, а не того мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают меньшевики, эсеры, вся эта "демократия"***. Войны эти имеют решающее значение для судеб революции и, — как показал Энгельс, — всякое проникновение коалиционной армии во Францию вызывает гигантский подъем энергии, "вызывает преобладание блуждающего нерва, сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис". Наоборот, когда армия коалиции вынуждена была отступать, "получает преобладание симпатического нерва, сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, — вразумляют и умирляют"**. .

Не подлежит сомнению, что торжество революционных армий над врагами республики было тесно связано с успехами революции в области социально-политических преобразований. "Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, — писал Ленин, — переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные экономические условия, которые с "чудесной" быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу"***. Внутренние и внешние задачи французской революции были тесно связаны друг с другом.

Война началась весной 1792 года, — мы писали об этом, — против воли революционной демократии. Она должна была отвлечь народные массы от задач борьбы с внутренним врагом, но война вовлекла эти массы и повела их по пути гражданской войны. До сентября, в продолжение полугода, французская армия терпела поражение за поражением. Организованной военной силы революция не имела почти до конца 1793 года. Дисциплину и организацию в ряды революционной армии внесли не генералы, а вожди народа, диктатура и террор, диктатура революционных низов. В сентябре, когда республика почувствовала себя более прочной, ее армии перешли в наступление. Территория Франции была очищена от врагов, санкюлоты заняли Бельгию, Савойю, Ниццу, ряд мелких княжеств на левом берегу Рейна. Победы республиканцев вызваны были, между прочим, белым террором феодальных войск. Даже Ферзен, возлюбленный королевы Марии-Антуанетты, один из вождей контрреволюции, вынужден был признать: "Наши войска совершали ужасы, грабили и разоряли все в Трирской области... Глупы они невероятно. Речи ведут жестокие. Если отдать в их распоряжение французских сограждан, вся Франция будет превращена ими в чудовищное кладбище". Не приходится удивляться, что в октябре перелом на фронте был решен, революционная армия начала свои завоевательные походы.

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 358.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 162.

*** В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 195.

Так продолжалось до февраля 1793 года, когда классовая политика французской буржуазии, ее представители жирондисты сорвали победу. Революционные армии откатились к границам. Предательство генерала Дюмурье повлекло за собой угрозу вражеского нашествия: отечество и революция опять оказались в опасности. В марте-апреле 1793 года Франция вновь переживала события, предшествовавшие революции 10 августа. Речь шла теперь не о короле, а о борьбе с представителями торгово-промышленной буржуазии. На очереди было выступление плебейских масс; для спасения революции на фронтах необходимо было покончить с властью Жиронды. Назревала новая революция. Она разразилась в конце мая — 31 мая—2 июня.

Не подлежит сомнению, что во всех этих перипетиях борьбы Дантон принимал активное участие. Не он, конечно, решал ход и исход событий, но политика дантонистов и Болота имела в это время огромное значение. Для Дантона, как и для Жиронды, война должна была отвлечь народные массы от борьбы с внутренним врагом. Но чтобы выиграть войну, необходимо было Дантону в отличие от Жиронды привлечь на свою сторону народные массы любой ценой, а в случае необходимости воспользоваться даже лозунгами социальной демагогии. Обе враждующие стороны на словах пропагандировали революционные завоевания Европы, но в то же время мечтали о реальных территориальных приобретениях, о борьбе "с наследственными врагами" — Австрией и Англией. Обе стороны доверяли генералитету и пытались приобрести поддержку главнокомандующего армией Дюмурье, старого вояки, близкого к королевской камарилье. Но исход событий решало в конечном счете не поведение Дантона или Бриссо, а революционное движение народных низов.

Когда в декабре 1791 года в якобинском клубе живо обсуждался вопрос о войне, Дантон держался в стороне от событий. Трудно учесть, был ли он в это время с Бриссо или с Робеспьером. 14 декабря он утверждал с трибуны якобинского клуба, что война несет за собой опасности, он грозил, что раскроет заговор европейской коалиции. 16 декабря он перед якобинцами хвалил Бриссо, этого "атлета свободы, человека, от которого мы ждем больших услуг отечеству, и который, конечно, не обманет наших ожиданий". Он выражается осторожно, не за и не против войны. "Если вопрос состоит в том, чтобы окончательно знать, будет ли война, я отвечу: да, фанфары войны протрубят... Я не выступаю против решительности, но, господа, вопрос в том, когда будет война? Не после ли того, как мы внимательно познакомимся с ситуацией и все взвесим, не после ли того, как мы установим все намерения исполнительной власти, которая нам предложит войну?" Все это было неясно и неопределенно. До того неопределенно, что спустя три года во время суда над Дантоном Робеспьер в своих заметках утверждал, что вначале Дантон был на стороне Бриссо и лишь позже под давлением народа, боясь лишиться популярности, присоединился к патриотам. Робеспьер вспоминал, что как раз в это время, еще не выступив с окончательным суждением, Дантон говорил своим друзьям: "Что ж, если Робеспьер хочет себя погубить, пусть губит, мы не разделим с ним его судьбы".

Вопрос войны и мира был решен. Война началась. Накануне ее объявления, в марте 1792 года, группа жирондистов, в том числе Дюмурье должны были быть призваны к исполнению министерских обязанностей. Если верить некоторым документам, Дюмурье попытался уже в это время привлечь в правительство Дантона.

Наступили тяжелые недели августа-сентября 1792 года, когда добровольцы революционной армии терпели поражение за поражением. Мы знаем ту огромную роль, какую сыграл Дантон в эти недели при организации революционных сил в обороне отечества. Отметим, однако, что Исполнительный совет, в котором Дантон был не только министром юстиции, но одновременно министром военных и иностранных дел, стремился к ограничению войны, к тому, чтобы путем дипломатических сношений добиться распада европейской коалиции и прежде всего облегчить нейтралитет Англии. В этой политике не было расхождений между Дантоном, Дюмурье и жирондистами. Европейские государства в конце концов мало интересовались судьбой Людовика XVI. Они хотели уничтожить революцию, разделив между собой французскую территорию, но они не забывали и о других целях своей политики — о разделе Польши. Какая добыча с большой легкостью попадет им в руки, это могло решить время, но это положение помогло дипломатам революции расстроить единство коалиции. Австрия ненавидела Пруссию; обе опасались России. Выступив в поход против революции, "союзники" не были солидарны ни относительно целей, ни относительно методов войны. В этих условиях поражение пруссаков 20 сентября при Вальми было неизбежным. Это была небольшая стычка, но она имела огромное значение. Гете, присутствовавший при битве, сказал своим друзьям: "С этого дня и на этом месте начинается новая эпоха в истории мира. Вы сможете оказать: и я там был".

Дюмурье воспользовался своей победой, чтобы с согласия Дантона спустя несколько дней после Вальми начать переговоры с пруссаками. Он угрожал врагам и в то же время закидывал удочку дипломатических переговоров. Для этого был уполномочен рубака Вестерман, человек весьма подозрительного прошлого, но служивший агентом у Дантона и Дюмурье. Переговоры завязались. Дюмурье допустил в своих расчетах только одну ошибку. Он не учел, что революционная война мало напоминает войну старого порядка. "В XVIII веке, по словам Сореля, военные считали войну чем-то средним между дуэлью и партией в шахматы". Дюмурье, подобно Дантону, не столько надеялся на успехи революционного оружия, сколько на удачу дипломатических переговоров. Когда он узнал, что прусский король терпит недостаток в сахаре и кофе, он посылает ему 27 сентября то и другое в сопровождении докладной записки, убеждая короля отказаться от союза с Австрией. Вместо того, чтобы преследовать противника и добить его, он вступает с ним в переговоры. Дантон по существу был согласен с тактикой Дюмурье. Когда в конце сентября он узнал о разногласиях между Дюмурье и генералом Келлерманом, он посылает своего друга Фабр Д'Эглантина, чтобы примирить генералов и "польстить" самолюбию Дюмурье. Он обещает Дюмурье назначить его генералиссимусом, а Келлермана — маршалом. Все это в награду не только за военные победы, но и за дипломатические успехи. Эти "мудрые" буржуазные политики настолько обманывали себя, что с восторгом читали сообщения Вестермана: "Я был в прусском лагере и обедал с прусским королем. Я сделал более, чем кто-либо ожидал от меня. В настоящее время я всемогущ. Все идет хорошо, пруссаки покидают австрийцев, все их армии разбиты. Республика утвердится, несмотря ни на что", 3 октября Вестерман явился в Париж доложить о своих успехах Исполнительному совету. Но дипломатические иллюзии принесли выгоду только пруссакам. Республиканские армии теряли время на переговоры, отступление пруссаков неуклонно продолжалось. Разложение началось в рядах не одной только прусской армии. Среди австрийских солдат число сочувствующих революции росло. 23 октября 1793 года три пушечных салюта в Лонгви возвестили очищение французской территории от врага. Генерал Кюстин захватил Майнц, французская армия вступила на левый берег Рейна. Но основные силы европейской коалиции спаслись, выжидая новой возможности для нападения на революцию. Параллельно переговорам с пруссаками Дантон вел переговоры с англичанами через своих агентов, аббата Нозля и Талона. Несмотря на все усилия Матьеза осветить эту секретную страницу истории внешней политики революции, многое остается неясным. Не подлежит сомнению, что Дантон инспирировал действия своих агентов; они выполняли его директивы: "В переговорах с державами нужно пользоваться предложениями, тайной и деньгами". Этой политике Дантона должен был содействовать Талейран и такой во всех отношениях подозрительный персонаж, как Талон, бывший одновременно агентом революции и доверенным лицом белой эмиграции.

Из записок, оставленных агентом Питта, Вильямом Майльзом, мы узнаем содержание переговоров. Речь шла о том, что Исполнительный совет выражал готовность купить мир с Англией, отказавшись от суда над Людовиком XVI и пожертвовав островом Табаго. Трудно сказать, был ли здесь назван Дантон. Майльз не упоминает его имени, но Нозль ставит Дантона в известность о всех деталях своей миссии. Переговоры вскоре прервались, потому что английское правительство не желало, чтобы кто-либо подозревал его в поддержке королевской власти во Франции.

Об этих переговорах народу ничего не сообщали. О них подозревал Марат, протестовавший в своей газете против попыток победоносной армии вступать в соглашения с недобитым врагом. Взгляды Марата и в этом случае соответствовали взглядам и настроениям революционных масс. Дантон не мог не учитывать этих настроений, и, когда жирондист Луве предложил 28 сентября с трибуны Конвента издать прокламацию, в которой всем европейским народам было бы объявлено о войне с деспотизмом, о том, что республиканские войска не посягают на суверенитет нации, Дантон со свойственной ему решимостью провозгласил: "Хотя я принципиально разделяю то мнение, что всякий народ имеет право избирать соответствующее его желанию правительство, но я не согласен с выводами, сделанными одним из предыдущих ораторов. Я заявляю, что мы имеем право открыто сказать народам — у вас не будет больше королей (Ропот среди депутатов). Французы не потерпят, чтобы народы, жаждущие свободы, имели правителей, которые не являются выразителями их интересов, и чтобы эти народы, воздвигая у себя троны, непрерывно поставляли нам новых тиранов, на борьбу с которыми мы должны будем расточать свои силы (Ропот усиливается). Посылая нас сюда, французский народ создал великий комитет всеобщего восстания против всех тиранов мира (Аплодисменты на трибунах)... Я предлагаю, чтобы Конвент, призывая народы к завоеванию свободы, указал им все средства для уничтожения тирании во всех ее формах и проявлениях".

Что заставило Дантона провозгласить и пропагандировать революционную войну? Не подлежит сомнению: успехи республиканских армий. В то время, как жирондисты, когда-то мечтавшие о завоевательной войне, колеблются, опасаются, что торжество революции вне Франции приведет к победе революционного народа внутри страны, в то время, как жирондисты готовы оказать поддержку буржуазии завоеванных стран, чтобы тем самым укрепить свои позиции внутри Франции и сокрушить сопротивление предместий, Дантон пользуется победами революции, чтобы провозгласить программу революционных завоеваний и тем самым возглавить власть победивших народных масс.

Его речь, произнесенная 17 октября в связи с вопросом о войне с Испанией, звучит вполне определенно: "Нам незачем ожидать, чтобы враги захватили нашу территорию. Мы прекрасно понимаем, что означает предупредить их. Примем меры, чтобы войну вести у них, на их территории и за их счет".

Для этой войны он мобилизует революционную энергию граждан-добровольцев, которые теперь хотят покинуть знамена и вернуться к себе домой, он убеждает их отказаться от своих намерений; армия должна быть укреплена, чтобы от обороны перейти к нападению. В этом смысл его замечательного ответа савойским республиканцам в клубе якобинцев 28 октября Эро де Сешель сообщил клубу, что 300 савойцев провозгласили тост в честь всемирной республики; они требуют братского единства Франции и Савойи. Дантон, председательствующий на собрании, ответил им: "Необходимо, чтобы оба народа слились воедино. Если мы рассмотрим естественные границы наших стран с точки зрения политической, то мы убедимся в необходимости согласования наших интересов. Тогда-то мы отпразднуем великое торжество объединения, столь желанного для нас всех. Савойцы, вы поклялись навсегда отречься от вашего короля. Сдержите это слово, а мы сдержим свое".

Эта речь была встречена в клубе с энтузиазмом. Ровно через месяц — 27 ноября — в Конвенте решено было присоединить Савойю к Франции. Дантон в ответ на реплику одного из депутатов: "Никаких завоеваний" — решительно возразил: "Это завоевание разума". Намерения его внешней политики не подлежали сомнению. В этой области он не защищал принципов, отличных от принципов своей внутренней политики. Мотивы, которые диктовали Дантону в январе настаивать на казни короля, толкали его на решительную поддержку программы революционно-завоевательной войны. Когда 16 января 1793 года жирондист Верньо объявил о получении депеши испанского правительства и письмах защитников короля, Дантон прервал речь Гаран де Кулона и стремительно бросился к трибуне: "Я заметил, что в момент, когда началось поименное голосование..." — начал он свою речь по поводу прочитанного председателем Верньо письма защитника Людовика, но жирондист Луве его прервал: "Ты еще не король, Дантон (Сильный ропот). Почему такая привилегия?" — Дантон продолжает: "Я требую, чтобы этот наглец, смеющийся утверждать, что я еще не король, был призван к порядку и исключен временно из Конвента". Он добился, чтобы Конвент обсудил депешу испанского правительства; Людовик подождет. "Что же касается Испании, то, признаюсь, я удивлен дерзости правительства, позволяющего себе попытку оказать давление на ваше решение. Если бы все были одного мнения со мной, мы голосовали бы за объявление войны Испании. Как, они не признают нашей республики, хотят диктовать ей законы, с ней не считаются!.. Пусть Конвент скажет, что победители при Жемаппе не унижат завоеванной славы и найдут в себе достаточно силы не только победить, но и стереть с лица земли всех королей Европы, вступающих в заговор против нас". Отрицая какое-либо соглашение с европейскими тиранами, мог ли Дантон в таком случае добиваться соглашения с Людовиком XVI?

Успехи революционных войск заставили не одного только Дантона увлечься завоевательной программой. Конвент в целом примкнул к победоносному походу. 19 ноября после оживленной дискуссии Национальный конвент объявил о своей готовности оказать братскую помощь всем народам, которые пожелают возратить себе свободу. Командиры французской армии должны были оказать посильную помощь патриотам завоеванных земель. Пока это была только декларация, спустя месяц, 16 декабря 1792 года, декрет Конвента от имени французского народа объявлял "отмену существующих налогов и податей десятины, феодальных прав, постоянных и единовременных реальных и личных повинностей, исключительных прав охоты дворянства и всех вообще привилегий". Конвент торжественно объявлял народам, "что несет мир, помощь, братство, свободу и равенство". Но декларация эта не была бескорыстной. 7-й пункт декрета 16 декабря 1792 года предлагал национальным комиссарам договориться с местными избранными властями "относительно мер, необходимых для обороны и для обеспечения обмундированием и продовольствием войск республики, для покрытия расходов, которые вызваны или будут вызваны проживанием на данной территории".

1 декабря Дантон и Делакруа выехали на фронт. В Бельгии они встретили комиссаров Конвента и вместе с ними приступили к внимательному изучению создавшейся ситуации. Речь шла о проведении практических мероприятий для осуществления программы Конвента, сформулированной позже декретом от 16 декабря. "В Европе не будет больше ни крепостей, ни границ, ни чужих народов".

Дантон лопал с первых же дней в исключительно благоприятную обстановку. Окруженный любовью и вниманием, он постоянно видит знаки восторга освобожденных граждан. Энтузиазм революционных войск, победа республики кажется прочной и непоколебимой. Об этом свидетельствует его переписка с женой. Он пишет ей в эти дни: "Курьер, передавший мне твои строки, моя милая Габриэль, тотчас уезжает, и я спешу передать ему несколько слов... Какое счастье я испытал, получив твое письмо... Не забудь позаботиться о посаженных мною деревьях в Арси".

В том же письме приписка к сыну: "Тысячу раз целую моего маленького Дантона. Передай ему, что его отец попытается не быть долго адда-адда (в отсутствии)". Он был теперь вполне почтенным буржуа. Его маленькое имение разрослось. Пять раз в продолжение августа, октября и ноября и три раза в декабре 1792 года он заключал у нотариуса договоры на приобретение земли и леса, округляя свое имение. Что ж удивительного, если в сентябре он убеждал Конвент в необходимости сохранения "на вечные времена" частной собственности? Конвент уничтожил слова: "на вечные времена".

В Бельгии Дантон чувствовал себя хозяином. Он смотрел на завоеванные земли как на большое имение Республики. Аппетит приходит вместе с едой. Дантон считал необходимым расширить программу революционных завоеваний. Для него торжество армий было наилучшим разрешением всех внутренних проблем революции, тем более, что переговоры дипломатии с представителями враждебных сил контрреволюции не давали положительных результатов. Жиронда, в свое время провозгласившая программу революционных завоеваний, была напугана якобинской политикой в приобретенных Землях, политикой, направленной против богачей.

Дантон вернулся в Париж и 21 января 1793 года выступил с речью о программе революционной войны. Для этого он воспользовался смертью Лепелетье, как мы уже упоминали выше. "Будем воевать с Европой, — говорил он, — но оставим наши взаимные распри... Недостаточно отсечь голову тирану. Настало время направить все наши мысли, всю нашу энергию на дело войны... Итак, подымитесь сами на высоту, которой требует революция, и подымите весь народ на высоту, на которой ему подобает стоять. Реорганизируйте ваши армии, внесите порядок в финансы; прежде чем создать конституцию, необходимы средства для победы над врагом. Нация существует, если она умеет одерживать победы, подобные тем, которые выпали на нашу долю, в нашу последнюю кампанию".

Спустя 10 дней, 31 января, после того, как Конвент по предложению Камбона решил присоединить к Франции Ниццу, Дантон поспешил опередить Жиронду и потребовал издания подобного же декрета о бельгийских провинциях. Он говорил не только от своего имени, но и от имени бельгийских патриотов и комиссаров Конвента: "Я не рассчитываю на ваш энтузиазм, но исключительно на ваш разум, на желание соблюсти интересы молодой Республики". Дать свободу народу, по мнению Дантона, значит и в дальнейшем оказывать ему поддержку — поддержку, которую он понимал в виде протектората. Затем следовала знаменитая тирада, излагавшая программу французских националистов и империалистов вплоть до наших дней: "Я утверждаю, что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения Республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничим ее со всех четырех сторон горизонта: со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей Республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила не помешает нам достигнуть этого". Он, впрочем, добавил то, на что, конечно, не способны националисты послереволюционной эпохи. Он сказал: "Вам угрожают короли, вы объявили им войну, вы бросили им перчатку, и той перчаткой была голова тирана" (Общий смех).

Дантон напоминал Конвенту, что Англия угрожает войной, что, следовательно, Республика должна спешить с наступлением... Тем более, что бедняки и земледельцы Бельгии хотят присоединения к Франции. Дантон сослался на свои личные наблюдения в Намюре. Результат отмены феодальных прав и податей, сообщение о всеобщем избирательном праве, все это вызвало энтузиазм местного населения. Разве можно в таком случае сомневаться, что бельгийцы созрели для свободы? "Пусть присоединение Льежа станет фактом", — так закончил он свою речь.

1 февраля Конвент объявил войну Англии и Голландии. Вместе с тем в феврале и марте совершенно неожиданно для победителей революционная армия начала терпеть поражение за поражением. Французы вынуждены были покинуть Бельгию, а вслед за этим и левый берег Рейна. Чем же объяснить этот перелом? Он будет понятен, если мы вспомним, что живая сила европейских феодальных армий не была уничтожена благодаря дипломатическим переговорам Дюмуре и Дантона в октябре 1792 года. Но были причины и более существенные. Революционная фразеология французских буржуа-победителей скрывала за собою корыстные классовые цели. Инструкция Исполнительного совета комиссарам бельгийских провинций в январе 1793 года, в день, когда Дантон провозгласил программу завоевания естественных границ, разъясняла, что присоединение Бельгии должно увеличить население Франции на 3 миллиона человек, повысить металлическое обеспечение бумажных денег на 1 миллиард ливров, благодаря продаже национальных земель увеличить доходы Франции до 40 миллиардов ливров и усилить вооруженную силу французской армии. Эта инструкция вскрыла тайные намерения французской буржуазной политики.

Бельгия была потеряна еще и потому, что местная буржуазия отнюдь не хотела быть жертвой своих французских собратьев по классу, а ее плебейские массы еще не были втянуты в борьбу со своей национальной буржуазной аристократией. Не удивительно, что начатая при этих условиях в сентябре 1792 года победоносная война окончилась катастрофой в феврале и марте 1793 года. В половине марта Конвенту пришлось объявить вновь революцию и отечество в опасности.

В эти же дни революцию постиг новый удар — измена Дюмуре. Военный авантюрист решил теперь сыграть в открытую. Пользуясь своим авторитетом, он заключил союз с врагами революции — австрийцами. Он решил повести армию на Париж, уничтожить Республику и восстановить конституционную монархию. Свою программу он формулировал так: "Я хотел вторгнуться в Голландию. Там я располагал бы необходимыми средствами. Обладая Голландией, где я, пожалуй, позволил бы грабеж, я отобрал бы республиканские войска, на которые мог бы положиться, и распределил бы их среди пехотных линейных войск, в которых я чувствовал недостаток. С этой грозной армией я вступил бы в Бельгию. Освободил бы ее вторично от ее новых тиранов — членов Конвента. Бельгийцы доставили бы мне новые приращения, доставили бы мне новые силы. С ними я атаковал бы австрийцев, заставив их отступить в Германию, а затем во главе многочисленной непобедимой армии вошел бы во Францию с конституцией в руках, уничтожил бы республику, истребил бы ее сторонников, восстановил бы законы короля в моем отечестве и продиктовал бы затем мир в Европе".

Знал ли Дантон об изменнических намерениях Дюмуре? Вряд ли! Но в основном вопросе, в вопросе о захвате Голландии для войны с Англией, они были, безусловно, солидарны.

8 марта Дантон с трибуны Конвента обратился к Франции: "Если вы не поспешите на помощь вашим братьям в Бельгии, если Дюмуре будет окружен в Голландии, если он вынужден будет сложить оружие, кто сможет предвидеть размеры бедствий?" Он требовал снова, чтобы Париж сыграл ту роль, которая выпала на его долю в августе и сентябре прошлого года. Для победоносной войны необходим революционный Энтузиазм. Конвент назначит новых комиссаров, которые отправятся в секции Парижа, призовут граждан к войне, вооружат их и направят на защиту Бельгии. Дантон напомнил Конвенту, что было обещано еще 1 февраля доставить Бельгии 30 тысяч солдат; до сих пор это не сделано. Он все еще настаивает на том, что военный гений Дюмуре спасет Республику. "Дюмуре соединяет гений генерала с искусством увлечь армию. Мы слышали, как армия приветствовала его восторженными криками. История будет судить о его талантах, о его страстях и пороках. Но что не подлежит сомнению, Это то, что он заинтересован в процветании республики". Это было сказано буквально за несколько дней до открытой измены генерала. На кого надеется Дантон для осуществления своей программы внешней политики? Конечно, не только на шпагу генерала. Дюмуре готовит себе поддержку контрреволюционных сил. Дантон обращается за помощью к народным массам — парижским предместьям. От слов надо переходить к делу. Дантон требует действий. "Пусть ваши комиссары отправятся в путь немедленно, в эту же ночь. Пусть они скажут этому подлому классу, пусть скажут богачам: ваши богатства должны пойти на пользу отечества, как идет наш труд. У народа есть только кровь. Он ее расточает. А вы, жалкие трусы, жертвуйте вашими богатствами. (Бурные аплодисменты со всех сторон). Подумайте, граждане, о блестящей судьбе, ожидающей вас. Как! Целый народ вам служит рычагом, разум и свобода точкою опоры, а вы не сможете перевернуть весь мир?" Энергия решает дело. Дантон призывает французов обнаружить характер и выдержку. Под шумные аплодисменты трибун он требует от Жиронды прекращения споров. Он объявляет о своей готовности пойти на любую жертву: "Я согласился прослыть кровопийцей... Будем пить, если нужно, кровь врагов человечества, чтобы Европа наконец стала свободной". Эта безвкусная фраза производит, однако, сильное впечатление в эти грозные дни, когда республике угрожает потеря всего завоеванного ею за последние месяцы.

Впрочем, все это — демагогия. Наряду с ней Дантон не забывает напомнить массам: "Национальный долг будет покрыт за счет врагов народа. Восстановится равновесие между ценой товаров и стоимостью денег, тогда народ по крайней мере сможет воспользоваться плодами свободы". Иначе говоря, для решения экономических вопросов, уменьшения дороговизны во Франции воспользуемся богатствами завоеванных народов и контрреволюционеров. И тогда отечество будет спасено. Нужно двинуть в бой всю Францию, а для этого: "Исполните веления судьбы. Прочь все мелкие страсти и распри. Вперед пойдем за волной свободы".

Несмотря на то, что для левых якобинцев и прежде всего для Марата была очевидным фактом измена Дюмурье, Дантон все еще продолжает его защищать, подготавливая в то же время народные массы для осуществления своей программы — войны с Англией, программы, в которой разочаровался сам Дюмурье, решив перейти на сторону врагов революции. Ошибка Дантона будет ему дорого стоить. Жирондисты видят его стремление вновь возглавить народные низы, вновь повторить сентябрьские дни, вновь отстранить их от руководства событиями. Они будут обвинять его в соучастии, в содействии предательству Дюмурье, чтобы тем самым отвлечь внимание масс от своей прямой связи с изменником-генералом. Жирондисты симпатизируют программе Дюмурье, но они страшатся прибегнуть к измене, страшатся потому, что знают и видят, как Париж в любую минуту готов двинуть на Конвент свои предместья. Они ненавидят эти предместья. Они ненавидят Дантона за то, что он готов стать "кровопийцей" в интересах этих предместий.

В это время Париж переживал канун новой революции. Еще с конца прошлого года экономическая разруха достигла огромных размеров. Голод и дороговизна вызвали отчаяние трудящихся масс; в январе в парижских секциях, среди голодных ремесленников и бедноты, начал свою агитацию поп-расстрига Жак Ру. Началась агитация "бешеных", считавших, что вопросы конституции ничто в сравнении с вопросом о хлебе. Хлеб дорог, заработная плата низка, крестьяне все еще не добились отмены феодальных повинностей; национальные земли все еще попадают в руки богачей; на окраинах Франции, в Вандее, крестьянство мстит буржуазной республике тем, что присоединяется к роялистам. Контрреволюционное восстание в Вандее захватывает один район за другим. Оно смыкается с контрреволюционными армиями феодальной коалиции. Республика в опасности! Неужели народные массы будут терпеть своекорыстную политику буржуазных республиканцев?

25 февраля 1793 года Марат опубликовал статью, послужившую призывом для предместий: "Бесспорно, что капиталисты, спекулянты, монополисты, продавцы предметов роскоши, пособники крючкотворства, судейские крючки, бывшие аристократы, — все они, за небольшим исключением, приспешники старого порядка, они, глядите, раскаиваются теперь в злоупотреблениях, которыми воспользовались для собственного обогащения за счет государства. Но смешно думать, что они хотят установления царства свободы и равенства".

Марат предлагает конкретные меры: "Я не знаю никакого другого выхода, соответствующего нашей слабой силе, кроме решения дать теперешнему комитету общественной безопасности, составленному целиком из добрых патриотов, полномочия для розыска главных перекупщиков и предания их, как изменников родины, суду Революционного трибунала, составленного из пяти самых неподкупных и строгих членов... Проявим немного терпения, и народ поймет, наконец, ту великую истину, что он должен всегда сам спасать себя. Негодяи, стремящиеся снова надеть на него цепи своим выступлением 2—4 сентября от кучки изменников, пусть трепещут в ожидании того, что их самих причислят к гнилым членам нации и признают необходимым отсечь от политического тела".

Под влиянием этих призывов Париж заволновался. Снова звуки набата несутся над столицей. Демократические секции собираются в поход, теперь уже против Конвента. Собрание обмануло доверие народа. Оно не стало уже тем органом революционной власти, каким надеялся видеть его народ в сентябре 1792 года.

9 марта санкюлоты идут к Конвенту, грозно распевая:

Вперед, за нашу свободу.

За наши права — смелей.

В ответ на угрозы народу

Мы свергнем всех королей.

Свобода, Свобода! Какое прекрасное слово!

Трепещите, тираны! Расплата ждет.

Лучше смерть, чем ваши оковы.

Так хочет французский народ!

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Дантон вновь стремится овладеть событиями и возглавить движение предместий. 10 марта он на трибуне Конвента. Депутаты воздерживаются от решительных мер, они готовы разойтись по домам: "Закройте заседание, уже 10 часов". Но Дантон вскочил на трибуну: "Я предлагаю всем честным гражданам не покидать своих мест". Все присутствующие остаются на местах. "Враги свободы переходят в наступление. Всюду разбитые, они ведут подпольную работу. Видя честного гражданина, занятого у своего очага, ремесленника, занятого в своей мастерской, они имеют глупость верить, что с ними большинство. Хорошо же, вырвите их самих из рук народной мести — этого требует гуманность..." (Голос: " Сентябрь").

Грозная тень народного восстания испугала буржуа, но не смутила Дантона. "Да, сентябрь, если Конвент не использует ошибки своих предшественников! Будем страшными, чтобы избавить народ от необходимости быть страшным. Организуем трибунал, не как благо,— это невозможно,— но как наименее возможное зло. И пусть враги знают, что меч народа неотвратимо обрушится на всех его врагов". Чтобы спасти Францию и избежать революции или во всяком случае воспользоваться ею, нужно взять на себя руководство восстанием. Революционная власть должна быть передана в мудрые и сильные руки. Нужно действовать так, как того требует революция: быстро и решительно. Жирондисты в ужасе от этого предложения. Им мерещится диктатура. Они кричат Дантону: "Ты действуешь как король" Он отвечает им: "А вы рассуждаете как трусы". Дантон заставляет мирных депутатов Конвента проголосовать за организацию трибунала. Во имя чего? Дантон снова и снова настаивает: "Надо оккупировать Голландию и освободить Бельгию. Надо сокрушить мощь Англии".

Он хочет навязать революционному народу свою программу, но народ не только навязет ему свою, он сделает с ним то, чего не смогла сделать Жиронда. Впрочем, для этого должно пройти много месяцев — целый год — огромная революционная эпоха. Повторяем, мы не знаем, имел ли Дантон прямое отношение к движению 9 марта. 15 апреля 1794 года фабрикант Артур утверждал в якобинском клубе, что Дантон сказал парижскому мэру: "Необходимо восстание. В моем распоряжении есть деньги. Если необходимо — я их предоставлю. Пусть народ двинется к Конвенту и очистит его". Артур утверждал, что Дантон хотел тем самым предоставить Дюмурье повод для выступления против Парижа. Нам кажется, что объяснение поведения Дантона Артуром, поддержанное обвинителем Матъезом, не учитывает как раз того обстоятельства, что для Дантона в это время очевидно было, что осуществление его программы требует не поражения парижских предместий, чего, безусловно, хотел Дюмурье, но их победы.

Дантон хотел, чтобы повстанцы изгнали из Конвента не якобинцев, а жирондистов. Разве Дюмурье не имел прежде всего в виду необходимость изгнания из Конвента революционеров, целиком надеясь на поддержку Жиронды? Не подлежит сомнению: цели генерала-бунтовщика и Дантона в это время разошлись. Однако мудрый "политик" снова оказался битым, когда речь зашла о том, чтобы за спиной народа завязать узлы политических комбинаций.

12 марта Дюмурье обратился с письмом к Конвенту, в котором он объявил войну революционному собранию. Письмо было готово к отправке, когда к генералу явились комиссары. Но они убеждали его напрасно. Он решил перейти в наступление. 15 марта постановлено было, что Дантон и Делакура отправятся в Бельгию с миссией к генералу. Они должны были добиться от него подчинения. Конвент все еще считал, что следует сохранить Дюмурье. В ночь с 20 на 21 марта Дантон добился от Дюмурье, что он написал несколько осторожных строк председателю Конвента с просьбой ожидать его объяснений. Дантон с этой запиской отправился в Париж. 27 марта он в Конвенте дал отчет о своей поездке. В Париж Дантон приехал 26 марта вечером. Где был он в продолжение предшествующих дней? До Парижа можно было добраться в два дня. Делакура оставался в ставке у Дюмурье. Матъез высказывает подозрение, что он в эти дни тайно обсуждал с Дюмурье вопрос о наступлении на Париж. Доказательства его не отличаются достоверностью. Не подлежит, однако, сомнению, и это нужно считать доказанным, что Дантон старался до последней крайности оттянуть вопрос от объявления Дюмурье изменником.

27 числа в Конвенте он говорит не о Дюмурье, а о задачах грядущей революции. "Конвент есть орган революционный, он должен отвечать духу народа. Настало время объявить войну нашим внутренним врагам". Революционный трибунал все еще не был организован. Дантон обращает на это внимание патриотов: "Помните, что революция может быть совершена только самим народом. Он — орудие революции.

А вы призваны руководить этим орудием... Революции разжигают все страсти. Великий народ революции подобен металлу, кипящему в горниле. Статуя свободы еще не отлита. Металл еще только плавится. Если вы не умеете обращаться с плавильной печью — вы все погибнете в пламени". Это были прекрасные слова. Даже у Дантона — мастера подобных ораторских выступлений — слова эти изумительны. Он требует от Конвента вооружения народа за счет богачей, объявления войны аристократам. "Покажите себя беспощадными, покажите себя революционерами, как сам народ. И вы спасете его".

Только таким путем можно будет одержать победу над врагами, вновь наступающими на республику. Братство французских городов с Парижем — этим сердцем и мозгом революции — предпосылка побед. Жирондисты этого не понимают. Они готовы пожертвовать Парижем, но лавина свободы — Гора — растет, она "обрушится с грохотом на заговорщиков, жаждущих тирании и порабощения". Доведя энтузиазм до точки кипения, Дантон осторожно напоминает Конвенту о Дюмуре, о генерале, который вначале пользовался большой популярностью, а потом пришел к печальному концу. Его погубили, вооружили против народа. Но он спешит мимо этого факта; он напоминает о нем мельком. Ударение он делает на другом. Ролан писал Дюмуре, что необходимо уничтожить "парижскую партию". Жиронда и Дюмуре — один лагерь. Это означало, что Дантон решительно порывает свои связи с генералом, это означало, что он понял свою ошибку, быстро оценил все последствия своей ложной политики, ставки на Дюмуре и на ходу менял свою тактику.

Кто спасет Дантона? Не Дюмуре, конечно, у которого все было готово для перехода на сторону австрийцев. Но и не жирондисты, эти жертвы собственных буржуазных принципов, своего легкомысленного красноречия. Дантон советует Конвенту, советует себе: "Нужно, чтобы вы стали близкими народу". Это якорь спасения: "Если мы ближе подойдем к нему, если мы примем участие в народных обществах, невзирая на то, что там можно встретить много недочетов (что делать! Нет совершенства на земле), то верьте: в результате получится такое сочетание сил, действий и взаимной помощи в борьбе с врагом, которое обеспечит нации новые триумфы и новые успехи".

Бурные аплодисменты послужили наградой Дантону за его удачную попытку вернуться к народным массам — в этом якорь спасения революции. Гениальный оппортунист вновь торжествовал свою победу, но победу временную. Час революционной расплаты был близок.

Личная жизнь Дантона в эти дни складывалась печально. 10 февраля умерла его жена, 12-го он похоронил ее. Говорят, через несколько дней он выкопал ее тело, чтобы горько оплакать свою потерю. Но через четыре месяца он купил дачу на склоне Севрского холма, обмеллировал ее и так как "невероятно страдал от одиночества" и "нуждался в женщине", по словам биографов, — то он поспешил жениться на молодой 16-летней Луизе — дочери эскутера, который, благодаря протекции Дантона, получил весьма выгодное место в морском министерстве. Но Луиза и ее семья — люди религиозные. Они требуют от Дантона — трибуна революции, — чтобы он совершил брак по католическому обряду. Он соглашается. "Молодые" обвенчались на квартире у священника, не присягнувшего конституции, одного из тех, кто согласно декретам считался вне закона. При заключении брачного контракта Дантон внес 30 тысяч франков и, говорят, сделал жене свадебный подарок: кошелек с 50 луидорами.

Этот факт бросает своеобразный свет на фигуру буржуазного революционера, заботящегося в эти бурные революционные дни об укреплении своего собственного материального благополучия.

Но это не все. Дантона и Делакура современники, и в дальнейшем историки, обвиняли в хищениях в Бельгии. Во время своей вторичной миссии они отправили на адрес Дантона два воза с ценным бельем и один воз с серебром. Документы подтверждают этот факт. Об этом говорит и такой в общем дружественно настроенный к Дантону человек, как член Конвента Левассер. Материалы по этому вопросу попали в Конвент, но были вовремя скрыты друзьями Дантона. Впрочем, утверждают, что примерно в январе один из монархистов, членов Учредительного собрания, чтобы добиться дискредитации трибуна, направил в Париж сообщение о связи между Дантоном и эмигрантами, сообщение о его попытках спасти короля, но и эти документы были вовремя скрыты людьми, дружественно настроенными к Дантону.

Здесь нельзя обойти молчанием и тот факт, что шайка спекулянтов, поставщиков на армию, которая окружала Дюмуре, находилась в связи с Дантоном. Генерал грел себе руки на казенных поставках в армию. Дюмуре и Дантон, оба богатые буржуа, имели общих друзей среди спекулянтов: Д'Эспаньяка, финансиста Сент-Фуа, банкира Прольи, торговца Дефье. Не они ли доставили Дантону те средства, которые дали ему возможность в 1792 и 1793 годах разбогатеть? Пусть читатель не удивляется! Если на протяжении десятилетий историческая наука может только высказать подозрение, не утверждая категорически, что таким образом было создано материальное благополучие Дантона, что эти связи служили для него источником доходов, то тем более для современников в годы революционного подъема все это было тайной. Это были слухи, которые муссировались с разных сторон, не доходя до сознания революционных масс до поры до времени.

Видя возрастающую популярность Дантона и его влияния на Конвент, жирондисты твердо решили обвинить его в соучастии в измене Дюмурье. 30 марта депутаты правой фракции Конвента потребовали от него отчета в чрезвычайных министерских расходах. Старая история! Ее вытаскивали каждый раз, когда жирондистам необходимо было дискредитировать трибуна. Дантон понимал, что речь идет о его поведении в Бельгии. Он обещал дать объяснения. Дантон вынужден сделать это еще и потому, что объяснений требовали от него и его друзья слева — якобинцы, прежде всего Марат, весьма подозрительно относящийся к его дипломатическим комбинациям. У якобинцев его демагогия пользовалась меньшим успехом, чем у Болота. Вряд ли он мог рассчитывать на внимание, если бы произнес в якобинском клубе то, что говорил 30 марта в Конвенте: "Требуют моей головы. Вот она! Она останется здесь на месте, пусть каждый использует все силы, полученные им от природы, не для того, чтобы служить мелким страстям, но для того, чтобы спасти республику". (Всеобщие аплодисменты).

31 марта в якобинском клубе дело обстояло иначе, серьезнее. Здесь он должен был пояснить, что сам он — сын народа. "Я родился среди народа; здесь я получил свое воспитание; здесь я изучал человеческое сердце и объявляю, что не доверяю ни одному дворянину. Необходима война народа против негодяев". А затем к делу. Он объяснил якобинцам, что очень долго пытался привлечь Дюмурье на сторону революции, но потерпел поражение. Да, он ошибался. Впрочем, более важен вопрос о борьбе с жирондистами, которые хотят разгромить республику: "Им должна быть объявлена война". Эта речь только частично удовлетворила якобинцев. Марат потребовал от Дантона завтра, 1 апреля, в Конвенте сорвать маску с Жиронды. Дантон обещал выполнить это требование. Дантон нужен был якобинцам как союзник в грядущей революции против Жиронды. Жирондисты преследовали его своими обвинениями, якобинцы попытались окружить его своим вниманием.

Когда умерла Габриэль, Робеспьер писал Дантону: "Я люблю тебя больше, чем когда-либо, и буду любить до самой смерти. В эти минуты я нераздельно с тобой".

Личные симпатии исчезли, однако, когда политические разногласия превратились в жестокую вражду.

Заседание Конвента 1 апреля произвело огромное впечатление на современников. Речь, произнесенная Дантоном на этом заседании, в самом деле принадлежит к блестящим образцам ораторского искусства. Эту речь ждали с нетерпением. Трибуны были переполнены санкюлотами. Дантон начал с объяснений своего поведения в Бельгии. Его хотят изобразить союзником Дюмурье! Но чего хотел Дюмурье? Объединения с аристократией Бельгии и заключения союза с врагами революции. Дюмурье был против присоединения Бельгии. Противоположную позицию занимали комиссары Конвента, в том числе и Дантон. Таким образом, между политической позицией Дюмурье и Дантона — пропасть. Более того, Дантон настаивает, и с полным основанием, что его поведение было не его личным делом, что он согласовывал свои шаги с деятельностью остальных комиссаров. Да, возможно! Дантон излишне доверял способностям Дюмурье. Это была ошибка. Генерал требовал расправы с виновниками сентябрьских дней, с народом предместий. Он боролся с идеей революционного трибунала. Это была программа не только Дюмурье, но и Жиронды.

В конце концов стоит ли так много говорить о прошлом. Нужно найти средство исправить допущенные ошибки.

"Я требую принятия мер для создания военного лагеря в 20 лье от Парижа, лагеря, составленного из 40 или 50 тысяч человек, которые отнимут у наших врагов всякую надежду появиться в Париже". Разве мог он, не нанося решительного вреда делу обороны отечества, арестовать Дюмурье, не согласуя этот вопрос с остальными комиссарами Конвента, предварительно не договорившись с революционным правительством? Трезвые слова произвели впечатление на депутатов. Жирондистам стало очевидно, что дело их проиграно. Ласурс бросился к трибуне. "Дантон, — сказал он, — несет ответственность за поведение генерала. Подозрительно уже то, что Делакура остался в Бельгии, а он заявился в Париж. Дантон и Делакура, безусловно, виновники заговора".

Ласурс поддержал Биротто. Он напомнил, что Фабр Д'Эглантин, друг Дантона, говорил ему: "Необходимо передать власть в руки трибуна. Франция нуждается в короле".

Дантон бросает Биротто: "Вы негодяй. Наступит день суда над вами".

Конвент назначил комиссию для расследования поведения Дантона. Жиронда побеждает. Тогда Дантон кричит: "Я обвинен! Я требую, чтобы меня выслушали!" С трудом он получает слово и под гром аплодисментов Горы и трибун начинает свою знаменитую речь. Левассер в своих мемуарах рассказал нам о впечатлении, которое эта трагическая сцена Заседания произвела на всех присутствующих: "Я не забуду никогда, — пишет он, — момента, когда на заседании 1 апреля Ласурс начал свои обвинения против Дантона... Дантон, неподвижный, выражал на своем лице все время лишь презрение, и его глаза метали гнев и ненависть. Но когда Ласурс закончил свою речь, он рванулся к трибуне и, проходя мимо нас, сказал шепотом, указывая на скамьи правых депутатов: "Негодяи, они хотят приписать нам свои собственные преступления".

Дантон стоит на трибуне. Он заставит теперь выслушать себя: "Прежде всего я должен отдать вам справедливость как истинным друзьям народа. Вам, граждане, сидящие на этой Горе (он обернулся к скамьям левого крыла): вы лучше видели вещи, чем я... Вы обвиняли меня в слабости, и вы правы, я признаю это перед лицом всей Франции".

Он подробно и с еще большей силой показал Конвенту, что его политическая программа не совпадала с программой Дюмурье. "Кому Дюмурье объявил войну? Народным обществам. А кто из нас сказал, что без народных обществ, без помощи народной массы нет спасения? Это сказал я — Дантон". В борьбе с революцией программа Дюмурье совпадала с программой Жиронды. Он напомнил депутатам Конвента, что добивался примирения с Жирондой. Правые бросают ему с места: "Мы сейчас увидим цену этому примирению". Но Дантон возражает: "Почему я оставил систему умеренности и соглашений? Потому, что есть предел мудрости. Потому, что когда чувствуешь себя под угрозой ударов со стороны тех, которые должны были бы тебе аплодировать, приходится перейти в наступление". Дантон разоблачает заговор Жиронды. Монтаньяры с мест называют заговорщиков: Барбару, Бриссо, Гаде.

Дантон больше не чувствует себя обвиняемым; он обвинитель. Он напоминает о тайных совещаниях Дюмурье с жирондистами. Он говорит: "Надо раз навсегда запомнить, что тот, кто хотел спасти личность короля, тем самым обнаружил намерение спасти идею роялизма". Марат поддерживает его. Все сочувствие народа на трибунах и депутатов Горы на его стороне. Дантон патетически восклицает: "Хотите вы услышать слово, которое будет ответом на все? (Да, да!) Великолепно. Я думаю, что нет больше перемирия между Горой и патриотами, требующими смерти тирана с одной стороны, и негодяями, — с другой, которые хотели его спасти и тем самым оклеветали нас перед всей Францией". Со всех сторон поднимаются крики: "Мы спасем отечество!" Дантон призывает к единству истинных патриотов, требуя образования единой фаланги во имя защиты революции. Он сходит с трибуны, сопровождаемый бурей аплодисментов. Члены крайней левой обнимают его, овация долго не прекращается. Левассер — сторонник Робеспьера — вспоминает с восторгом об этих минутах. "Большинство среди нас, — пишет он, — считало, что Дантон жестоко ошибается, надеясь установить союз между жирондистами и Горой. Поэтому, когда этот бурно-пламенный оратор, злостно спровоцированный, сжег за собой корабли, мы почувствовали себя как бы наэлектризованными энтузиазмом. Мы рассматривали неожиданную решимость Дантона как нашу победу". Правда, речь Дантона не дала никаких положительных результатов, но она имела большое значение для будущего. Она показала монтаньярам их силу.

Дантон объявил войну Жиронде. Он вступил в открытый союз с народом предместий. Отныне он стоял лицом к лицу с народными массами; другого союзника у него не было.

Удастся ли ему надолго сохранить симпатии масс? Сможет ли оппортунист стать в ряды армии санкюлотов? Берегись, Дантон. Плебейские массы не будут шутить, им не нужна двойная игра.

От дней славы до гильотины Дантону остался всего один год.

Новая революция началась. Монтаньяры возглавили предместья, "где находились жилистые руки, энергия и преданность". Они выступали против жирондистов с широкой программой политических и социально-экономических преобразований. Новая революция должна была быть революцией плебейских масс против торгово-промышленной буржуазии. Плебейские массы требовали укрепления республики, республики демократической, требовали вооружения народа и власти предместий, решительной и безусловной ликвидации феодальных прав, мобилизации и льготной распродажи национальных имуществ, принудительного займа, взятого у богачей, чтобы оплатить потребности республики; требовали дешевого хлеба и повышения заработной платы. Когда в мае встал вопрос о принудительном займе, за день до восстания жирондисты решительно протестовали против всякой попытки привлечь капиталистов к выполнению своих обязанностей. Барбару заявлял: "Я возражаю против всех проектов по принудительному займу. Поспешность в таком щекотливом вопросе является очень опасной"... С трибун доносятся крики: "Долой, долой!" Но жирондисты не смущены, их лучший оратор Верньо забывает, что пики санкюлотов готовы к выступлению против Конвента. "В конечном результате, — теоретизирует он на трибуне Конвента, — принудительный заем, несомненно, является косвенным посягательством на собственность, противоречащим всем нашим принципам. В данный момент этот заем не принесет нам никакой выгоды, он будет вреден для нации и подорвет всякое доверие. Установите этот налог — этим вы затрудните наши платежи, прекратите продажу национальных имуществ, задушите всякое соревнование, уничтожьте все источники, питающие торговлю и заставьте безвозвратно удалиться тех, кто хотел поселиться на нашей гостеприимной земле". Конвент не слушает его. Депутаты Болота понимают, что сила в руках монтаньяров. Они готовы проголосовать заем в 1 миллиард, надеясь, что это спасет их собственность.

Жирондисты не хотели пойти на уступки народным массам. Их судьба была решена. Это понимал Жюльен, когда 15 декабря 1792 года, задолго до революции 2 июня, писал своему другу: "О, мой друг, сколько страданий предстоит нам претерпеть, пока мы достигнем победы. Все те, которые пожелают стать защитниками бедных, будут иметь своими смертельными врагами имущих и подвергнутся большой опасности пасть их жертвой, ибо имущие имеют то преимущество, что они вооружают нуждающуюся массу против самой себя и могут довести ее таким образом до убийства своих же вернейших друзей. Для этого требуется только скупить зерно и затем метать гром и молнии против агитаторов. Разве в настоящую минуту, мой милый, я не вызываю отвращения со стороны несчастных крестьян своего кантона, которым наговорили, будто я внес в Национальный конвент предложение о срубке всех тутовых деревьев. Злонамеренные люди позволяют себе все, а темная масса верит всему..."

Мнение этих жюльенов Парижа и провинции выражает Дантон. Его политика не поднимается над уровнем их представлений о задачах революции. Он был и остается главою Болота. Присмотримся к его деятельности накануне революции 2 июня, последней из тех, в которых ему пришлось принимать участие.

Каждая из борющихся сторон хочет создать и получить в свои руки руководящий орган революционной власти. 4 апреля 1793 года Инар, левый жирондист, вносит проект об учреждении Комитета из девяти членов Конвента, Комитета, облеченного правом смещать агентов власти. Для Дантона речь шла о реорганизации Комитета общественного спасения, созданного декретом 25 марта и реорганизованного 6 апреля 1793 года. В этот Комитет нового состава вступил Дантон. Он известен в истории революции как Комитет Дантона.

4 апреля, обосновывая свое предложение о реорганизации комитета, Дантон заявил: "Я считаю, что республика, преследуя диктаторов, не только имеет право, но даже обязана создать грозную власть. Ярость бури, колеблющей государственный корабль так велика, что для его спасения недостаточно действовать по всем правилам искусства". Речь шла о парламентском искусстве. Прошли те времена, когда Дантон возражал против превращения депутатов в министры. Теперь он хочет создать орган власти, находящийся всецело в руках Конвента.

5 апреля он защищает в полном соответствии со всем своим поведением предложение о расширении прав революционного трибунала. Трибунал может и должен судить всех виновных без особого приказа Конвента. Какая тут может быть речь о конституционных гарантиях, о формальностях закона: "Я спрашиваю у вас, хотите ли вы избежать кровавых расправ, вызываемых народной мстью? В эти грозные дни надо организовать революционное правосудие". Это было попыткой овладеть восстанием. Но Дантон прекрасно понимал, что это отнюдь не было достаточным. Вторая задача состояла в том, чтобы удовлетворить экономические требования масс. Его друг Делакруа внес 5 апреля предложение о недопущении в армию лиц привилегированных сословий. Армия должна быть санкюлотизирована. Но этого недостаточно. "Надо, — добавил Дантон, — чтобы внутренние враги, аристократы стояли под угрозой санкюлотских пик, в то время, когда вы идете в бой с внешним врагом". Эту армию будут содержать за счет богачей. "Я хочу внести еще одно предложение. Необходимо, чтобы по всей Франции цены на хлеб стояли в правильном соотношении к заработку имущих. Недостающее будет оплачено из кармана богачей". Так найдено было другое верное средство овладеть народным движением.

Но Дантон не был бы Дантоном, если бы, идя навстречу новой революции, он не попытался бы найти пути примирения хотя бы с частью врагов. Расплоить Жиронду, отделить клику Ролана, Барбару и Гаде от всей остальной массы депутатов, обеспечить бескровную революцию, даже не революцию, а просто парламентский переворот — вот к чему он стремится, вот чего он добивается. Конечно, если в последнюю минуту народные массы сорвут рту комбинацию, он пойдет во главе их, он будет "кровопийцей", он повторит сентябрьские дни. Но нужно попытаться избежать кровавой революции. Однако его попытки напрасны. Жиронда не желает примирения.

12 апреля 1793 года жирондисты готовы предать суду Марата, а заодно обвинить и Дантона. Гаде снова поднимает вопрос об его соучастии в измене Дюмурье. "На всех спектаклях Парижа он сидел всегда бок о бок с Дюмурье — вот каков ваш Дантон".

Дантон на трибуне: "Ты обвиняешь меня? Ты не знаешь моих сил. Я тебе отвечу, я раскрою твои преступления. В опере я был в ложе рядом с ним, но не в его ложе. И ты там был". В это время на одной из трибун умеренные буржуа жалуются, что санкюлоты не дают им слушать оратора; одного из них арестовывают. Дантон прерывает речь, чтобы выступить на защиту арестованного. Марат поддерживает Дантона. Он хочет от имени якобинцев огласить прокламацию против предателей. Со всех сторон требуют ареста Марата, Дантон берет на себя защиту Друга народа, той самой "неприятной личности", которую он отказался защищать, если помнит читатель, в сентябре 1792 года. Он защищает Марата, но не возражает против ареста герцога Орлеанского, для защиты которого он сделал немало за годы революции. Дантон требует от Конвента назначения комиссии и доклада по поводу обвинений, предъявленных Марату, народным обществам и трибунам.

Во имя каких политических принципов Дантон зовет к свержению Жиронды? Мы сможем выяснить это, если уделим внимание его речам в апреле-мае 1793 года. Прошло время, когда трибун угрожал Европе: "Надо оккупировать Голландию, освободить Бельгию, надо сокрушить мощь Англии"... Враг угрожает теперь французской территории, и Дантон 13 апреля объявил, что Конвент не вмешивается больше во внутренние дела других государств. Конвент не обязан поддерживать "горсточку патриотов, которым вздумалось бы устроить революцию в Китае".

Оппортунизм буржуа, потерпевшего поражение в конфликте с феодальной Европой, его отказ от борьбы за торжество принципов революции во всем мире сказались в следующих словах: "Граждане, нам прежде всего следует подумать об охране нашего государственного существования и об усилении мощи французской нации... Вынесем решение не вмешиваться в дела наших соседей, но постановим также, что республика будет существовать, и приговорим к смертной казни всякого, кто предложит мир, не основанный на принципах нашей свободы и независимости". Так оформлена была трезвая буржуазная политика накануне того дня, когда передовая фракция торгово-промышленной буржуазии была изгнана из Конвента.

В секциях бурлило. Вся страна была в огне революционной борьбы. Но Конвент находил время для спокойного обсуждения новой Декларации прав, время для конституционных споров. 19 апреля в дискуссии о праве каждого гражданина рассчитывать на защиту его личности и имущества со стороны государства Дантон заявил: "Я требую, чтобы всякого, нарушающего закон, считали бы убийцей. Необходимо, чтобы всякому насилью была противопоставлена сила". Жирондист Ланжюине вызывающе сказал Дантону, что подобное утверждение означает узаконение социальных конфликтов, но Дантон сослался на пример англичан: необходимо, чтобы Декларация обеспечила возможность каждому гражданину защищать свои права.

Через три дня обсуждались последующие параграфы Декларации прав в связи с принципами налоговой политики. Шарль требовал, чтобы был установлен принцип пропорциональности в налоговой системе. Инар поддержал Шарля.

Дантон настаивает на принципе прогрессии при налоговом обложении, чтобы тем самым заставить крупный капитал служить интересам государства. В этом же духе он выступал и по другим вопросам, связанным с обсуждением конституции.

Во всех высказываниях Дантона ясно видна одна общая мысль: задача революции в укреплении буржуазно-демократического порядка. Эта общая мысль получила свое окончательное выражение в докладе о положении республики, прочитанном от имени Комитета общественного спасения 29 мая 1793 года, за два-три дня до восстания. По-видимому, часть этого доклада, прочитанного Барером, была написана Дантоном. В разделе о конституции мы находим мысль, общую для большинства якобинцев: единственный путь для спасения страны — это быстрое издание новой республиканской конституции. К этой конституции стремится вся страна. Медлить с ее изданием — рисковать свободой. Конечно, полезно было бы, чтобы дело создания подобной конституции объединило всех, но, если это невозможно, пусть она будет создана помимо и против воли врагов народа. Докладчик хотел этим сказать, что Жиронда срывает проведение конституции. Эта конституция не выходит за пределы буржуазного правопорядка. Цель французских законодателей: свобода, законы и собственность. Но для того чтобы эти устои были незыблемы, они должны найти поддержку в народных массах. Народ обладает инстинктом свободы, своими собственными представлениями о морали: "он любит свободу, он уважает собственность, и он прекрасно знает, что не преступлением и не интригами можно укрепить республику". Конвент должен стать во главе народа, направляя его стремление к свободе. Во имя этой программы Дантон постарался овладеть секционным движением в столице.

1 апреля в Епископстве образовалась новая революционная организация, которая должна была совершить революцию против Жиронды. 19 мая в якобинском клубе депутация от Кордельеров и от революционного общества женщин недвусмысленно заявляла: "Избранники народа, родине угрожает неминуемая опасность. Если вы хотите ее спасти, то нужно принять самые решительные меры". Собрание якобинского клуба поняло эти слова как призыв к восстанию. Начался шум, но делегация заставила замолчать недовольных. Оратор делегации продолжал: "В противном случае народ будет спасать себя сам..." Он угрожал тем, что санкюлоты по всей стране и в секциях Парижа создадут революционные трибуналы; они покончат со всеми подозрительными. "Уже давно ясно, что всякие Бриссо, Гаде, Верньо, Жансоне, Бюзо, Барбару и др., — вот главный штаб контрреволюционной армии. Почему вы медлите с изданием против них обвинительного декрета?" Но это была только часть требований. Делегация настаивала на создании армии в 40 тысяч санкюлотов за счет богачей. Каждый санкюлот должен был получать по 40 су в день. Делегация требовала создания на площадях мастерских, где ковалось бы разного рода оружие. "Законодатели, поразите скупщиков, эгоистов-торгашей и мастеров ажиотажа", — не просил, а приказывал оратор. — "Существует ужасный план уморить людей голодом, доведя цены продуктов до чрезмерной дороговизны. Во главе этого заговора стоит каста аристократов, желающая уподобиться королевской власти и завладеть всеми богатствами, вздувая соответственно своей жадности цены на предметы первой необходимости. Покончите со всеми

этими предателями: родине достаточно, чтобы в ней остались только санкюлоты и их добродетели".

Это звучало грозно, это было объявлением войны, хотели или не хотели этого якобинцы. Робеспьеру оставалось только объявить в якобинском клубе, что всякое промедление Коммуны в вопросе о присоединении к народу — преступление. В том же клубе левый монтаньяр Гассенфрэнц заявил, что состоялось собрание всех повстанческих секций, где обсуждался вопрос о восстании. Он успокаивал якобинцев, что прежде всего там обсуждались мероприятия для защиты собственности: "Пусть вся республика знает, что собственность находится под охраной санкюлотов. Я требую, чтобы все члены этого общества поклялись скорее погибнуть, чем допустить какое-нибудь посягательство на право собственности". (Все присутствующие встают и единодушно произносят эту клятву). Эти меры не были напрасны, потому что, как всегда, буржуа из якобинского клуба необходимо было "подтолкнуть" на восстание. Это и делали плебейские массы предместий.

Бурный подъем революционного движения в предместьях не мог, конечно, пройти мимо Конвента. Жиронда пыталась оказать сопротивление народному восстанию, но неудачно. Она арестовала Марата, но под давлением народных низов он был освобожден. Дантону пришлось 24 апреля в Конвенте присоединиться к общему энтузиазму по поводу освобождения Друга народа. Марат, давая в своей газете отчет о его выступлении, утверждал, что оно тем более ценно, что Дантон взял на себя обязательство вести беспощадную борьбу с Жирондой. "Народ ждет от него многого, — добавил Марат, — от этого известного патриота. Народ следит за ним и ожидает его на поле чести".

Жиронда, как мы видели, сопротивлялась всякой попытке посягнуть на собственность, особенно когда речь зашла о принудительном займе для покрытия военных расходов. Дантон принял активное участие в дебатах: "Обложив богача податями, — говорил он, — мы тем самым окажем ему большую услугу. Для крупного землевладельца или капиталиста гораздо выгоднее сделать большое пожертвование, чем допустить неприятеля завладеть нашей территорией, чем крупнее будут жертвы, тем больше уверенности в том, что собственность будет сохранена и останется неприкосновенной". (Аплодисменты). Так в простых словах Дантон вскрывает сущность своей тактики, природу своего оппортунизма. Надо спасти интересы класса в целом, разве в таком случае можно сомневаться, что любая жертва должна быть принесена во имя этой цели? Дантон убеждает буржуазию, что "простолюдин" имеет такое же право пользоваться благами жизни, как и богач. Привлекая, таким образом, плебейские массы на сторону революции, богачу нечего будет опасаться за свое имущество: "В совершенном обществе принципы свободы должны идти рука об руку с принципами разума".

После этого выступления Дантон мог себе позволить разыгрывать роль свирепого демократа и революционера. Ему начали доверять в предместьях. Впрочем, здесь не было пока и тени сомнения в его преданности революции. На его стороне было и доверие депутатов Болота; в этом была его сила, к этому он стремился.

Жиронда была последовательней Дантона. Вопрос для нее был решен, она противостояла революции сплоченной колонной. Специальная Комиссия двенадцати, избранная из лиц весьма подозрительных в смысле их сочувствия роялизму, должна была служить организационным центром сопротивления народу. Коммуна Парижа, предместья поняли намерения Жиронды. Отныне борьба за ликвидацию Комиссии стала задачей революционного движения. Дантон предполагал, что, добившись победы в этом вопросе, ему удастся избежать восстания, но расчеты его были ошибочны. Когда жирондистский Конвент 18 мая решил арестовать одного из вождей Коммуны, Шометта, и редактора газеты "Отец Дюшен" Эбера, Дантону пришлось выступить на их защиту так же, как он раньше выступил на защиту Марата. В Конвенте в этот день разыгрались бурные сцены. Барер, хитрая лиса, типичный человек Болота, с тревогой сообщил Конвенту о подготовке восстания в столице. Камбон, финансист Конвента, потребовал назначения чрезвычайной комиссии. Умеренные депутаты не хотели больше обсуждать вопроса об арестах, они хотели действовать. Они потребовали закрытия собрания, но Дантон добился слова. Он напомнил им судьбу Ликурга, который потерял глаз во время народного возмущения, но предложил свой дом как убежище тому, кто нанес ему раны. Жиронда должна была последовать примеру Ликурга. Дантон советует Конвенту: "Будьте так же велики, как он. Чтобы спасти Республику нам нужно выполнить две задачи — помочь нашим коллегам и не расходиться до тех пор, пока не будет издана конституция".

Комиссия двенадцати продолжала свое дело. Жирондисты остались глухими к призывам Дантона.

Когда секция Арсенала потребовала от Конвента охраны народных обществ, когда депутация Генерального совета Коммуны у решетки Конвента 25 мая настаивала на освобождении Эбера, им не давали говорить. Дантон крикнул с места: "Соблюдайте тишину!" Жирондисты обвиняли его и по этому поводу в диктаторстве, а Инар, председательствовавший в Конвенте, счел возможным бросить факел в возбужденную толпу: "Если бы Конвент был захвачен заговорщиками, я заявляю вам от имени всей Франции... Я заявляю вам, что Париж был бы вычеркнут из списков городов Республики... Вся Франция восстала бы против него и скоро, быть может, на берегах Сены напрасно искали бы то место, где стоял Париж..."

Это было открытым объявлением войны. Дантону ничего не оставалось, как взять на себя руководство движением. Он произнес одну из своих боевых речей: "Достаточно долго уже осыпали Париж клеветой... (Аплодисменты депутатов Горы и трибун. На правых ропот возмущения. Со всех сторон возгласы: "Мы обвиняем не Париж, а только нескольких негодяев!"). Вы хотите сказать, что я ошибся? (Да! да!). Я явился на эту трибуну не для того, чтобы оправдывать Париж, он в этом не нуждается. Я хочу говорить в интересах всей Республики..." (Аплодисменты).

Дантон понял, что настал наиболее подходящий момент для политической декларации. Он воспользовался этим моментом. "Запомните ту великую истину,— сказал он,— что если надо выбирать между двумя крайностями, гораздо лучше решительно стать на сторону свободы, чем свернуть на дорогу к рабству..." Он призывает обе борющиеся стороны к умеренности; он призывает тех и других "прибавить осторожность к свойственной вам энергии, и все враги народа будут раздавлены". В заключение Дантон, конечно, должен был вспомнить о главном герое событий — о народе. Он хочет оправдать его в глазах буржуа: "Если бы не было людей с пламенным темпераментом, если бы сам народ никогда не решался на насилие, не было бы и революции. Народу никогда не удалось бы разбить своих цепей... (Продолжительные аплодисменты). Разве можно не признавать заслугу парижской Коммуны перед революцией? Когда будет сорвана маска с тех, кто играет в патриотизм... (Аплодисменты со всех сторон) и кто служит опорой для аристократов, Франция встанет и сокрушит своих врагов".

Через два дня Дантону ничего не оставалось, как продолжить свою речь и заявить перед лицом Собрания о том, что Жиронде будет оказано "решительное сопротивление". Дантон нашел теперь поддержку на скамьях крайне левой. Он потребовал назавтра уничтожения Комиссии двенадцати. Казалось, что между ними и подлинными представителями плебейских масс установилось единство. Дантон заговорил языком Армонвиля, писавшего 24 мая на родину своему другу сапожнику Депаки: "Парижанам надоело видеть себя представляемыми правой стороной Конвента. Они не хотят больше выносить удары того бича, которого не знают департаменты". Армонвиль рассказывает о решении клуба Кордельеров ударить а набат и поднять восстание, "так как Гора сама не в состоянии спасти отечество".

Когда 28 мая секция Французских гвардейцев потребовала от Конвента "отнять у народа оружие революции", Дантон решительно протестует против этого требования. "Оружие революции" необходимо французам для борьбы с врагами: "настало время, чтобы народ перешел от обороны к нападению и направил свое оружие против приверженцев умеренной партии. Пора нам вступить на твердый путь. Пора укрепить судьбы Франции, пора доказать нашу смелость, пора дружно сплотиться против всех тех, кто своими заговорами стремится уничтожить республику".

Он закончил свою громовую речь призывом против политики умеренных. Думал ли Дантон, что его слушатели успели забыть, как всего несколько дней тому назад он превозносил эту "умеренность"?

Наступило 31 мая. Весь Париж предместий был на ногах. Зловещие звуки набата будили граждан столицы. Со всех сторон стекалась вооруженная пиками толпа. Она подвигалась к Конвенту. Но в Конвенте с утра пусто. Испуганные депутаты беседуют топотом. Когда жирондисты явились в Конвент утром 31 мая, они в почти пустой зале встретили одинокого Дантона, бродящего между скамей. "Погляди, — сказал жирондист Луве своему приятелю Гаде, — какая радость ожидания на этом страшном лице". "Без сомнения,— ответил Гаде, — ведь сегодня будет изгнан Цицерон". Жирондисты явно ошибались. Намерение Дантона в этот день было гораздо скромнее. Перепуганному министру внутренних дел Гара он сказал: "Ты спрашиваешь, чего они хотят? (Речь шла о народных массах, осаждавших Конвент). Пустяки! Они уничтожат несколько печатных станков, а потом разойдутся". — "Ох, Дантон, боюсь, что они хотят разбить кое-что другое. Нужно за этим следить. В твоём распоряжении больше средств, чем в моем". Дантон хотел ограничиться только ликвидацией Комиссии двенадцати и подчинением Жиронды воле революционной части Собрания.

Заседание Конвента открылось в 6 часов вечера. Снова разгорелись споры о Париже. Дантон в этот день "был похож на Нил, когда он выступает из своих берегов". Он взял на себя защиту народного движения. Напрасно он призывал жирондистов в последний раз прислушаться к голосу разума.

31 мая было только началом революции.

В ночь с 1 на 2 июня раскаты набата вновь призвали народ к наступлению на Конвент. Не подлежит сомнению, что Дантон не желал этой новой революции, что он был удовлетворен достигнутыми результатами, что он отнюдь не хотел выдать предместьям жирондистов. Вот почему 2 июня он воздерживается от торжественного выступления. Более того, он берет на себя защиту Конвента против народа, покушающегося на его национальное величие и суверенитет.

Да, плебейские массы предместий не были похожи на Жиронду. С ними дипломатическая игра была сложнее, чем с Жирондой. Что мог возразить Дантон оратору депутации, который у решетки Конвента 2 июня заявил: "Граждане, народ утомлен постоянным отдалением минуты своего счастья. Еще на одно мгновение он оставляет его в ваших руках. Спасите народ или он сам, — мы заявляем вам об этом, — примется за свое спасение". Конвенту пришлось выдать народу вожаков Жиронды.

Заседание 2 июня имело свой эпилог, послуживший предупреждением Дантону. Когда депутаты узнали о том, что предместья блокируют Конвент, Барер обратился к Собранию с предложением узнать намерения народа: "Я требую, чтобы Конвент отправился к войскам, которые, конечно, защитят его". Эро де Сешель поддержал предложение Барера. За ними пошли жирондисты и насмерть перепуганные депутаты Болота. Только Гора не сдвинулась с места. Депутаты Болота умоляют их о защите: "Как, вы покидаете своих сотоварищей, которые хотят ринуться в толпу, вы обрекаете их на верную смерть, заставляя предполагать, что существуют два Конвента — один в зале, а другой вне ее?" Дантон услышал мольбу депутатов Болота. Он поспешил за ними. Якобинцы решили последовать его примеру. Произошла незабываемая сцена. Верховное народное представительство на площади Карусель с трепетом и страхом прислушивалось к требованиям толпы. "Выдайте 22 депутата! Долой жирондистов!" Санкюлоты готовы задержать всех членов Конвента, пока они не выполнят требований народа. Анрио не забывает призвать на помощь вооруженную силу батальонов. Что оставалось делать Конвенту? Ему пришлось подчиниться. Подчинился и Дантон. Восстание 2 июня не было его победой. Оно было его жестоким поражением. Понял ли он это? Во всяком случае, очутившись лицом к лицу с народом, великий оппортунист должен был покорно склонить голову. Все, что было до сих пор с 1789 года, было вступлением к революции. Революция, революционная диктатура началась только теперь.

А, ? a ira, ?a ira, ?a ira!

На фонари аристократов.

А, ?a ira, ?a ira ira, ?a ira ira!

Их перевешать всех пора

Мир деспотизма, умирай.

А, ?a ira, ?a ira, ?a ira!

Не нужно нам дворян с попами.

А, ?a ira, ?a ira, ?a ira!

И равенства наступит рай.

? a ira!

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

ДАНТОН в БОРЬБЕ с РЕВОЛЮЦИЕЙ ПЛЕБЕЙСКИХ МАСС

Революция 2 июня открыла шлюзы гражданской войне. Жиронда — представительница торгово-промышленной буржуазии — стала на сторону буржуазной аристократии; она новела борьбу с плебейскими массами, ее поражение было неизбежно. Дантон, как мы видели, с трудом согласился на предание суду депутатов Жиронды. Министр внутренних дел Гара вспоминал много лет спустя, как в сентябре 1793 года в дни болезни Дантона трибун жаловался на то, что допустил ошибку и выдал жирондистов. "Я не смог спасти их", — таковы были первые слова, которыми он встретил Гара; Дантон заплакал. Впрочем, он все еще надеялся, что ему удастся спасти хотя бы Верньо и Дюко. Это не было только личными симпатиями к жирондистам. Гуманные чувства далеко не всегда были свойственны этому "гранд-сеньору санкюлотов", как называет его Гара. С грустью летом и осенью 1793 года Дантон искал на скамьях Конвента бывших жирондистов, политическая поддержка которых ему была необходима для борьбы с представителями плебейских масс. Дантон жаловался своим близким, говоря о жирондистах: "Двадцать раз я предлагал им мир, они не хотели его, они отказывались доверять мне, сохраняя за собой возможность погубить меня. Эго они заставили нас броситься в объятия санкюлотов, которые уничтожили их, уничтожат нас и, наконец, уничтожат самих себя".

Комитет общественного спасения, так называемый Комитет Дантона, в июне и в июле прежде всего позаботился о том, чтобы собственническая Франция была успокоена, революция, наконец, прекращена и не превратилась бы в гражданскую войну. Речи Дантона в июле, вплоть до 10 июля, когда "его" Комитет вынужден был уйти в отставку и был заменен "Комитетом Робеспьера", поражают своей умеренностью и либеральным благоразумием. Он выступает в роли завязаного националиста, требуя изгнания из Франции всех иностранцев, предостерегая в то же время депутатов Конвента: "Нельзя безрассудно разрушать торговлю и доводить население до нищеты". Он пытается провести резкую грань между небольшой кликой заговорщиков, какими он хочет представить арестованных депутатов Жиронды, и торгово-промышленной буржуазией.

12 июня Конвент обсуждает статью конституции о тайной или открытой системе голосования, вопрос, неизбежно связанный с проблемой "фактического равенства". Одна часть депутатов настаивает на принципе закрытой баллотировки; только такой способ голосования даст, говорят они, возможность беднякам освободиться от подчинения богатым. Другие требуют открытой системы голосования, системы, единственно приличествующей республиканцам. Третьи, в том числе друг Дантона Делакура, стремятся примирить обе точки зрения. Дантон решил принять активное участие в прениях. Он выступил на защиту прав человека и гражданина: "Гласность — лучшая защита народа, и разве достоин свободы тот, кто не имеет мужества гласно высказать свое мнение? Общественная совесть — вот единственная узда, которую могут выносить свободные люди". Эта декламация не могла скрыть от слушателей попытку Дантона уклониться от прямого ответа на вопрос: может ли формальное равенство и свобода в равной степени служить бедному и богатому? Дантон нашел выход: он предложил Конвенту разрешить "робким гражданам" выражать свое мнение письменно. Это был, конечно, смешной компромисс, но он был характерен для Дантона, пытавшегося летом 1793 года тотчас после изгнания Жиронды подобным образом разрешать социально-экономические проблемы революции.

Франция будет спасена, как только Конвент проголосует конституцию, убеждали народ якобинцы. "Настал момент, когда мы поистине создаем французскую свободу, — торжественно гремел голос Дантона, — мы даем Франции республиканскую конституцию. Момент напряженного творчества в жизни политической, так же как и в физической, всегда сопровождается болезненными разрушительными явлениями. Грозовые тучи собрались над нами, гром грохочет — прекрасно. Пусть среди громов и молний родится великое дело, которое обессмертит французскую нацию".

Это было торжественное начало речи 13 июня, той речи, которая должна была примирить французскую буржуазию с восстанием 31 мая (но не с революцией 2 июня) и вместе с тем доказать, что жирондисты клеветали на трибуна, говоря о его продажности. Дантон предлагал предоставить 24 часа в распоряжение администраторов, желающих порвать с Жирондой и перейти на сторону Конвента. Он предложил очистить на местах всю администрацию от врагов народа. "Я утверждаю, наконец, во всеуслышание, — добавил он, — что, не будь восстания 31 мая, свобода прекратила бы свое существование".

Дантон развернул в этой речи целую политическую программу. Французы должны предать суду разбойничью шайку жирондистов — противников конституции. Гражданам будут возвращены их неотъемлемые права, они сплотятся вокруг Конвента и будут защищать конституцию, только конституцию. "Эта конституция, как я уже сказал, — закончил свою речь Дантон, — является батареей, бьющей картечью по всем врагам свободы. Приготовьте вооруженную силу и направьте ее против наших вандейских врагов. Подавите мятеж в этой части Франции, и у нас воцарится мир". Но Дантон умолчал, что мятеж охватил не только крестьянскую Вандею, но и торгово-промышленный юг Франции, что Конвент должен был прежде всего начать войну против жирондистских департаментов.

Дантон прекрасно понимал то тяжелое положение, в которое он попал после изгнания Жиронды. Еще 21 мая Шабо заявлял в якобинском клубе, что Дантон "потерял свою энергию". После 2 июня атаки против Дантона усилились. Якобинцы жаловались, что он больше не появляется в клубе. Дантон решил оправдаться. Когда председательствующий в клубе Бурдон из Уазы обратился к нему со словами: "Дантон, ты вчера спас республику в Конвенте, подымись на трибуну", он поспешил воспользоваться подходящим моментом и под общие аплодисменты "скромно" согласился: "Мои коллеги видели, что я отдал вчера в Конвенте максимум моих сил и все мои мысли революции. В настоящий момент я исчерпал всего себя". Он утверждает, что все свое время отдаст законодательной работе, работе в комитетах Конвента: "Я постараюсь сравниться с вами в гениальности, революционной смелости, я умру якобинцем". Но подлинные якобинцы ему перестали доверять. Один из них, Вадье, выступил против "усыпителей из Комитета общественного спасения".

Это обвинение было направлено прямо против Дантона, взявшего в конце июня в свои руки руководство внешней политикой и военными операциями. Марат в это время окончательно порвал с Дантоном; он отказал ему в поддержке, он называл Комитет общественного спасения

"Комитетом общественной гибели". Обвинения Марата были подхвачены и повторены спустя несколько дней в якобинском клубе.

4 июля Комитет общественного спасения вынужден был выслушать обвинения в недостаточно энергичном подавлении восстания в департаментах. Комитет Дантона доживал свои последние дни. Он пытался спасти себя. 6 июля депутат Конвента Левассер огласил письмо генерала Бирона с сообщением, что два батальона департамента Жиронды, находящиеся в вандейской армии, решили покинуть боевые позиции и вернуться домой. Это была открытая измена революции. Левассер потребовал объявить их предателями; Делакура настаивал на том, чтобы их предварительно разоружили. Дантон решительно протестовал против обоих предложений. Он настаивал на том, чтобы преследованию подверглись только руководители батальона: "Не следует клеветать на батальоны, точно так же нельзя сказать, что бунтуют департаменты, вернее было бы сказать, что их администраторы— ловкие плуты, желающие захватить в свои руки национальную власть". Но, чтобы скрыть за этим предложением свой призыв к умеренности, Дантон добавил: "Оживите народные общества, нельзя же допустить, чтобы законодательная работа была заражена умеренностью... Необходимо, чтобы законодательный аппарат был в руках людей, способных одновременно охранить бессмертное создание, которое вы дали Франции (конституцию), и руководить революционным движением". Конвент не пожелал больше доверить руководство революционным движением Дантону, который все еще не отказывался от своей двусмысленной роли. После бурного заседания 8 июля судьба Комитета общественного спасения была решена. 10 июля Конвент узнал о поражении генерала Вестермана, близкого Дантону. Комитет нес ответственность за это поражение; он был обновлен. В новом комитете Дантон мог рассчитывать только на двух человек. После 10 июля 1793 года он больше не возвращался к руководству революцией. Прав историк Мадлен: "2 июня было пирровой победой Дантона. Поражение 10 июля это доказало".

Не трудно будет понять судьбу Дантона, если мы несколько ближе присмотримся к политической обстановке, сложившейся во Франции летом и осенью 1793 года. 24 июня была принята новая конституция и Декларация прав человека и гражданина — основной закон демократической республики. Новая Декларация прав решительно отличалась от своего прообраза Декларации 1789 года. "Целью общества, — гласит первый пункт Декларации 1793 года, — является всеобщее счастье. Правительство установлено для того, чтобы обеспечить человеку возможность пользоваться его естественными и неотъемлемыми правами". Правда, и на сей раз право собственности было объявлено неприкосновенным; всем гражданам было разрешено пользоваться и распоряжаться "по своему усмотрению" своим имуществом, доходами, плодами своего труда и своей хозяйственной деятельности. Но демократическая республика не могла не позаботиться о бедняках. Новая Декларация прав торжественно провозглашает: "Общественная помощь является священным делом. Общество обязано поддерживать существование несчастных граждан, доставляя им работу и обеспечивая средствами тех, кто не в состоянии работать".

Но эта оговорка не могла удовлетворить требований широких трудящихся масс города и деревни, требований, которые шли дальше конституции и Декларации прав. В самую торжественную минуту, в момент, когда Конвент провозглашал новый основной закон республики, один из представителей голодающих предместий Парижа, бывший священник Жак Ру, глава революционной фракции якобинцев, получивших от современников название "бешеных", у решетки Конвента заявил: "Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить другой голодом. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупки получает право над жизнью и смертью близких. Республика — пустой призрак, когда контрреволюция со дня на день произвольно меняет цены на продукты, цены, к которым три четверти граждан не могут прикоснуться, не проливая слез". Жак Ру открыто объявил политику буржуазии разбоем. Он заявил, что уже четыре года богатые пользуются всеми выгодами революции, что торговая аристократия еще более ужасна, чем аристократия знати, и что "пора кончить этот смертельный бой, который эгоизм ведет против самого трудолюбивого класса".

В момент торжества буржуазной республики, которая поспешила в июне и июле 1793 года уничтожить феодальные права, создать льготные условия для распродажи национальных земель мелкими участками среди крестьян, облегчить дело распределения общинных земель, Жак Ру у решетки Конвента заявляет: "Неужели собственность грабителей более священна, чем человеческая жизнь... Законодатель имеет право объявить войну, т.е., другими словами, заставить убивать людей, почему же он лишен права помешать тому, чтобы морили голодом и угнетали тех, кто защищает очаги". Это не было требованием одного Жака Ру, не было протестом какой-либо одной политической группы, это было волей широчайших плебейских масс Франции, городской и деревенской бедноты. Для Дантона конституция означала конец революции, для трудящихся масс города и деревни — новую революцию против буржуазии.

Продовольственные беспорядки по всей стране в 1793 г. усиливались из месяца в месяц. Они достигли особой остроты в августе-сентябре. Парижские предместья во главе с руководителями Коммуны требовали введения общего максимума, т.е. твердых цен на предметы первой необходимости. Над толпой предместий, вооруженной пиками, развивались плакаты: "Война тиранам! Война аристократам! Война скупщикам!" Под давлением масс 27 июля был принят закон против спекулянтов, а 11 сентября 1793 года установлен общий максимум на все предметы первой необходимости. Правда, "бешеные": Жак Ру, Леклерк, Варле — были брошены в тюрьму, но их требования подхватили сторонники Шометта, одного из руководителей коммуны Парижа и журналиста Эбера, редактора популярной в предместьях газеты "Отец Дюшен". Эбер писал в своей газете: "Богачи не имеют отечества. Когда они считали, что революция им выгодна, они ее поддержали. Они протянули руку санкюлотам, чтобы уничтожить дворянство, но все это для того только, чтобы занять место аристократии. Но теперь, когда не существует более активных граждан, теперь, когда несчастные санкюлоты владеют теми же правами, что и богатые негодяи, дело должно измениться... Богачи захватили все средства, чтобы еще более разбогатеть или чтобы нас извести голодом".

Таково было положение дел в городах и деревнях Франции осенью 1793 года. Не нужно думать, что отмена феодальных повинностей, раздел общинных земель, распродажа национальных имуществ происходили безболезненно, что все это не вызвало ожесточенной классовой борьбы в деревне. Документы говорят другое. Крестьяне департамента Сены еще в первые годы революции жаловались на то, что богатые буржуа, землевладельцы и фермеры захватывают земли бедняков. Они требовали распределения крупных владений по мелким земельным участкам среди широких крестьянских масс. Летом и осенью 1793 года крестьяне сообщали Конвенту о причинах голода в стране. Необходимо, говорили они, уничтожить крупные земельные владения; передел земли нужно совершить в ближайший же год. Об этом 14 ноября 1793 года писал Клемансо, судья в трибунале дистрикта Сен-Флоран, в департаменте Мен и Луары: "Мои принципы: война дворцам, мир хижинам! Обеспечение истинных санкюлотов и, следовательно, раздел крупных имений бывших господ... Нужно бы разделить все имения эмигрантов на маленькие фермы... Эти новые фермеры вносили бы плату за аренду в казну республики, были бы привязаны к республике благодарностью, причина которой была бы у них всегда перед глазами. Крупные состояния, причинявшие во все времена столько зла в нашей стране, исчезли бы, ибо каждому республиканцу было бы запрещено быть владельцем или арендатором больше чем одной фермы". Так в деревне постепенно оформлялась сила, направленная против буржуазной земельной собственности.

Героем событий стал плебей-санкюлот. Дантон встречался с ним в предместьях Парижа еще в 1789—1791 годах; он привык пользоваться его услугами, рассматривать его как опору своей власти. Толпа санкюлотов, стихийная масса по первому зову народного трибуна шла на штурм королевского дворца или ратуши — до 1792 года не во имя своих собственных целей, а во имя торжества буржуазных идеалов. Этот народ был близок Дантону. Он готов был похвалить его, он готов был пойти на любые уступки, твердо зная, что этими уступками приобретет доверие и преданность предместий. Но санкюлот изменился за годы революции. Он не напрасно побеждал своих врагов. Санкюлот пришел, наконец, к выводу, что можно и должно бороться за свою собственную программу. Дантон не понимал этого.

"Знаешь ли ты, что такое санкюлот? — спрашивала газета "Парижские революции". — Это не двуличный и бесхарактерный человек, позволяющий вихрю событий увлечь себя. Это не узкий эгоист, единственной родиной которого является его собственный дом. Во время бури он не забирается в свою раковину и не плывет по течению между скалами... Надо признать: истинных санкюлотов мы не найдем среди богатых или тех, кто разбогател с ноября 1789 года, когда был издан декрет о продаже земель духовенства. Не ищите их в касте крупных торговцев, крупных фермеров и землевладельцев, ни среди лиц, стоящих во главе крупного дела и заинтересованных в ряде спекуляций. Не ищите санкюлотов среди артистов, некогда осаждавших пороги дворян и богачей, не ищите их среди юристов, среди молодых врачей, ученых и литераторов, которые добиваются или уже добились доступа в Академию..."

Где же можно найти истинного санкюлота? Его можно найти среди ремесленников и рабочих городских предместий, среди трудолюбивых земледельцев. Эта плебейская масса безжалостна к мимолетным богатствам, результату интриги и жадности; она ненавидит "новых богачей" так же сильно, как ненавидела дворян и буржуазную аристократию. "Санкюлот распоряжается богатствами этих новых буржуа как своим имуществом и восстанавливает то равновесие, без которого не может быть истинного равенства, а следовательно, и республики". Санкюлоты не только ощутили свою силу, они стремятся осуществить свои требования. Мог ли Дантон теперь играть ту роль, которую он играл до лета 1792 года, когда санкюлоты предоставляли свою силу в распоряжение каждой передовой фракции буржуазии, чтобы та на их плечах поднялась к власти. Нет! Наступили другие времена. Республика в огне восстаний. Жирондистские департаменты объединились с роялистской Вандеей, богачи подали руки дворянам. Контрреволюция внутри

страны действует по общему плану с войсками феодальных тиранов. В чем выход? Дантон чувствует свои силы исчерпанными, санкюлоты только впервые начинают чувствовать их настоящим. Они стремятся к власти. Революционная диктатура в порядке дня.

Революционная диктатура пугала якобинцев. Ученики Монтескье и Руссо мечтали о демократии и конституционных свободах, о всеобщем избирательном праве и о "царстве закона". Призрак диктатуры мерещился им в каждом внепарламентском акте революционного народа. Не только жирондисты, но и якобинцы с ожесточением отклоняют от себя всякое обвинение в стремлении заменить конституцию революционной властью, властью "диктатора". Читатель помнит, как упорно Дантон в августе-сентябре 1792 года доказывал в Законодательном собрании и Конвенте, что ни он и ни один из здравомыслящих демократов — разве только "больной" Марат — не имеют в виду нарушить "царство закона". Но гражданская война обучила их многому. Против своей воли, против своих принципов, меняя в ходе революционной борьбы убеждения, мелкобуржуазные демократы перестраивали свои политические теории; спустя три-четыре месяца после торжественного провозглашения конституции 1793 года они объявили революционную диктаторскую власть спасением для Франции.

Жирондисты еще до революции 2 июня и тотчас вслед за нею бежали на юг и здесь в торгово-промышленных городах Франции подняли знамя восстания против Конвента. Один из решительных врагов Дантона, Бюзю, наскоро организовал в департаменте контрреволюционную армию в несколько тысяч человек и выступил против "диктатуры Марата". Вскоре его примеру последовал Кальвадос. Были арестованы комиссары Конвента и этим сорваны мероприятия по борьбе с Англией. За Кальвадосом последовали другие департаменты. Вся Бретань была в огне гражданской войны. Отсюда, из Кана, пришла убийца Марата — Шарлотта Корде. Распропагандированная жирондистской агитацией против диктатуры, она 13 июля заколола кинжалом теоретика этой диктатуры — Марата. Буржуа Бордо, изгнав комиссаров Конвента, постановили созвать на 16 июня в Бюрге собрание представителей всех восставших департаментов. Повстанцы захватили 350 тысяч пиастров, предназначенных для оплаты флота и на содержание колоний; они объявили войну против Конвента. Юг Франции больше не подчинялся Конвенту. В Тулузе роялисты были выпущены на свободу. В Ниме и Марселе якобинский клуб был закрыт, маратисты брошены в тюрьмы. Шеститысячная марсельская армия, предназначенная для Италии, была теперь направлена против войск Конвента. 12 июля восстал Тулон. Жирондисты в союзе с роялистами передали французский флот англичанам, открыто изменив революционному отечеству. Восстание южного департамента связано было с бунтом буржуазных властей Лиона. Жирондисты казнили здесь одного из пламенных демократов — республиканца Шалье, и объявили белый террор рабочему населению Лиона. Во главе лионцев стал граф Пресси, эмигрант и роялист. К концу июня 60 из 83 департаментов выступили против власти Конвента.

Жирондистское восстание не остановилось перед фактом всенародного голосования конституции, против которой голосовало всего 17 тысяч человек. Около 100 тысяч голосов потребовали, правда, кое-каких дополнений в пользу жирондистских проектов. За конституцию высказалось 1.801.918 граждан, но представители торгово-промышленной буржуазии вслед за буржуазной аристократией Франции отбросили демократические иллюзии, они готовы были к кровавой гражданской войне. 27 августа англичане были в Тулоне; Лион был изолирован. Монархическое восстание охватило не только Вандею, но и ряд других районов Франции. Добавим к этому жестокие поражения революционной армии на фронтах. 28 июля капитулировал Майнц, за ним Валансьен: путь на Париж был открыт. Вандейские повстанцы в конце июля угрожали Анжеру. Смычка между двумя отрядами контрреволюционной армии была вопросом дней. Революционная дисциплина в армии ослабела. Буржуазные историки готовы даже утверждать, что "повсюду воцарился хаос".

По всей стране в крупных городах и захолустных местечках голод усилил народное движение в конце июля и в начале августа. Конвенту пришлось посылать своих комиссаров для восстановления порядка. "Бешеные" подняли голову. Жак Ру потребовал осязательной помощи голодающим массам. Он настаивал на том, чтобы гильотина призвала к порядку продажных депутатов, он требовал ареста банкиров, скупщиков и спекулянтов. Более того, он настаивал на том, чтобы все крупные покупатели национальных имуществ, все те, кто в продолжение нескольких лет разбогатели, а том числе и депутаты, ставшие крупными собственниками, понесли ответственность; 8 августа он, не стесняясь, прямо сослался на Дантона и его друзей, ведущих роскошный образ жизни, посещающих театры, балы... Ру ожидал, что в день Федерации 10 августа ему удастся объединить патриотов Парижа и всей страны, чтобы повторить сентябрьские дни. Его сподвижник, молодой Теофиль Леклерк заявлял в своей газете: "Народ, разве нет у тебя оснований жаловаться на своих законодателей? Ты потребовал от них таксации предметов первой необходимости — они тебе в этом отказали. Ты потребовал ареста подозрительных лиц — декрет этот не был издан. Ты настаивал на изгнании всех благородных и попов из государственного аппарата, из армии — это не было принято. Но отечество не может ждать своего спасения, оно добьется его революционным восстанием..." Эта угроза была реальной. В августе и сентябре 1793

года предместья Парижа готовы были с оружием в руках защищать требования "бешеных": "Хлеба и демократических законов!" В этих условиях диктатура стала необходимостью не только для организации сопротивления роялистской и жирондистской опасности, но и для борьбы с требованиями предместий. М.Робеспьер писал в своей записной книжке: "Необходима единая воля, необходимо, чтобы она была или республиканской или монархической; чтобы она была республиканской, необходимы министры республиканцы, республиканские газеты, депутаты-республиканцы и правительство республиканское. Внутренние опасности порождены буржуазией; чтобы победить ее, необходимо объединить народ. Все было до сих пор подготовлено для того, чтобы народ и в будущем остался под ярмом буржуазии, чтобы защитники республики были отправлены на эшафот. Враги революции восторжествовали в Марселе, в Бордо, в Лионе. Они победили бы в Париже, если бы не последнее восстание. Необходимо, чтобы это восстание было продолжено до тех пор, пока не будут приняты необходимые меры для спасения республики. Необходимо, чтобы народ объединился вокруг Конвента и чтобы Конвент был тесно связан с народом..."

Это и привело Робеспьера к необходимости создать революционное правительство. Позже, 25 декабря, он говорил: "Теория революционного правительства так же нова, как и сама революция, его создавшая. Ее не надо искать ни в книгах политических писателей, которые не предвидели этой революции, ни в законах тиранов... Для аристократии термин "революционное правительство" лишь символ террора или объект клеветы. Для тиранов это только недоразумение, для большинства людей — загадка... Цель конституционного правительства — сохранить республику. Цель революционного правительства — основать ее. Революция — это борьба свободы против ее врагов. Конституция — это правление свободы, уже одержавшее победу и установившее мир. Революционное правительство нуждается в развитии чрезвычайной энергии именно потому, что оно находится в состоянии войны". Исходя из этих принципов, декрет Конвента 10 октября установил во Франции временное революционное правление впредь до заключения мира, оставив, таким образом, конституцию 1793 года как памятник добрых намерений для лучших времен.

Революционная диктатура была закреплена законом. Конвент стал теперь законодательным органом этой диктатуры. Он опирался в своей деятельности на народных представителей в армии и департаментах; к его услугам были секретные национальные агенты. Повсюду на местах опорой диктатуры служили народные общества. Эти народные общества были не только руками, но головой и сердцем революционной власти. Об этом говорит циркуляр Комитета общественного спасения, обращенный к народным обществам 4 февраля 1794 года: "Вы будете нашими могучими помощниками. Представители народа образуют с вами неразрывную цепь. Вы начнете со строгого пересмотра своего состава, чтобы провести своих членов через горнило чистки. Негодяи часто подражали вашей внешности и хотели скрыть свои преступления под той неприкосновенностью, которая должна охраняться только добродетелью". Революционная диктатура не могла примириться с оппортунизмом и двурушничеством. Она объявляла войну всем колеблющимся и подозрительным. Законы о печати, о революционном трибунале, декрет о подозрительных доказывают, что революционная диктатура приняла решительные меры против врагов революции — меры, вытекающие из осадного положения республики. Революционная диктатура делала свое дело. Но вопрос был в том, в чьих руках окажется это острое оружие. В конце концов ни одна из борющихся сторон в августе — октябре 1793 года не возражала против необходимости воспользоваться диктатурой, этим мечом гражданской войны. Речь шла только о том, чьим интересам будет служить это оружие? В руках ли контрреволюционной Жиронды или Дантона — этого "нового жирондиста", в руках ли Робеспьера — вождя мелкой буржуазии, или плебейской оппозиции, предместий Парижа, Лиона и Реймса будет разящий меч? Спор решался не к парламентских прениях, а в жестокой классовой борьбе.

Дантон, в июле отстраненный от власти, внимательно присматривался к борьбе фракций. Не удастся ли ему еще раз возглавить революцию, устранить своих противников и твердой рукой направить революционную диктатуру? В августе-сентябре 1793 года он попытался это сделать, опираясь на Робеспьера в борьбе с плебейскими массами предместий, не без успеха применяя социальную и революционную демагогию. Он попытался это сделать вторично в ноябре-декабре 1793 года, ведя борьбу с Робеспьером во имя лозунгов "милосердия" и прекращения революции. Но в том и в другом случае это были жалкие попытки великого оратора, "исчерпавшего себя", жалкие попытки той фракции французской буржуазии, которая мечтала о том, чтобы народ остался на службе ее классовых идеалов и не дерзнул выступить во имя своих собственных целей.

После поражения 10 июля Дантону пришлось заняться самозащитой. В Тулон по рекомендации Дантона был послан инспектором Нейрон. Он перешел на сторону врагов и нанес революции немало вреда. Пришлось давать объяснения. Конвент принял объяснения трибуна без особого доверия. Спустя два дня Дантон выступает как защитник граждан, пострадавших от произвольных арестов. Его не удовлетворяет та сумма вознаграждений, которую установил Конвент. Он готов ее увеличить до 600 ливров для всякого, кто несправедливо был лишен свободы больше, чем на три месяца. Конвент вынужден усилить меры революционной диктатуры: Дантон ищет их ослабления. Убийство Марата вызвало среди предместий взрыв ненависти к контрреволюции. С этим нельзя было не считаться, нельзя было ограничиться той двусмысленной фразой, которую Дантон произнес по поводу смерти Друга народа: "Его гибель послужит делу революции не меньше, чем его жизнь". Нужно было вновь приспособиться к требованиям революционных масс. Дантон умел это делать. 22 июля он, прежний защитник генерала Кюстина, выступает против обвиняемого. Дантон заявляет: "Секрет всякого правительства состоит в умении наказывать и вознаграждать". Дантон в ближайшие же дни настаивает на решительной чистке администрации от агентов контрреволюции. Он протестует против того, что изгнанные священники будут посланы на французских кораблях в Гвиану и тем самым "опозорят" французскую республику: с ними нужно поступить проще и пусть они, если хотят, объединяются "под знаменами кардинала Мори".

Все эти выступления были только началом нового поворота, характеризующего деятельность Дантона ближайших месяцев. Он попытается вновь найти путь к революционным массам. 31 июля 1793 года Шабо докладывает Конвенту о том, что ассигнации с изображением "тирана" Людовика XVI среди коммерсантов торгово-промышленного юга да и в самой столице идут с надбавкой в 10 процентов. Шабо потребовал принятия решительных мер. В дебатах принял участие Дантон. "Кто выносит на своих плечах всенародное бедствие? Кто проливает свою кровь в защиту свободы, кто борется с финансовой буржуазной аристократией? — Это те, у кого нет королевской ассигнации в 100 ливров. Действуйте беспощадно, какое вам дело до ропота аристократов..." Дантон требовал, чтобы национальный долг выплачивали крупные капиталисты. Он добавил: "Я небольшой знаток финансов, но я твердо знаю, в чем благо моей родины. Богачи трепещут в ожидании этого декрета, а то, что губительно для них, может быть только выгодно народу" (Аплодисменты).

Это была та же "теория" уступок народным массам, которую он защищал еще со времен революции 10 августа. Дантон не учел, что этих уступок теперь было совершенно недостаточно. 31 июля в клубе якобинцев обсуждается вопрос о том, чтобы к годовщине 10 августа все учреждения республики были очищены "от шайки разбойников, именуемой аристократами". Эбер поддерживает эту просьбу, но он возражает против того, чтобы в список были включены священники, потому что это может вызвать волнения среди крестьян; специальные меры против попов не вызваны особой необходимостью. Дантон взял слово. Он польстил якобинцам, спасшим республику, он отбросил всякие разговоры о человеколюбии: "Мы не должны больше делать уступок врагам революции. Мы должны смотреть на них только как на изменников революции. Железо должно прийти на помощь разуму... Принципы великого разума гласят, что не следует поручать выполнение дела тем, в чьих интересах погубить его. Вы не должны доверять охрану вашей свободы аристократам". Он поспешил солидаризироваться с предложением Эбера о священниках; он только возразил против его излишней умеренности. Дантон напал на министра внутренних дел за его нерешительность и потребовал создания новой революционной армии в 300 тысяч человек для борьбы с контрреволюцией.

Естественно, что, оставаясь последовательным, Дантон в августе-сентябре 1793 года должен был поддержать идею революционного правительства. Он высказался за него в своей блестящей речи в Конвенте: "Великолепно! Станем грозными, будем вести войну, как львы. Почему не создать нам временное правительство, которое усилит национальную энергию сопротивления?" Более того, он предложил приступить ко всеобщей переписи запасов продовольствия, чтобы уничтожить голод. Он объявил священную войну изменникам и предателям отечества. Дантон угрожал Конвенту: "Народ доверяет вам, будьте же велики и достойны его доверия. Если слабость помешает вам спасти его, он спасется без вас..." (Гром аплодисментов). Эту фразу, как мы знаем, оратор повторял неоднократно в годы революции, в момент подъема революционного движения, накануне восстания. Он мог позволить себе в заключение поговорить о своей личности, доказать трибунам еще раз, что он готов "пожертвовать собою во имя революции". Характерно, что на этом заседании Робеспьер проявил гораздо больше умеренности.

12 августа Дантон поддержал требование народа об аресте подозрительных. Одна из петиций настаивала: "Арестовать всех подозрительных лиц, отправить их затем к границам как авангард грозной массы санкюлотов, поставив их в первые ряды. Женщины, старики и дети этих подозрительных будут оставлены в качестве заложников под охраной жен и детей санкюлотов".

Это было жестокое требование, но оно было вызвано грозным временем. Дантон поддержал его, он довел требование до крайности: "Нет, мы не дадим амнистии изменникам! Честный человек не милует злодея. Дадим исход народной мести, опустив меч закона на головы заговорщиков". Он возражал против пополнения армии контрреволюционерами. "Не требуйте,— говорил он,— чтобы их вели на врагов. Они окажутся там более опасными, чем полезными. Заключим их в тюрьму, они будут нашими заложниками". Встреченный энтузиазмом депутатов и народа на трибунах, он смог вновь повторить свои программы 1792 года: всеобщее массовое ополчение, создание армии из 400 тысяч человек, учет оружия и продовольствия.

Характерно, что каждый раз, когда Дантон пытался возглавить массы, он в своих речах как оратор подымался на высоту революционных задач эпохи. Это не было простой демагогией; в этом была гениальность революционного политика буржуазии великой эпохи.

К Дантону привлечено внимание со всех сторон. Его вновь охотно и с энтузиазмом слушают в Конвенте и якобинском клубе. Робеспьер прекрасно оценил значение его выступления в борьбе с "бешеными" и эбертистами, чья активная деятельность угрожала политике Конвента. Он поощряет Дантона, он защищает его в это время.

Популярность Дантона растет изо дня в день. Какое значение имеет тот факт, что 21 августа Барер публикует письмо, найденное в портфеле бежавшего депутата, письмо, в котором Дантон предлагает установить диктатуру над буржуазной Францией? Возможно, что подобное обвинение дискредитирует его в глазах буржуазии, но зато он выигрывает в мнении плебейских масс, а это теперь самое главное.

Ему ничего не стоит 26 августа в якобинском клубе отпарировать личные нападки Эбера, нападки по поводу его женитьбы на молодой Луизе. "Возьмите мою голову, — заявляет он патетически, — или признайте меня хорошим патриотом". Голова еще прочно сидит на его плечах, но признать его хорошим патриотом не так-то уже легко. Обращение Дантона свидетельствует само по себе о том, что в широких революционных массах революционные чувства Дантона вызывали теперь сомнения. Дантон гордится тем, что он родился санкюлотом, но забывает, что Жак Ру и Эбер, выступавшие против разбогатевших депутатов, против разбогатевших за счет бедняков народных представителей, имели в виду и его — Дантона.

5 сентября парижские рабочие потребовали от Конвента приема делегации. Шометт предложил законодателям немедленно создать революционную армию, армию рабочих предместий. Какой удобный случай для Дантона привлечь всеобщее внимание! Он появляется на трибуне, его встречают бурные овации. Он поддерживает предложение крайних революционеров о немедленном создании секционной армии и в то же время делает недвусмысленный выпад против эбертистов: "Пусть не пугают вас попытки контрреволюционеров поднять восстание в Париже. Конечно, они стремятся погасить самый яркий очаг — свободу, но, масса истинных патриотов, санкюлотов, сотни раз устрасавших своих врагов — еще жива. Они каждый миг готовы броситься в бой. Умейте управлять ими, и они разрушат все козни врагов". Дантон предлагает оплачивать рабочим время, потраченное на заседаниях в секциях, он требует ассигнований для массового изготовления оружия, чтобы вложить ружье в руки каждого гражданина — истинного патриота: "Пусть же Франция вся превратится в гигантский военный стан, оцетинившийся штыками и заставленный огненными жерлами. Для родины, находящейся в опасности, всегда хватит граждан, готовых ее защитить". Дантон идет до конца, он предлагает расширить полномочия революционного трибунала и усилить террор. Речь его имела исключительный успех. В Конвенте повторились сцены августа 1792 года. Газеты наполнены подробностями народного энтузиазма. Под бурные аплодисменты и возгласы: "Да здравствует республика!" — Дантон покинул трибуну. Его встречали стоя, поднимали вверх руки, бросали шляпы; собрание не могло успокоиться в продолжение пяти — десяти минут. Предложения Дантона были приняты.

Дантон мог торжествовать победу. Но победу не долгую, потому что позиция, занятая им, была только тактическим маневром. Дантон стремился вырвать массы из-под влияния Эбертистов, но отнюдь не думал заменить Эбера в качестве вождя плебейских масс. Это и обнаружилось в ближайшие дни.

6 сентября Конвент находился под впечатлением тяжелых известий, полученных с фронта. Лион оказывал сопротивление войскам Республики; Тулон был сдан англичанам. Дантон выступил с требованием "присоединить к национальной энергии политические средства". Он утверждал, что недостаточно бить врага оружием, необходимо использовать "людские пороки". Он потребовал несколько миллионов, "умело распределенных для того, чтобы уничтожить врагов революции". Дантон забыл, или точнее думал, что другие забыли о том, как он распорядился секретным фондом в августе-сентябре 1792 года. Впрочем, нет! Он предложил себя как человека, прекрасно знающего "людские пороки" для применения "политических средств". "Я не состою и никогда не буду состоять в каком-либо комитете,— многозначительно добавил он, — но я заявляю, что Комитет общественного спасения состоит из истинных патриотов..." Иначе говоря, он предложил себя в члены Комитета общественного спасения. Его друзья так это поняли. Один из них, Гастон, поспешил с предложением: "У Дантона революционная голова. Он один может воплотить двоя

свою идею. Я предлагаю включить его, помимо его воли, в состав Комитета общественного спасения". Предложение было встречено аплодисментами и принято Конвентом.

Итак, Дантон опять во главе революционной власти! Но он сам понимал, что ожидает его на этом посту, он понимал, что ликвидация крайних требований эбертистов в данный момент не означает ликвидации социально-политической программы революционных низов. Он не решился поэтому принять избрание и потребовал у Конвента отставки. Конвент принял его отставку. Дантон предпочитал, так заявлял он в своей речи 13 сентября, "не быть членом одного Комитета, но толкачом для всех комитетов". Торжество Дантона было мнимым. С 13 сентября по 22 ноября он не произносит ни одной речи. Он скрылся из Парижа и не отвечает на обвинения, предъявленные ему 21 сентября в клубе Кордельеров: "Этот человек (Дантон) нас убаюкивает громкими словами. Он бахвалится своим патриотизмом. Неужели он думает, что мы навсегда останемся глупцами?"

Дантон объявил себя больным. Это совпало как раз с тем моментом, когда старый клуб Кордельеров, созданный и возглавляемый Дантоном в продолжение первых лет революции, перешел на сторону его врагов. Дантон понимал, что он потерял опору в массах. В это время был решен вопрос о казни жирондистов. Дантон не мог сопротивляться этому решению, он чувствовал свое бессилие. Не забудем также, что в октябре 1793 года революционная диктатура принялась за чистку Конвента от всех нуворишей, спекулянтов и предателей. Все это вместе объясняет нам "неврастению" Дантона, на которую ссылаются его биографы.

Дантон нанял себе дом в Шуази, где поселился со своей молодой женой. Затем он отправился с нею к родственникам в Севр и здесь отдыхал от революционных бурь. Один из приятелей в беседе с ним сказал: "О, если бы я был Дантоном!" Дантон с возмущением ответил "Дантон спит, но горе, если он проснется!" 13 октября он направил письмо Конвенту с просьбой дать ему отпуск, ввиду болезни; он просил разрешить ему отправиться на родину, в Арси. Не дожидаясь решения, Дантон выехал из Парижа. В распоряжении историков имеется некоторый материал для суждения о том, что делал он у себя на родине. Трибун решительно отказался от всяких занятий политикой. Его интересовало только его имение, его дом. Он обставил этот дом с буржуазной роскошью и умудрился в эти недели скупить ряд земельных участков за несколько тысяч ливров. Его биограф Мадлен не без иронии замечает: "Этот революционер одевал свой фрак только для того, чтобы явиться к нотариусу подписывать земельные контракты".

С утра до вечера в халате как примерный буржуа он осматривал свой сад, земледельческие орудия, конюшню, где стояло несколько лошадей, и готовился образцово наладить хозяйство. Когда с ним пытались заговорить о политике, он с возмущением заявлял: "Не мешайте моему покою, никто не смеет требовать у меня отчета о моем безделье!" Но его покой был нарушен, когда его сосед ворвался к нему с парижской газетой в руках:

— Радостное известие! — воскликнул он.

— Какое? — спросил Дантон.

— Жирондисты казнены!

Трибун побледнел и заплакал. — Хорошо известие! Ты называешь его счастьем для революции? Несчастный! Ты ничего не понимаешь.

— Как, позволь, но разве они не были заговорщиками?

— Заговорщиками? — возмущенно возразил Дантон, — в таком случае мы все заговорщики. Мы так же достойны смерти, как и они. Впрочем, нас ждет та же участь...

Возможно, что эта беседа — легенда, но она кажется правдой тем, кто внимательно следил за его поведением в августе-сентябре 1793 года.

В ноябре к нему из Парижа был послан его близкий родственник Мерже предупредить о событиях: "Ваши друзья, — сказал он, — просят вас срочно вернуться в столицу. Робеспьер и его сторонники решили выступить против вас". Дантон пожал плечами: "Неужели они хотят моей смерти, моей головы? Они не посмеют!"

Мерже настаивал. Дантон после некоторых колебаний согласился:

— Поезжай, скажи Робеспьеру, — воскликнул он, — что я поспешу его уничтожить, его и его друзей.

Возможно, что и это — легенда, но не подлежит сомнению, что до Дантона дошли сведения о том, что целый ряд депутатов Конвента, в том числе Шабо, Фабр Д'Эглантин и др., в той или иной степени связанные с ним депутаты, подлежат суду революционного трибунала по обвинению в весьма неблагоприятных поступках.

8 ноября в 2 часа дня Дантон в последний раз в сопровождении жены, двух детей и двух слуг приехал в Труа, где протекали его школьные годы. 19 ноября он отправился из Труа в Париж.

Ему не удалось уничтожить Робеспьера; революция уничтожила его.

Все то, о чем говорили в Париже с 1789 года, слухи о продажности Дантона повторялись теперь настойчиво и грозно. В мемуарах современников, его врагов — Лафайета и мадам Ролан, в воспоминаниях роялиста Бертран де Мольвиля и якобинца Левассера — повсюду мы встретим указания на то, что Дантон в годы революции не брезговал золотом королевского двора и даже золотом английского министра Питта. Историки в продолжение десятилетий повторяли эти слухи, но не смогли придать им документальной достоверности. Даже Мишле, историк французской революции, называет его "подкупленным мятежником, получившим деньги за защиту двора". Эти обвинения мы находим у Луи Блана, Ламартина и у Виктора Гюго. Позже, к концу XIX столетия, мнения разошлись. Буржуазные республиканцы Франции, республиканцы-оппортунисты превратили Дантона в своего учителя, объявили его образцом республиканских добродетелей: они называли его "великим человеком, опозоренным клеветой". Один из наиболее знаменитых защитников Дантона, Лафитт, говорил при открытии его памятника в Париже 14 июля 1891 года: "Парижский муниципалитет проявил смелую инициативу. Я говорю "смелую", потому что нужно обладать большой храбростью, чтобы преодолеть массу предубеждений против этой великой памяти". Историк А.Олар и его предшественники — Робине, Бужар и др., взяли на себя в своих исследованиях задачу опровергнуть решение Конвента, который весной 1794 г. предъявил Дантону обвинение в продажности и взяточничестве.

Буржуазные республиканцы создали "культ" Дантона. В XX веке решительно и не без фанатизма выступил против Дантона мелкобуржуазный демократ историк Матьез. Чтобы воздвигнуть алтарь своему любимому герою — Робеспьеру, чтобы создать культ "Неподкупного", необходимо было обвинить Дантона и тем самым подтвердить решение революционного трибунала 1794 года. Матьез считает, что он в своих обвинениях не говорит ничего нового: "Я восстанавливаю только старое укоренившееся предание. Я надеюсь показать, что предание это обосновано и что законность его не вызывает никаких сомнений". Но нужно признать, что большинство аргументов, приведенных Матьезом и его предшественниками, служат лишь косвенными уликами. Прямых доказательств гораздо меньше, чем можно было ожидать, если вспомнить, что процесс против Дантона историки-демократы ведут уже почти 140—150 лет. Не удивительно, если даже в последние годы буржуазная историография игнорировала исследования Матьеза, попытавшегося прорвать тот "заговор молчания", который, с легкой руки А.Олара на протяжении нескольких десятилетий был организован историками Франции вокруг вопроса о процессе Дантона.

Послушаем одного из обвинителей Дантона, историка Луи Блана. "Личность Дантона, — говорит он, — производила на современников и его будущих биографов "неотразимое впечатление; большинство из них, говоря о нем, впадало в преувеличение"". Для одних он был Юпитер-громовержец, для других Сатана. В памяти всех современников образ Дантона связан был с образом Мирабо. Лицо Дантона, как и лицо Мирабо, было ярко выразительным, чувственным, то привлекательным, то отталкивающим в своем безобразии, но вместе с тем "изрытое и обезображенное оспой, с резво очерченным ртом и диким блеском всегда горевших глаз, оно светилось тем не менее добротой. Нельзя отрицать, что у Дантона были большие пороки и что он предавался страстям". Таким казался Дантон не только Луи Блану, историку революции, но я современникам. Последние всегда рисовали его человеком не бескорыстным, не слишком моральным. Он любил деньги и жизненные удовольствия, он не забывал о них в самые бурные дни революции.

Годфруа Кавеньяк, сын члена Конвента, рассказывал со слов своей матери, что однажды во время обеда с друзьями-якобинцами Дантон сказал, что пора и революционерам наконец воспользоваться жизнью; что роскошные отели, драгоценные ткани, тонкие яства и женщины должны быть наградой тем, кто завоевал власть; что революция, как всякая битва, должна закончиться дележом добычи между победителями. Луи Блан, рассказывая об этом, добавляет, что собеседники Дантона были смущены, а суровый республиканец Ромм выразил даже возмущение, глубоко опечаленный словами трибуна. Но Дантон разразился язвительным смехом. Он будто бы воскликнул: "Да неужели же вы думаете, что я не мог, если бы захотел, быть таким же санкюлотом, как всякий другой? Неужели вы думаете, что я не мог бы, — добавил он с циническим жестом, — показать задницу, как всякий другой". Луи Блан рассказывает об этой беседе, как об историческом анекдоте, но ряд других фактов свидетельствует, что в годы революции Дантон вел веселую и разгульную жизнь. Таким он остался в памяти современников — образцом энергии, безнравственности и даже цинизма, — веселым буржуа, в отличие от строгого пуританина Робеспьера и подпольного революционера Марата.

Но вернемся к обвинительному акту. Дантона обвиняли в продажности. На чем основаны были эти обвинения? В ноябре 1789 года французский посланник в Лондоне писал своему министру: "Я сказал (герцогу Орлеанскому), что в Париже есть два англичанина, один по имени Дантон, а другой по имени Паре (секретарь Дантона), которых некоторые подозревают в том, что они состоят специальными агентами английского правительства... Я не знаю, предпринимались ли меры для расследования, находятся ли в самом деле эти лица в Париже".

Гораздо позже, после ареста Дантона, весной 1794 года, в его бумагах было найдено письмо, адресованное министерством иностранных дел банкиру Перрего, которому поручалось оплатить некоторых английских агентов за оказанные Питту услуги. До сих пор неизвестно, как это письмо попало в руки Дантона. Матьез предполагает, что в нем было указано имя Дантона, и что это письмо во время процесса над трибуном было оглашено присяжным заседателям Революционного трибунала и повлияло на решение о смертном приговоре. Предположение Матьеза остается предположением. Однако письмо французского посланника — один из бесспорных исторических документов. Но вот второе, еще более серьезное, подтверждение обвинительного акта. В 1851 году была издана переписка между Мирабо и графом Ламарком. Из этой переписки мы узнаем некоторые любопытные подробности о Дантоне. Мирабо, как известно, состоял на службе у королевского двора, получая за свое предательство десятки тысяч ливров. В общей сложности он должен был получить один миллион после окончания работ Учредительного собрания, при благоприятном исходе королевского дела. По предложению Мирабо было создано специальное бюро тайной полиции во главе с членом Учредительного собрания Талоном, который должен был установить связи с якобинским клубом и патриотами предместий, подкупить популярных революционеров и подготовить грядущий переворот. В марте 1791 года Мирабо писал своему другу Ламарку о том, что агенты тайной полиции Бомец, Шапелье и Д'Андре обедали в компании Дантона и вместе с ним обсуждали вопрос об уничтожении тюремного замка Венсен. Затем Мирабо добавляет: "Дантон вчера получил 30 тысяч ливров, и у меня есть доказательства, что это он велел составить последний номер газеты Камилла Демулена". Впрочем, Мирабо огорчало то, что Дантон был привлечен в число тайных агентов. Он писал в письме по другому поводу: "Возможно, что я рискую шестью тысячами, но они по крайней мере потрачены более невинно, чем 30 тысяч Дантона. В сущности большая глупость не быть мошенником в этом низком мире". Письмо характерно для авантюриста Мирабо, но оно служит прямым доказательством каких-то переговоров, существовавших между Дантоном и королевской полицией.

Но эти данные Матьеза далеко не исчерпаны. Он ссылается еще на показания Талона, данные им спустя девять лет после казни Дантона. Талон, бежавший в Англию, после выгодных спекулятивных сделок разбогател и решил вернуться на родину во время консульства Наполеона. В сентябре 1803 года он был арестован. Во время допроса, подробности которого рассказывает Матьез, ему были заданы следующие вопросы: "Когда оставили вы Францию и куда направились?" Он ответил, что бежал из Парижа после 2 сентября 1792 года, получив паспорт от Дантона, министра юстиции. Затем: "Кто посоветовал вам попытаться объединить бывших кордельеров и что вы сделали для этого при жизни короля?" Он ответил: "У меня никогда не было никаких сношений с кордельерами. Я был связан с Дантоном, чтобы узнать все то, что должно касаться личной безопасности короля". На вопрос: "С какими английскими министрами вы имели дружеские политические сношения", — он ответил, что не находился в тесных сношениях с английским министерством, но он знает, что Дантон соглашался спасти всю королевскую семью изданием декрета об его изгнании. Он добавил, что иностранные державы, однако, отказались предоставить Дантону требуемую сумму; это и послужило причиной гибели короля. Показания Талона звучат грозно, но и они не являются прямым доказательством измены Дантона.

О переговорах дантоновского агента Ноэля в Лондоне, о переговорах трибуна с Ламетом читатель знает; мы говорили об этом выше, излагая январские события 1793 года. Мы знаем, что Дантон обещал свою помощь в деле спасения короля. Впрочем, как помнит читатель, он добавил, что, если дело не выгорит, он будет голосовать за его казнь. Теодор Ламет рассказывает в своих воспоминаниях, что испанский посол Окариц пытался подкупить членов Конвента, но у него для этого не хватало денег. Он надеялся получить их у главы английского правительства Питта, но Питт не хотел выдать наличными два миллиона. Впрочем, мы знаем, что большая сумма денег была в эти месяцы израсходована на подкуп некоторых из якобинцев. Депутат Конвента Шабо, поп-расстрига, весьма близкий к Дантону, получил 500 тысяч франков, а если верить одному из друзей Дантона, его двоюродному брату Филиппо, то сам Дантон получил от Ламета 150 тысяч ливров ассигнациями. Филиппо писал об этом Комитету общественного спасения во время процесса дантонистов, ссылаясь на слова жены Дантона.

Матьез не забывает напомнить и еще об одном факте: бывший морской министр Бертран Де Мольвиль во время процесса над королем написал письмо Дантону, требуя, чтобы он голосовал за сохранение жизни королю, иначе он сообщит о подкупе кому следует. Дантон не ответил, тогда Бертран послал министру юстиции Гара пакет со всеми компрометирующими документами, разоблачающими подкуп Дантона и других членов Конвента. Бумаги эти попали, однако, от Гара к тому же Дантону и были, таким образом, скрыты. Вот и все основное, что сообщает Матьез о продажности и взяточничестве Дантона. Слишком мало для окончательного суждения о Дантоне как преступнике, но достаточно для того, чтобы породить сомнение в революционной искренности народного трибуна и во всяком случае достаточно для того, чтобы уничтожить легенды о Дантоне, как о "добродетельном и великом республиканце".

Но Матьез подходит к дополнительной проверке обвинительного акта еще с другой стороны. Он пытается установить размеры состояния Дантона, выяснить, откуда и каким образом создалось его богатство. Мелкий адвокат в 1787 году, он в последующие годы разбогател и, как утверждают современники, вел роскошный образ жизни. Мы знаем, что уже в апреле 1791 года Куртуа, друг Дантона, опубликовал брошюру "Письмо к французскому патриоту", опровергающее слухи о его продажности. Куртуа доказывал, что Дантон приобретал национальные имущества на свое жалование. Дантон оправдывался неоднократно, и все же слухи и клевета делали свое дело. Он вынужден был осенью 1793 года заявить в якобинском клубе: "Вы будете удивлены, когда я познакомлю вас со своей частной жизнью, когда увидите, что "колоссальное" состояние, которое приписывали мне мои и ваши враги, сводится к небольшому имуществу, которым я всегда владел". Но слухи не прекращались. Каково же было в самом деле состояние Дантона? Нужно отдать справедливость Матьезу, он проделал для освещения этого вопроса огромную кропотливую работу. Он проверил свидетельские показания, нотариальные акты, архивные документы в Париже и на родине Дантона. Его выводы представляют собой дополнительный материал для обвинения. Когда в эпоху июльской монархии адвокат Николай Вильоме собрался написать историю революции, он обратился к сыновьям Дантона с просьбой выступить на защиту памяти отца. Сыновья доказывали в 1846 году, что Дантон разбогател честным способом, но просили не опубликовывать текста защиты. Это было сделано позже биографом Дантона Робине в его работе "Мемуары о частной жизни Дантона".

Матьез попытался проверить данные, представленные сыновьями Дантона. Когда Дантон женился (в 1787 году) после покупки должности члена судебного королевского совета, он имел долг в 53 тысячи ливров. Его адвокатская контора была ликвидирована в апреле 1791 года, а в октябре того же года он получил как возмещение 69.031 ливр и 4 су. Он расплатился со своими долгами и продолжал скупать один участок земли за другим. Возникает вопрос, каким образом и за чей счет ему удалось ликвидировать старый долг в 53 тысячи ливров? Адвокатская практика вряд ли приносила ему большой доход. Матьез не находит ответа на этот вопрос, внимательно анализируя опись имущества Дантона, составленную после его казни. В марте и апреле 1791 года еще до ликвидации конторы Дантон приобрел три национальных имения за 57 тысяч ливров. Кроме того, он купил дом в Арси-сюр-Об за 25.300 ливров, иначе говоря он за две недели истратил 82.800 ливров, выплатив деньги тут же, наличными. На этом, однако, как мы знаем из предшествующих глав, его земельные приобретения не кончились. Сверх указанных имений он купил еще земли на 43.650 ливров; общая стоимость его владения составляла, по крайней мере, 125 тысяч. Матьез прав — Дантон стал крупным землевладельцем департамента Об.

Его имение насчитывало сотни гектаров, кроме того, дом его сестры наполовину принадлежал ему. Он обладал не только недвижимой, но и движимой собственностью: в его четырех больших домах было пять лошадей, сто сажень дубовых дров, огромные запасы досок, немало бочек доброго бургундского вина и весьма комфортабельная обстановка. В ноябре 1793 года, как мы знаем, он нанял квартиру в замке герцога Коаньи в Шуази; обстановка этой квартиры стоила 1600 ливров. Словом, внимательно подсчитывая состояние трибуна, Матьез приходит к следующему выводу: "Дантон к моменту своей смерти владел значительным состоянием; 12 тысяч ливров движимого имущества, 125 тысяч приобретенного земельного имущества, на 30 тысяч различной мебели и 12 тысяч с половиной ливров капитала пожизненной ренты — всего 179 тысяч 500 ливров". Впрочем, эта сумма несколько ниже действительной, утверждает Матьез, к ней нужно прибавить еще 10 тысяч франков, назначенных по брачному контракту второй жене и 30 тысяч ливров — подарок той же жене. За вычетом кое-каких мелких долгов состояние Дантона в апреле 1794 года равнялось 203 тысячам ливров. Не забудем, что в 1787 году он обладал собственностью всего в 12 тысяч ливров.

Дантон разбогател, конечно, не за счет своей адвокатской практики и не за счет своего депутатского жалования; оно составляло не больше 18 франков в день. Согласиться ли нам с Матьезом, что Дантон составил себе состояние взятками и изменой? Будем осторожны. Не более ли достоверно то, что Дантон, как многие и многие буржуа-революционеры своей эпохи, был занят спекуляцией национальными имуществами и этим создал свое состояние? До 1793 года покупка национальных имуществ считалась выполнением революционного долга перед отечеством. Законодательное собрание поощряло операции по покупке национальных земель. Конечно, демократу и якобинцу следовало скрывать свои сделки, но подобные сделки могли создать и создавали состояния многих. Сам Матьез вынужден сообщить, что после смерти Дантона революционные власти получали доносы с разных сторон о том, что Дантон через подставных лиц приобретал национальные имущества. Утверждают, что прекрасный дом, купленный в Севре на имя Шарпантье в октябре 1792 года, принадлежал Дантону. Считают также, что замок в Шуази, где была его квартира, на самом деле был его собственностью, а номинальный владелец замка лишь подставным лицом. Земляки утверждали, что Дантон покупал в окрестностях Арси земли от имени своей матери, родственников и гражданина Бажо, по прозвищу Торси, сына содержателя табачных складов. Все это возможно, подробностей мы не знаем. Но если Дантон принимал участие в

спекуляциях национальными имуществами, что делали и другие депутаты-законодатели, то тайна его богатства раскрывается сама собой, без рискованных предположений о прямой измене и подкупе его королем и английским министром Питтом.

Впрочем, по-видимому, были и другие источники обогащения. Вспомним споры о секретных ассигнованиях правительству в августе-сентябре 1792 года. Кое-что из этих сумм могло попасть и в руки нашего трибуна. А подтвержденное документами обвинение о трех фургонах с тонким бельем и серебром, которое было послано из Бельгии на адрес Дантона и Делакруа в февралемарте 1793 года? Это и еще многое другое. Современники передавали анекдот, что, когда Лафайет обвинил Дантона в получении 4 тысяч луидоров из рук министра Монморена, он ответил: "Охотно дают 80 тысяч франков такому человеку, как я, но нельзя получить за 80 тысяч франков такого человека, как я". Конечно, эта фраза, если она была произнесена, рисует нам образ Дантона как оппортуниста не только в политике, но и в личной жизни. Подобная сентенция не только не смывает пятно позора с революционера, но заставляет нас лишний раз подчеркнуть, что трибун не стеснялся средствами, когда речь шла о собственном благополучии.

Была ли вся политическая деятельность Дантона продиктована стремлением к наживе? Матьез хочет убедить нас в этом. Но слабость его доказательств выражается в том, что он делает слишком большой упор на скудные и косвенные улики. Ему удалось доказать, что буржуа-революционер Дантон был сыном своего класса, стремящимся к торжеству буржуазной собственности над собственностью феодальной, что свое богатство он рассматривал как военную добычу революционных лет. Но Матьез не смог доказать, что за всем этим не скрывалось никакой политической программы, а только личное предательство и преступная измена. Классовые пороки Дантона Матьез расценивает как его личные пороки, а таланты и политические успехи его он не объясняет иначе, как результатом "случайностей" и "стечением обстоятельств". Слабые стороны методологии исследования мелкобуржуазного историка дают себя знать. Матьез не может понять того вывода, к которому пришел американский посланник в Париже Моррис, писавший из Парижа в Вашингтон 10 апреля 1794 года, спустя несколько дней после казни Дантона: "Дантон всегда думал, и это составляло его несчастье, что система народного управления во Франции нелепа, что чернь слишком невежественна, слишком непостоянна, слишком испорчена, чтобы создать администрацию, основанную на законности, привыкшую повиноваться. Ей нужен господин. Дантон был слишком необузданно честолюбив и слишком слаб, чтобы добиться высшей власти. Притом он больше стремился к обогащению, чем к славе".

Осенью 1793 года вопрос о продажности отдельных депутатов Конвента живо обсуждался в парижских предместьях. Еще в июле Камбон, руководитель финансовой политики, заявил Конвенту от имени Комитета общественного спасения: "С того момента, как я вижу Питта, ассигновавшего пять миллионов фунтов стерлингов на секретные расходы, я не удивляюсь, что эти деньги порождают восстания в нашей республике..." Враги революции пытались свергнуть республику подкупом отдельных революционеров; английский банкир Вальтер Бойд, открывший контору в Париже, привлек к себе депутатов Делоне и Шабо. За 200 тысяч ливров он добился их поддержки. Когда в ночь с 7 на 8 сентября Комитет общественной безопасности наложил арест на его капитал, Шабо помог ему благополучно удрать в Англию. Другой банкир, австрийский подданный Проли, принимавший активное участие в политической жизни Франции, был в дружеских отношениях с Камиллом Демуленом и другими дантонистами. Дантон оказывал ему покровительство, а через купца Дефье Проли был тесно связан с виднейшими якобинцами. Ту же роль выполнял и ряд других финансовых агентов европейской феодальной коалиции.

То, что историки обычно называют "заговором иностранцев" осени 1793 года, было, бесспорно, контрреволюционным заговором буржуа-якобинцев, организованным для охраны состояния, созданного выгодными спекуляциями в годы революции. Самые преступные из них: Шабо, Жюльен из Тулузы, Базир — были изгнаны из правительственных комитетов. Обыск в квартире Жюльена дал немало материалов для выяснения их связи с иностранными банкирами и спекулянтами, поставщиками армии. Дантон был близок к ним; впрочем, о его прямом соучастии в их сделках мы ничего не знаем. В конце июля было раскрыто скандальное дело о снабжении армии спекулянтом Эспаньяком; он зарабатывал сотни тысяч, пользуясь поддержкой Делакруа, Шабо и Жюльена. В сентябре еще один близкий друг Дантона республиканец Робер был арестован по обвинению в спекуляции ромом. Но самым крупным из событий было дело Ост-Индской компании. Война, объявленная якобинцами коммерческой аристократии, неизбежно должна была привести к закрытию биржи и ликвидации финансовых компаний. В августе решение было принято, но депутаты, члены Конвента: Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, Фабр Д'Эглантин — одновременно играли на понижении акций, заработав на этом изрядную сумму.

За спиной всех этих депутатов стоял знаменитый авантюрист, барон де Бац. Он был связан с Дантоном и другими депутатами-якобинцами через своего агента Бенуа. В августе 1793 года у него на квартире в Париже за роскошным обеденным столом собирались депутаты-спекулянты и обсуждали вопросы не только денежного порядка, речь шла и о политике. Есть основания предполагать, что здесь разрабатывались планы спасения королевы Марии-Антуанетты и депутатов Жиронды. Шабо позже признался, что для этого был ассигнован миллион. 8 октября один из собутыльников, депутат Делоне, предложил Конвенту декрет, регулирующий вопрос о ликвидации Ост-Индской компании. Фабр Д'Эглантин добился, чтобы ликвидация была совершена правительственными агентами и под их контролем. Редакция окончательного текста резолюции была передана в комиссию. Когда резолюция эта была опубликована, оказалось, что она была подделана. Фабр Д'Эглантин утверждал, что он подписал ее, не читая. Исторические исследования доказали, однако, что он принял участие в подделке декрета, соблюдая выгоды финансовой компании, получив за это крупный куш в 500 тысяч ливров. Спустя некоторое время эта банда депутатов была арестована. Чистка Конвента от спекулянтов и предателей началась. Она упорно продолжалась во все последующие месяцы и составляла как бы часть программы революционной диктатуры, возглавляемой Робеспьером.

Расхождения между Дантоном и Робеспьером касались не только политических вопросов, их отделяло друг от друга целое мировоззрение, представление о морали и о личном поведении. 5 февраля 1794 года Робеспьер прочел в Конвенте доклад о принципах государственной морали. Он заявил, что революция стремится к мирному наслаждению свободой и равенством. Основной принцип демократического правительства заключается в добродетели. Для Дантона наслаждение было великим стимулом личного поведения, для Робеспьера — добродетель. "Из всего хода нашей революции видно, — сказал Робеспьер, — что все безнравственное является и политически непригодным, все, клонящееся к разврату, носит контрреволюционный характер. Мы больше не хотим заключать республику в тесные рамки Спарты. Мы не хотим придать ей ни строгости, ни испорченности монастырских нравов. Мы изложили здесь во всей чистоте принципы морали и политического поведения истинного народного представительства". Так рассуждал теоретик мелкой буржуазии, мечтавший о создании республики равенства, равенства мелких собственников. Для Дантона этот идеал был чужд и неприемлем. Буржуазная республика призвана была открыть широчайшие возможности для обогащения немногих за счет большинства. О какой "морали" в таком случае может идти речь? Эта мораль должна быть подчинена политическим задачам господствующего класса. Все это, и прежде всего разница их политических программ, делало неминуемым столкновение между Дантоном и Робеспьером, между дантонистами и робеспьеристами. Сен-Жюст был прав: "Они хотят сломать эшафоты, потому что боятся, что им самим придется взойти на них".

Зима 1793/94 года была ужасной. Это была самая тяжелая зима за все годы революции. Голод душил население больших городов; от дороговизны страдали прежде всего трудящиеся массы. Мясо исчезло, хлеб был дорог и недоступен. У лавок росли очереди, в очередях происходили жестокие схватки за кусок хлеба.

"Из-за крайней трудности получить хлеб начали образовываться скопления людей, прозванные впоследствии в народе хвостами: то были длинные ряды женщин, становившихся попарно перед дверьми булочных еще до рассвета... Как удивительна была борьба наших предков, — писал Луи Блан, — со всеми как бы сговорившимися между собой бедствиями. Дело в том, что к голоду присоединились еще и чрезмерные холода. Уже два года парижане за недостатком топлива отапливались углем, который покупали изо дня в день. Уголь стал большой редкостью. В каждую гавань его приходило только по одной барке. Чтобы добиться своей очереди, нужно было прождать, по крайней мере, три ночи... Когда Сена замерзла, приходилось отправляться за дровами в ближайшие леса. Старики возвращались оттуда, согнувшись под тяжелыми вязанками, напоминая басню о "Смерти и бедняке". Бывало ли такое время, есть ли такая страна, где общественные бедствия породили бы столь гнусную спекуляцию? Негодня выползли из грязи воровских трущоб, продавая сажень дров по 400 франков, и случалось, что бедные отцы семейств распиливали на дрова свои кровати, чтобы сварить пищу детям. Бассейны в городе замерзли, и водовозам приходилось ездить за водой в отдаленные концы реки, причем они брали по 20 су за каждую поездку... Когда фонтаны оттаяли, за водой тоже начали образовываться хвосты..."

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

Спекуляция усиливала голод, несмотря на грозные законы Конвента против ажиотажа, несмотря на закон о максимуме. Стоимость денег упала в пять раз. Цены на продукты первой необходимости возросли в десятки и сотни раз. Рост заработной платы далеко не соответствовал этой бешеной дороговизне. В этих тяжких условиях плебейские массы города и деревни отстаивали дело революции, борясь против внешних и внутренних врагов. Революционный народ, однако, не забыл своей великой цели — преобразования Франции в Республику труда. В борьбе с духовенством, этой опорой старого порядка, решено было в октябре 1793 года объявить войну не только попам, но церкви и религии. Антирелигиозная политика приняла в эти месяцы массовый атеистический характер. Борьба против бога связана была с борьбой против королей и богачей. В этом была сила атеистического движения. В октябре и ноябре, когда разрушались церкви, уничтожались предметы культа, с амвона провозглашен был культ Разума. Конвент под давлением масс вынужден был расширить свою программу социально-экономических преобразований, восполнить политическую диктатуру диктатурой экономической. Лозунги обобществления национальных богатств приобретали популярность в широких народных массах. В газетах левых якобинцев предлагались мероприятия по национализации урожая. Когда Фуше, автор одного из наиболее радикальных атеистических декретов, в сентябре 1793 года издал приказ об уничтожении культа, он одновременно предложил установить контрибуцию на богачей. Фуше выдвинул лозунг, ставший исключительно популярным в конце 1793 года: "Стыдно быть теперь богатым". Борьбу с религией революционеры рассматривали в это время как завершение своей деятельности. Они говорили: "После того, как мы разрушили трон, низвергли короля, изгнали дворянство, уничтожили все суеверия, связанные со старым порядком, нам осталось сделать еще один серьезный шаг в области философии. Осталось побороть еще одно, быть может, еще более постыдное, более унижительное суеверие, которое вот уже 17 веков держит сменяющиеся поколения под гнусным игом священника. Это суеверие есть религия".

В столице в соборе Парижской Богоматери 20 ноября праздновали культ Разума. Праздник возглавлял один из представителей Коммуны, левый якобинец Шометт. В своей речи он показал народу связь, существующую между властью бога и богачей над сознанием плебейских масс. Народ предместий, присутствовавший на празднестве, восторженными криками выражал свое одобрение. Казалось, наступает эра свободы, равенства и братства.

Размах революционного движения не мог, однако, не вызвать ожесточенной борьбы фракций в рядах якобинцев. В социальном отношении это был союз различных классов, на правом крыле его находились дантониисты, верные идеалам буржуазной республики. Они опирались в Конвенте на депутатов Болота, мирных буржуа, идущих на героические мероприятия под давлением народа и грозных опасностей для революции. На левом крыле была пестрая масса якобинцев, крайнее крыло которых получило название эбертистов, по имени редактора газеты "Папаша Дюшен" Эбера. Но эту группу возглавлял не только он. Решающую роль среди эбертистов играл прокурор коммуны, популярный в рабочих предместьях, молодой Шометт. Эбертисты опирались на рабочие массы предместий, на разоренных ремесленников, на мелкий люд и бедноту. Плебейские массы хорошо знали, с кем надо вести борьбу, — они вели борьбу с дороговизной и нуждой; они стремились свергнуть власть буржуазной аристократии, они мечтали о "царстве равенства", они верили, что гильотина сделает свое дело и равенство восторжествует. Эбертисты не стремились к коммунизму, они были его врагами. Они были мелкобуржуазными демократами, предполагавшими, что они продолжают дело Марата. Их политическая программа была не ясна прежде всего и для них самих. Вот почему грозные плебейские массы парижских предместий весной 1794 года не смогли повести революцию дальше цели, намеченной вождем революционной диктатуры Робеспьером. Робеспьеристы были третьей политической группой в якобинском блоке. Они представляли собой широкие мелкобуржуазные массы города и деревни. Их программа была революционной программой народа Франции. Они ненавидели дантониистов, эту партию "новой Жиронды", но они с ужасом наблюдали за грозной плебейской стихией, не зная, что она несет за собой. Робеспьер хотел возглавить эти массы во имя своего идеала демократической республики "равных мелких собственников". Это была утопия, поскольку она хотела положить предел развитию капитализма; это была утопия, поскольку ее создатели думали уничтожить нищету, сохраняя собственность и буржуазное общество.

Робеспьер в своей речи 5 февраля 1794 года, защищая добродетель, утверждал, что добродетель и террор являются его опорой: "Добродетель, ибо без нее террор может стать гибельным, террор — ибо без него добродетель бессильна". Исходя из этих принципов, он объявил войну обеим политическим партиям: буржуазной партии дантониистов и плебейской партии эбертистов. "Одна из этих клик, — говорил он, — толкает нас к слабостям, другая — ко всем крайностям. Одна хочет превратить свободу в вакханку, другая — в проститутку". Одним дали кличку "умеренных" другим — скорее остроумное, чем правильное прозвище "ультрареволюционеров". Но кроме того, существовала еще одна клика, широко распространенная в секциях Парижа, да и по всей Франции, клика "лжереволюционеров", людей, которые, подобно члену Конвента Эро де Сешелю, на вопрос, к какой они партии принадлежат, отвечали: "К той,

которая плюет на все остальные". "Лжереволюционеры" принимали любые предложения, они на все соглашались. Робеспьер требовал борьбы с этим кликами, он говорил: "Это все слуги одного и того же хозяина, или, если хотите, сообщники одного заговора, делающие вид, что поссорились между собою для того, чтобы лучше скрыть от вас свои преступления".

Эбертисты не только агитировали в предместьях, они готовились к осуществлению своей программы. Для этого они организовали революционную армию секций, ту армию, создание которой в свое время демагогически поддержал Дантон. По словам Шометта, революционная армия должна была раздавить богачей в открытом бою, под ее ударами "должны были погибнуть все скупщики, все богатые фермеры, отказывающиеся доставлять нам продовольствие". Шометт открыто угрожал фабрикантам, бросившим свои предприятия, реквизицией их имуществ. Эбертисты выбрали своим центром клуб Кордельеров, клуб, который осенью 1793 года окончательно порвал с Дантоном. Вокруг этого клуба они собирали свои силы, чтобы попытаться в начале марта 1794 года совершить новую революцию.

Им противостояла программа дантонистов, которую разрабатывал в эти месяцы не Дантон, а Камилл Демулен. Мы увидим позже, что Дантон пытался держаться как бы несколько в стороне от его деятельности. Он все время оставался в тени, но это было только видимостью. Это был ловко задуманный план личного спасения и возможного торжества над противниками. Главная задача дантонистов сводилась теперь к борьбе против революции плебейских масс, против эбертистов, возглавлявших эти массы. Если последние требовали усиления террора против богачей, то дантонисты провозгласили милосердие.

Любители легенд вспоминают беседу Дантона и Камилла Демулена во время их прогулки по берегам Сены после процесса жирондистов. Заходящее солнце озарило Сену, и вода казалась кроваво-красной. Дантон сказал своему собеседнику: "Посмотри на реку, какая красная вода, не кажется ли тебе, что она полна крови?" Эту легенду историки передают из книги в книгу. Они забывают, что Дантон имел некоторое отношение к сентябрьским убийствам, что он был инициатором Революционного трибунала, что милый и жизнерадостный Камилл требовал казни Жиронды, не стесняясь жертвами. Впрочем, читатель увидит, с каким энтузиазмом "милосердные" дантонисты встретили казнь своих классовых врагов, эбертистов.

Газета Камилла Демулена "Старый кордельер" создана была для атаки эбертизма и Конвента, поскольку Собрание во главе с Робеспьером хотело продолжить и углубить революцию. Говорят, что Робеспьер был в курсе этого замысла и поддержал идею создания подобной газеты для борьбы с эбертистской революцией. Утверждают даже, что он редактировал первые два номера ее. Но, во всяком случае, Дантон был ближайшим ее участником и соредактором. Политическая программа дантонистов выражена была в кратких словах их вождя. 3 декабря 1793 года Дантон заявил: "Я предлагаю не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультрареволюционные меры". Под "пределами революции" он понимал все то, что предпринято было Конвентом после июня-июля 1793 года.

Нужно отдать должное таланту Камилла Демулена. Его газета была блестящим памфлетом против революции. Она стала центром всех контрреволюционных элементов, начиная от роялистов и кончая жирондистами. Но это радовало редактора и его политических друзей. Он гордился тем, что защищает дело собственности Франции. Если Дантон скрывал свои намерения, действуя за кулисами, то Демулен бил в набат. "Свобода, сошедшая с небес, — говорил "Старый кордельер", — это не актриса из оперы, не красный колпак, не грязная рубашка или лохмотья..." Для Демулена свобода это — разум и равенство, "справедливость", установленная торжествующим буржуазным обществом. Он предлагал в дни ожесточенной борьбы, в дни революционной диктатуры освободить из тюрем всех подозрительных. Он требовал установления "Комитета милосердия". Этот Комитет "довершит революцию, ибо милосердие — это тоже революционная мина, которая приведет к наибольшим результатам, когда применяется разумно". В дни диктатуры он защищал свободу слова и свободу печати. В феврале 1794 года Демулен предлагал религию как лучшее средство руководства плебейскими массами. Дантонисты выступали отныне в роли идеологов буржуазной контрреволюции.

Дантон вернулся в Париж в самый разгар борьбы фракций, в самый разгар антирелигиозного движения. 22 ноября он выступил решительным противником преследования священников. Он предлагал занять позицию "золотой середины", лишив жалованья только тех попов, которые заслужили этого. Дантон заявил: "Я требую, чтобы щадили человеческую кровь. Я требую, чтобы вы не отказались от возможности встретиться со своими врагами и вступить с ними в переговоры". Этот мотив не был новым в политике Дантона. Но важно отметить, что с ноября 1793 года мотив этот становится для него руководящим, в осуществлении его он видит свою конечную цель. Он выступил против "антирелигиозных маскарадов". Дантон заявил, придавая особый смысл своим словам: "Есть предел всему; я требую, чтобы этот предел был поставлен". Народу нужны, по его словам, конституция и законы, и "больше ничего". Народу нужно сильное и энергичное правительство: "Мы постараемся различить, где кончается заблуждение и где начинается преступление. Народ требует, чтобы террор был поставлен в порядок дня. Но он хочет, чтобы он

был применен к действительным врагам республики, и только к ним". Он издевался над тем, что преследованию подвергались даже те, кто был лишен "революционного пыла". Депутат Файо, левый якобинец, имел полное основание напомнить ему, что его слова означают "призыв к милосердию". Дантону оставалось только поспешить опровергнуть это обвинение, но всерьез ему никто не поверил. Все прекрасно понимали, что требование "снисходительности и милосердия" по отношению к контрреволюционерам стало его политической программой.

Когда обнаружилось, что комиссары в интересах революции часто вынуждены на местах превышать свои формальные полномочия и приговаривают к смертной казни тех, кто отказывается обменивать металлические деньги на ассигнации, Дантон выступил 1 декабря с требованием положить конец "революционному самоуправству комиссаров". Он снова сформулировал свою программу: "Теперь, когда всякий федерализм (т.е. жирондизм) уничтожен, революционные меры естественно должны опираться на законы, нами же изданные. Конвент почувствовал необходимость дополнить революционные мероприятия, но с этого момента каждый человек, проявляющий себя не в меру усердным революционером, принесет столько же вреда свободе, сколько бы мог принести ей пользы убежденный революционер. Выйти из пределов поставленной цели значит миновать ее, а не достигнуть...". Это было политической философией либерала. Ленин много десятилетий спустя, критикуя последователей великого оппортуниста, последователей, лишенных его революционных талантов, доказал, что только тогда, когда массы выходят за пределы задач буржуазной революции, поставленные историей, они оказываются победителями; только таким путем они обеспечивают победу революции. Но Дантон в конце 1793 года выступает уже не как вождь революции, а как глава контрреволюционного заговора. Вот почему в самый разгар гражданской войны он прибегает к советам "мудреца": "Запомним истину, если то или другое общество разрушается ударами пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только при помощи строительного циркуля". Что это значит? Значит ли это, что должен быть положен предел террору? Депутаты Горы так это и поняли. Дантон поспешил поэтому с оговоркой: он объявил себя сторонником революционных мер. По его словам, он отнюдь не желает смягчить диктатуру: "Да, мы хотим идти революционным шагом во что бы то ни стало, хотя бы сама почва республики разверзлась под нами. До сих пор мы широко пользовались силой, обратимся теперь к мудрости. В сочетании этих двух элементов мы найдем средство спасения отечества".

В Конвенте его все еще слушали, но в якобинском клубе его появление и подобные речи вызывали ропот и возмущение. 3 декабря он попытался внушить якобинцам мысль о необходимости борьбы с ультрареволюционерами. Мысль эта не была чужда многим мелким буржуа в якобинском клубе, но левое крыло якобинцев возражало против всякого ослабления революционной власти. Дантон пробовал добиться от якобинского клуба, чтобы тот отказал в помещении для народных обществ. Это было излишней смелостью с его стороны. Ему напомнили, что дома — национальная собственность. Он почувствовал себя среди врагов, и вынужден был прибегнуть к самозащите. Он заявил: "Поднимаясь на трибуну, я почувствовал ваше неодобрение по отношению ко мне. Разве во мне так уже стерлись черты, которыми отмечена свободная личность? Разве я не тот же человек, который постоянно шел с вами рука об руку в самые трудные минуты? Разве не меня вы встречали как друга, готового погибнуть вместе с вами? Разве не меня преследовали за это?" Это звучало как прощание перед смертью. Да, разногласия зашли далеко... Вернуть былую популярность было уже невозможно. Дантон допустил даже маленькую ложь. Он объявил себя "самым бесстрашным защитником Марата". Несмотря на ропот Собрания, ему все же еще аплодировали. Братский поцелуй председателя был встречен громом аплодисментов. Впрочем, и клуб Кордельеров пока еще воздерживался от объявления открытой войны Дантону. Это несколько окрылило трибуна.

Он попытался 7 декабря в речи о родственниках эмигрантов прикрыть свое предложение об ограничении власти революционных комитетов общими фразами, высказываясь за "ускорение темпа революции". 12 декабря он повторил свои мысли о народном образовании, но на него уже смотрели как на двурушника. В каждой речи видели скрытые намерения добиться предела революционных реформ, и аплодисменты одной части собрания сопровождалась ропотом другой. Когда 22 декабря в Конвенте была установлена невинность одного крупного виноторговца, обвиненного в спекуляции, Дантон бросил с места острую как меч реплику: "Отсрочку, отсрочку для всех арестованных без достаточных оснований". Подобным же образом он поступил, когда якобинцы обвинили его друга и родственника Филиппо в том, что тот выступил с разоблачением комиссаров, крайних демократов. Дантон взял на себя его открытую защиту. Он потребовал юридических доказательств. По-видимому, Дантон хотел повторить один из своих ораторских приемов, которым он пользовался с успехом в прошлом году: апеллировать к "единству". Но этим Дантон лишний раз обнаружил свою политическую близорукость. Свою защитительную речь он кончил словами: "Враг у наших ворот, а мы убиваем друг друга. Все наши споры, убьют ли они

* См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 47.

хотя бы одного пруссака?" Это был эффектный ораторский прием. Его слова были встречены аплодисментами. Но, увы, никто из демократов не принимал больше всерьез за три месяца до гибели эбертистов, за четыре месяца до казни дантонистов, за полгода до гибели Робеспьера — сентиментальные слова об единстве.

Мы отмечали выше, что отождествлять вполне поведение Дантона в эти месяцы с деятельностью его сторонников не следует. Дантон пытался действовать тайно; он хитрил, предполагая, что плебейские массы, эта "уличная чернь", руководить которой он привык, пойдет за ним. Вот почему в начале января, когда дантонисты вели ожесточенную и открытую войну с Коммуной и ее вождями, он выступал на защиту отдельных эбертистов и даже высказал симпатии к Коммуне в целом. Вожди эбертистов, Росиньоль и Ронсен, были арестованы. Дантон выступил с защитой; он готов был вступить в мирные переговоры с Эбером. Дантон закончил свою речь следующим призывом: "Займемся тем, что является задачей нашего Собрания. Оставим что-нибудь и для гильотины разума". Он думал таким образом осуществить какой-то свой план парламентского преобразования революционного правительства. 7 января он предложил, чтобы министры заменены были ответственными директорами и чтобы вся реальная и фактическая власть в стране была передана в руки Комитета общественного спасения. Предложение очень странное, потому что Комитет был в руках робеспьеристов. Возможно, что он таким образом пытался снова очутиться у власти. Но попытки были напрасны, поскольку Камилл Демулен продолжал свою кампанию "Старого кордельера".

7 января Дантону пришлось защищать своего друга Камилла от нападков Робеспьера. Он защищал его во имя свободы прессы. А спустя несколько дней ему пришлось высказаться в защиту своего второго друга Фабр Д'Эглантина. Его речь была понята, как выступление против Комитета общественного спасения. Ему пришлось униженно оправдываться: "Я совсем не имел в виду обвинить Комитет. Я готов воздать ему по справедливости". Но логика борьбы заставляла трибуна, если даже он не хотел делать это открыто, выступить против революционной диктатуры. 24 января Камилл Демулен рассказал о том, как революционная полиция обыскала дом его тестя, как были конфискованы его вещи и книги, имевшие какие-либо знаки, напоминавшие лилию — герб Бурбонов. Он высмеивал, пользуясь этим пустяковым обстоятельством, революционный террор и представителей диктатуры. Это было остроумное выступление памфлетиста; оно имело успех среди буржуазных масс и депутатов Болота.

Дантону пришлось занять определенную позицию в этом вопросе. Он не преминул сначала принять суровый вид и осудить своего друга за то, что он настаивает на какой-то привилегии для себя и для своего тестя: "Равенство, — говорил он, — должно господствовать во всем". Что же касается существа вопроса, то Дантон потребовал от революционных властей сохранить "равновесие", т.е. занять золотую середину между террором и милосердием. Он повторил, что революция подходит к концу, что победа народа, по всей видимости, обеспечена и что на пороге победы возникает борьба фракций. "Замалчивать все это бесполезно, — не без горечи добавил он. — Эти факты, поразившие меня, конечно, не могли не броситься в глаза и вам. Во многих коммунах республики возникли несогласия между друзьями свободы..."

Это выступление Дантона имело большое значение для выяснения его политической позиции накануне "эбертистской революции". Он считал задачи революционной диктатуры выполненными. Сделано было гораздо больше, чем было нужно. Он звал не вперед, а назад, исходя из того, что в конце 1793 и в начале 1794 года на фронтах борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией начался перелом. Победа была не за горами. "Разве Республика не является грозой для своих врагов? Разве она не торжествует победы? Разве не применили для уничтожения ваших внутренних и внешних врагов грозные и всеобъемлющие меры? Разве эти меры не принесли ожидаемого? Разве вы не сознаете своей мощи?" В момент, когда революционная законность должна была свестись к мероприятиям по усилению диктатуры, он предлагал развернуть законодательство во имя "милосердия и гуманности".

4 марта клуб Кордельеров решил закончить подготовку нового восстания. Вождь эбертистов Венсен потребовал изгнания из Конвента заговорщиков, еще более опасных, чем сторонники Бриссо. Его поддержал один из героев революционного террора, Каррье, комиссар Конвента, имя которого наводило ужас на буржуазное население. Он был отозван Комитетом общественного спасения и ожидал своей очереди на гильотину. Каррье знал, что его может спасти только новая революция, и он бросился в бой. Он заявил кордельерам: "При моем возвращении в Конвент я был испуган появлением на Горе новых людей и теми разговорами, которые они шепотом вели между собой. Я знаю, я чувствую, что они хотели бы задержать ход революции... Они хотели бы разбить эшафоты. Но, граждане, помните, что против гильотины настроены именно те, кто сознает, что сами заслуживают ее". Ему вторил Эбер. Он говорил: "Пора народу показать всем этим жуликам и грабителям, что их царство недолговечно. Люди, ютившиеся раньше по чердакам, а теперь живущие в роскошных помещениях, разъезжающие в пышных каретах и упивающиеся народной кровью, эти люди скоро станут добычей гильотины". Клуб Кордельеров постановил покрыть черным крепом доску Декларации прав человека и гражданина. Все было готово для

восстания. Но предместья не поддержали его. Плебейские массы, недовольные существующим положением дела, были рассеяны и не организованы. Они все еще надеялись, что требование "фактического равенства" будет осуществлено революционным правительством во главе с Робеспьером.

Якобинцы попытались сорвать решение клуба Кордельеров. Сен-Жюст объявил, что эбертисты действуют по указке иностранцев, что они подкуплены золотом банкиров. Он обратился за помощью к предместьям во имя защиты прав бедняков, во имя тех лозунгов, которые Каррье, Эбер и Шометт провозгласили в клубе Кордельеров. Плебейские массы оказались оторванными от эбертистов, и все участники заговора 14 марта были отправлены в тюрьму. Суд над ними продолжался недолго. Через три дня к ним присоединили банкира Проли, знакомого Эберу банкира Кока, "бешеного" Леклерка и всех их вместе отправили на эшафот. Среди них был и А.Клоотс — прусский барон, "оратор рода человеческого", преданный делу революции космополит. Он был присоединен к эбертистам потому, что не понимал узких национально-буржуазных задач революции, он предлагал Робеспьеру выполнить интернациональные задачи революции. Казнь эбертистов состоялась 24 марта 1794 года. После их гибели была распущена революционная армия, армия предместий. Плебейские массы были обезглавлены.

Дантон мог торжествовать победу. Одна часть его задачи была разрешена, но эта победа очистила для него путь к эшафоту, ибо революционной диктатуре во главе с Робеспьером необходимо было для осуществления этой задачи уничтожить не только врагов слева, мешавших ей возглавить плебейские массы, но и врагов справа — представителей буржуазии, для которых идеалы равенства Робеспьера были чужды и ненавистны. Примерно за две недели до казни, 19 марта, Дантон поднялся на трибуну Конвента и торжественно заявил, что заговорщики арестованы, их ждет смерть. Он предложил по мотивам, о которых мы говорили выше, усилить власть Комитета общественного спасения. Он был готов даже великодушно простить революции крайности первых лет свободы: "Революция напоминает молодое и крепкое вино. Оно бродит до тех пор, пока не очистится от всего лишнего". Дантон с восторгом добавляет: "Никогда, я смею это сказать, Национальное собрание мне не казалось столь великим, как сегодня. Вот время, отмеченное победой свободы! Я надеюсь, что скоро наступит желанный момент, когда падут все маски и останутся только люди, чья добродетель делает их достойными руководить нашей республикой".

Дантон заговорил даже о добродетели. Посылая "во имя милосердия" на эшафот эбертистов, он готов амнистировать Коммуну, он призывает всех к единству во имя отечества. Депутаты Болота приветствуют своего героя. Дантон обнимает и целует председателя Конвента старика Рюлля. Гром аплодисментов. Дантон чувствует себя победителем. Он заявляет, что правительственные комитеты — "душа Конвента". Он соглашается отдать им на рассмотрение свои предложения. Депутаты Конвента в восторге, а в это время среди робеспьеристов разрабатываются планы, как избавиться от Дантона и всех тех, кто вместе с ним продолжает борьбу за принцип буржуазной политики.

Еще тогда, когда Дантон в Конvente выступил с весьма осторожной защитой своего друга Фабр Д'Эглантина, один из руководителей Комитета общественного спасения, Билло де Варенн, бросил ему с места: "Горе тому, кто заседал рядом с Фабром и донныне остается обманутым им. Он обманул лучших патриотов". Билло де Варенн, бывший сотрудник Дантона-адвоката, левый якобинец, открыл в начале марта кампанию против Дантона. К нему присоединился пламенный Сен-Жюст. Руководство процессом против дантонистов взял на себя сам Робеспьер, впрочем, как мы отмечали выше, решение о борьбе против обеих фракций было принято почти одновременно. Во всяком случае Сен-Жюст в речи 23 вантоза (13 марта) накануне казни эбертистов, подводя итог всей предшествующей политике Комитета общественного спасения, заявил: "Партийные клики были нужны, когда надо было изолировать деспотизм и уменьшить власть тирании, теперь они являются преступлением, так как они изолируют свободу и уменьшают власть народа". Дантонисты были одной из этих партийных клик, ослабляющих могущество государственной власти, кликой, особенно ненавистной Робеспьеру, Сен-Жюсту и его друзьям. Дантонисты опирались, как утверждал Сен-Жюст, "на класс, который ничего не делает и который не может обойтись без роскоши и безумств, который, не думая ни о какой работе, думает о зле". К ним он присоединял еще касту должностных лиц, занявших доходные места, окруживших себя слугами и роскошью. "Они, — говорил Сен-Жюст, — эти презренные существа, предаются наслаждениям, когда народ обрабатывает землю, готовит башмаки для солдат и оружие для защиты этих равнодушных негодяев".

Март 1794 года застал Париж в когтях голода. У дверей булочных, на рынках шла братоубийственная борьба за кусок хлеба. Правда, ценою крови была куплена победа над внутренней и внешней контрреволюцией. Военная кампания 1793 года закончилась победой. Недалек был момент, когда революционные армии понесут снова свои знамена в Европу. В декабре пал Тулон, англичане были изгнаны. Брат Робеспьера сообщал Конвенту: "Армия вступила в Тулон в 7 часов утра, после боев и трудов, длившихся пять дней и ночей. Солдаты-

-патриоты с нетерпением ждали штурма. Для этого были приготовлены 4 тысячи лестниц. Впрочем, трусость неприятеля устранила надобность взбираться на стены. Неприятель очистил крепость, Злодеи взорвали судно "Фемистокл", служившее тюрьмой для патриотов... Они сожгли у нас девять судов и увели с собой три корабля... четыре фрегата уже горели, когда каторжники — они, безусловно, честнейшие люди в Тулоне — перерубили канаты и потушили огонь. Морские офицеры все истреблены..." Ценою подобных усилий были куплены победы и на левом берегу Рейна. В конце декабря французы стали на зимние квартиры в Пфальце; Эльзас был возвращен Конвенту. Некоторое успокоение наступило и на фронте борьбы с внутренней контрреволюцией. Вскоре к звукам Марсельезы присоединилась мощная мелодия стихов А.Шенье "Прощальная песнь", — песнь побед 1794 года.

Победа, распевая, нам путь открывает,
Свобода идет впереди!
С юга на север труба призывает,
Час битвы, ты нас пробуди!
Трепещите отечества враги,
Короли, опьяненные кровью и гордостью!
Народ-властелин, гряди!
Республика нас призывает,
Умрем, но победим!
Француз судьбу благословляет.
Народу все отдадим.

Спор между дантонистами и робеспьеристами был вызван, как мы знаем, не вопросами личного честолюбия, а столкнулись две политические и социальные программы: программа партии буржуазного возрождения и партии мелкобуржуазной утопии о социальном равенстве. В феврале и марте 1794 года, накануне великих побед, Робеспьер и Сен-Жюст разрабатывали систему новых экономических мероприятий в интересах городской и деревенской бедноты. Эта мероприятия, так называемые вантозские декреты, должны были сокрушить старый порядок, ликвидировать крестьянское малоземелье, уничтожить нищету. Вместе с тем, "вантозские декреты" были своеобразной социальной утопией французской мелкобуржуазной демократии XVIII века. Вожди революционной диктатуры мечтали о том, чтобы сохранить собственность, но уничтожить классы и нищету. 26 февраля (8 вантоза) был издан декрет о секвестре имущества врагов революции. Он гласит: "Собственность патриотов священна и неприкосновенна. Имущество лиц, признанных врагами революции, конфискуется в пользу республики. Эти лица подвергаются аресту впредь до заключения мира, а затем навсегда изгоняются из пределов республики".

3 марта (13 вантоза) Конвент издал декрет о помощи неимущим за счет богачей. Предложено было всем коммуна республике составить таблицы бедняков и переслать эти списки в Париж Комитету общественного спасения. Комитет предполагал, пользуясь этими таблицами, наделить нуждающихся имуществом, при этом декрет требовал, чтобы местные наблюдательные комитеты сообщили сведения о всех арестованных после 1 мая 1789 года.

Это было в разгар борьбы фракций. Сен-Жюст и Робеспьер готовили новую революцию, но было нужно предварительно разделаться с партийными "кликами". 21 марта в якобинском клубе Робеспьер заявил об этом публично. С эбертистами было покончено, ни о каком соглашении с дантонистами не могло быть и речи. Напрасно Дантон надеялся на это. Робеспьер потребовал, чтобы якобинцы "не ослабляли внимание народа к шайке умеренных, которая не является новой в нашей революции, так как существует уже давно под покровительством иностранных держав". Это не было декларацией, это было инструкцией к действию: "Недостаточно задушить одну из клик. Необходимо их уничтожить все. На существующую до сих пор клику надо напасть с той же яростью, как и на предыдущую... Настанет момент для раскрытия этой преступной клики, и он уже недалек".

Понимал ли Дантон серьезность своего положения, не был ли он обманут мнимостью победы над эбертистами? Мог ли он надеяться, что гильотина пощадит его, если она не пощадила Эбера и Шометта? Но на чем были основаны его расчеты? Матьез утверждает, что одно время Дантон пытался заключить блок с эбертистами; оснований для этого утверждения недостаточно. Гораздо более достоверным нам кажется предположение, что Дантон не отдавал себе отчета, по крайней мере в начале марта, в том, что думает предпринять Комитет. Иначе он попытался бы развернуть политическую борьбу против диктатуры, объединив вокруг себя депутатов Болота. Вместо этого, когда 13 вантоза был принят декрет о переписи бедняков, декрет, о котором мы говорили выше, он присоединился к нему. Впрочем, Дантон попытался его истолковать только как политику вознаграждения инвалидов и солдат, послуживших делу отечества. Дантон считал, что собственник, не послуживший отечеству, даже если он бедняк, не имеет права на помощь. Конечно, это было принципиальным выступлением против вантозских декретов. Они показали глубину разногласий между двумя политическими группами. Но до чего нерешителен в своих возражениях Дантон! Быть может, он понимал, что в этой борьбе с Комитетом и Конвентом

плебейские массы будут не на его стороне. Они выдали эбертистов не для того, чтобы передать руководство революцией Дантону. Предместья надеялись, что Робеспьер лучше проведет программу борьбы с нуждой, чем это делали Эбер и Шометт. Во имя этой цели они, конечно, не задумываясь, жертвуют Дантоном и дантонистами.

Не будем поэтому удивляться, если настроение безразличия, которое, по словам биографов, в продолжение последних месяцев овладело Дантоном, в марте еще более усилилось. "Дантон спит, — жаловался Камилл Демулен. — Это сон льва, но он проснется, чтобы защитить нас". Демулен ошибался. Дантон выжидал и изредка ограничивался громкими тирадами.

Историки передают подробности личных столкновений Робеспьера и Дантона в эти дни. Большинство из этих сообщений — легенда. Но легенды эти характерны; их стоит упомянуть. В конце вантоза были предприняты попытки примирения между борющимися сторонами. У Паниса, общего друга Дантона и Робеспьера, враги встретились за обедом.

Существуют две версии о том, что произошло за столом.

Беседа началась мирно, но к концу она приняла характер открытого боя. Дантон жаловался на ненависть к нему Сен-Жюста и Билло де Варенна, на то, что Робеспьер доверяет всем слухам, он просил его отбросить интриги и объединиться. Робеспьер ответил ему: "Но ведь при твоей морали и при твоих принципах не существует вообще виновных?" Собеседники разошлись недовольные друг другом. По одной версии, Робеспьер ушел первым. Дантон сказал своим друзьям: "Черт возьми! Нам надо начать действовать, нельзя терять ни минуты".

Но действовать было уже поздно. Комитет общественного спасения решил покончить с дантонистами. В ночь с 9 на 10 жерминаля (30—31 марта) состоялось секретное заседание Комитета общественного спасения.

Несмотря на тайну этого заседания, до нас дошли кое-какие подробности. Сен-Жюст, Билло де Варенн и Робеспьер настояли на аресте. Все молча подписали приказ на клочке бумаги от старого конверта. Только два человека отказались подписать его — Роберт Ленде и старик Рюль.

Эти дни Дантон провел у себя в Севре. Он продолжал там оставаться в бездействии. Его друзья умоляли что-нибудь предпринять, но он отказывался. Дантон утверждал: "Они не дерзнут напасть на меня, я сильнее их". Это бахвальство скрывало, однако, его нерешительность и апатию. Он говорил Тибодо, своему другу: "Если бы я поверил, что у Робеспьера явилась хотя бы мысль об этом, я бы выгрыз у него все внутренности". В другом случае он добавил со свойственным ему цинизмом: "Да, я надену его себе на кончик большого пальца и заставлю его вертеться волчком".

Конвент поздно узнал о решении своего Комитета. Ворвался Лежандр. Он сообщил о том, что ночью были арестованы четыре члена Конвента, в том числе — Дантон. Он потребовал, чтобы их тотчас допросили и судили: "Не ожидайте от меня ничего, кроме взрыва чувств. Граждане, я заявляю, что считаю Дантона столь же невиновным, как самого себя..." Лежандр требовал от Конвента, чтобы арестованные были призваны в Конвент и выслушаны немедленно, но это означало бы гибель руководителей Комитета общественного спасения. Депутаты Болота были насмерть перепуганы арестом Дантона. Робеспьер прекрасно понял это. Он спокойно, чеканя шаги, вошел по ступенькам на трибуну и заявил: "По смятению, давно уже небывалому, царящему теперь в нашем собрании, по волнению, которое вызвали слова предыдущего оратора, не трудно заметить, что решается вопрос чрезвычайной важности. Дело идет о том, чтобы узнать, одержат ли верх некоторые лица над отечеством... Дело идет о том, чтобы узнать, одержат ли верх выгоды нескольких честолюбивых ханжей над выгодами всего французского народа". Дантон не имеет права претендовать на привилегии. Ни он, ни его друзья, в том числе такие, как Шабо и Фабр Д'Эглантин. Выступающие на защиту Дантона, добавил Робеспьер, выражают недоверие Комитету и Конвенту. Речь идет о том, что Дантон хочет занять место Ролана. Он является врагом отечества. Робеспьер успокоил депутатов Болота: "Число виновных не так уж велико".

Ему на помощь поспешил Сен-Жюст. Своим спокойствием он поразил всех, своим красноречием он убедил большинство собрания. Сен-Жюст смело заявил, что он разоблачает "последних сторонников роялизма". Он собрал в своей речи все, что можно было сказать об оппортунистической политике Дантона: его сношения с Мирабо, дружбу с Бриссо, двусмысленное поведение весной 1791 года, защиту петиции в пользу герцога Орлеанского в июле 1791 года, а затем бегство на родину, в Арси-сюр-Об. Он напомнил о трусливом поведении Дантона накануне революции 10 августа, когда он скрылся по непонятным причинам и вернулся в столицу только тогда, когда исход революции был предрешен. Сен-Жюст напомнил собранию связь Дантона с Дюмурье, его нелюбовь к Марату, словом все, что говорило о его политических колебаниях, о его двойной игре в решающие моменты революции. С большой силой он сформулировал свою речь в следующих словах: "В то же самое время ты заявлял себя сторонником умеренных принципов, и твои сильные фразы, видимо, замаскировывали слабость твоих предложений. Как банальный примиритель, ты все свои речи на трибуне начинал громовым треском, а заключал сделкой между правдой и ложью. Ты ко всему приспособлялся".

Это было уничтожающей политической характеристикой трибуна. Она была так убедительна, что никто не смел возразить. Молчали даже тогда, когда Сен-Жюст, продолжая свою речь, нарисовал отвратительный портрет Дантона, человека, для которого "революционное общественное мнение похоже на женщину дурного поведения". "Ты говорил, что честь смешна, что слава и потомство — глупость, — клеймил Дантона Сен-Жюст, — это воззрение Катилины. Если Фабр неповинен, если неповинны были герцог Орлеанский и Дюмурье, то, без сомнения, невиновен и ты. Я наговорил слишком много, ты ответишь перед судом".

Конвент присоединился к Комитету общественного спасения. Незадолго до ареста Дантон говорил своим близким: "Они долго будут совещаться, раньше чем нанесут удар такому человеку, как я... Они будут совещаться бесконечно, а я нападу на них". Это было ослеплением или скорее признаком бессилия. Когда ему предложили бежать, он произнес в ответ слова, сохранившиеся навсегда в анналах истории: "Возможно ли унести родину на подошве своих сапог?"

В шесть часов утра 31 марта за ним пришли жандармы и предъявили приказ Комитета. "Да, они смелее, чем я думал!" — воскликнул Дантон. Это было признанием своей слабости и банкротства. Прав был не Дантон, бравирующий своей силой, а Робеспьер, который 31 марта, заявил в Конвенте: "Сегодня мы увидим, сумеет ли Конвент разбить мнимый, давно сгнивший кумир, или же он, падая, раздавит Конвент и французский народ".

Кумир пал — революция была спасена.

Арестованные Дантон, Камилл Демулен, Филиппо и Делакура были помещены в Люксембургской тюрьме. Там находились уже Фабр Д'Эглантин, Шабо, Эро де Сешель и все остальные участники процесса дантонистов. К ним присоединили генерала Вестермана, спекулянта Д'Эспаньяка и др. Появление Дантона вызвало среди заключенных сенсацию. Дантон, увидев их удивление, будто бы расхохотался и сказал: "Ну да, это Дантон! Посмотрите на него внимательно. Ловкая штука! Я никогда бы не поверил, что Робеспьер так обойдет меня. Надо аплодировать врагам, когда они действуют как государственные люди". Он оставался верен себе и снисходительно добавил, обращаясь к монархистам: "Через несколько дней вы будете свободны. Меня арестовали за то, что я хотел вас всех освободить". А когда заключенный американский республиканец Томас Пейн обратился к нему с приветствием, он сказал: "То, что ты сделал для счастья и свободы своей родины (Америки), я тщетно пытался сделать для моей. Я был менее счастлив, но не более виновен. Меня посылают на эшафот — ну что ж, друзья, я пойду туда весело".

Немало легенд существует о днях пребывания Дантона в тюрьме. Не стоит повторять их. Характерно только одно — они рисуют нам Дантона как человека, который в последние минуты жизни понял, наконец, банкротство своей политической позиции и думал только об одном — о личной самозащите: Сен-Жюст произнес против него политический обвинительный акт; Дантон противопоставил ему свои заслуги перед революцией. Впрочем, если верить легенде, в первые дни заключения он и Делакура договаривались с друзьями об обращении к предместьям. Когда Делакура сказал ему: "Я думаю, ничего не надо отвечать иначе как в присутствии обоих комитетов", — он ответил: "Правда твоя, надо стараться вызвать волнение в народе". Как мы увидим, на процессе он сделал подобную попытку, но не развернул своей политической программы, а ограничился апелляцией к народу, напоминая ему, о своих заслугах.

В тюрьме Дантон пытался болтовней и шумом прикрыть свой ужас перед гильотиной. Камилл Демулен все время плакал, Эро де Сешель философствовал, Дантон ругался. Впрочем, эти ругательства имели определенный политический смысл. Он издевался над собой за то, что был создателем Революционного трибунала, называл Робеспьера Нероном, цинично говорил, что "во время революции власть остается за теми, в ком больше злодейства. Лучше быть бедным рыбаком, чем управлять людьми". Он открыто выражал свою ненависть к революции и презрение к массам. Со свойственной ему откровенностью Дантон заявлял, говоря о предместьях: "Сволочи, они будут кричать — Да здравствует республика, — когда меня повезут на гильотину".

Суд начался 2 апреля. Члены суда и его председатель, преданные революции якобинцы, отнюдь не хотели унижить обвиняемых, но они твердо решили добиться исполнения революционного закона. Их положение было тем более затруднительно, что в продолжение четырех долгих дней процесса под руководством Дантона обвиняемые сделали все возможное, чтобы сорвать судебное разбирательство. Они не только произносили речи против Конвента и Комитета общественного спасения, но призывали толпу выступить на их защиту. Голос Дантона гремел с такой силой, что рев его доносился через открытые окна на другую сторону реки. Обвиняемые бросали в судей хлебные шарики, осыпали их клочками бумаги, издевались над ними. Что касается присяжных заседателей, то они растерянно наблюдали за судом, прекрасно понимая, что для обвиняемых мыслим только один приговор — смертная казнь. Не забудем, что аппарат Революционного трибунала фактически находился в руках дантонистов; некоторые из них сознательно помогали обвиняемым; начальник канцелярии Пари сделал все возможное для того, чтобы протоколы суда оставили для истории доказательство величия Дантона.

Суд начался с выяснения дела об Ост-Индской компании. Виновность обвиняемых была доказана без особого труда. Спустя некоторое время очередь дошла до Дантона. На вопрос суда об имени, фамилии, возрасте, звании, он ответил: "Имя мое Жорж-Жак Дантон. Возраст — 34 года, родился в Арси-сюр-Об, адвокат, депутат Конвента, местожительство Париж, улица Кордельеров". Впрочем, по одной версии, он на вопросы о местожительстве добавил: "Моим жилищем будет скоро небытие, а имя мое вы найдете в пантеоне истории". На следующий день, 14 жерминаля, Дантон, обращаясь к подсудимым и толпе, заявил: "Пусть нам дадут только слово и позволят им воспользоваться, как следует. Я убежден, что мне удастся пристрелить всех моих обвинителей. Если французский народ действительно таков, как он есть, мне еще придется вымалывать помилование моим обвинителям". Эти слова с энтузиазмом были встречены обвиняемыми. Дантон продолжал: "Ну и времена! Барер — патриот, а Дантон — аристократ. Франция не будет этому долго верить". В это время он заметил сзади судейских кресел Камбона, министра финансов. Он обратился к нему: "А ты нас считаешь заговорщиками? Смотрите: он смеется! Он не верит! Запишите — он смеялся".

Все это было эффектно, но в конце концов мало убедительно, особенно после того, как Шабо вынужден был перед лицом суда вскрыть преступную деятельность группы депутатов, долго служившей окружением Дантона. Вот почему, когда председателем был поставлен Дантону в упор вопрос о связи его с Дюмурье, он вместо отчетливых возражений снова занялся декламацией: "Посмеют ли трусы, оклеветавшие меня, бросить мне в лицо свое обвинение? Пусть они покажут, я тотчас покрою их заслуженным позором и бесчестьем. Я сказал и я повторяю: Мое жилище скоро будет в небытии, а мое имя в пантеоне. Вот моя голова, она отвечает за все. Жизнь стала мне в тягость. Я жду с нетерпением освобождения от нее!.." Это не была речь политического вождя, это был крик раздавленного честолюбца. Председатель с полным основанием напомнил ему, что долг революционера вести себя достойно перед лицом Трибунала. Дантон отверг обвинение в том, что он проявляет личную дерзость; что же касается дерзости национальной, то, по его словам, он давал неоднократные образцы ее. На толпу не могли не произвести впечатления его слова: "Когда я вижу, что меня так жестоко, так несправедливо обвиняют, то могу ли я подавить чувство негодования, которое кипит во мне против моих клеветников? Разве от такого настоящего революционера, как я, можно ждать хладнокровной защиты?" Вслед за этими сильными словами шла, однако, опять высокопарная декламация: "Люди моего покроя бесценны. На их челе огненными знаками оттиснута печать свободы республиканского духа". Председатель суда оборвал его. Он напомнил ему поведение Марата перед жирондистским судом как лучший образец самозащиты революционера. Дантон вынужден был подчиниться, но добавил: "Хорошо, я унижусь до самооправдания. Я последую плану защиты, намеченному Сен-Жюстом".

Но это было только обещанием. Оно осталось невыполненным. Во всяком случае до нас не дошел текст защиты Дантона по основным пунктам обвинения. Протокольные записи не дают нам основания утверждать, что трибун опровергнул конкретные обвинения Сен-Жюста. Он отрицал свою вину; он вваливал вину на других. Характерно, что когда у него спросили: "Почему Дюмурье не преследовал пруссаков при их отступлении в сентябре 1792 года?", — то он ограничился утверждением: "Я вмешивался в вопросы войны только с точки зрения политической. Военные операции мне были совершенно чужды". Дантон заявил, что следить за Дюмурье было предложено Билло де Варенну и, следовательно, тот несет ответственность за все последующие события. По вопросу об израсходовании средств, представленных в августе министерству юстиции, он утверждал, что "этот фонд был средством, при помощи которого я воспламенил департаменты". Впрочем, из этих денег шесть тысяч ливров были переданы Билло де Варенну. Но Дантон ничего не ответил ни на вопросы о его сношениях с Жирондой, ни на обвинения в защите королевской власти. Странно, или, быть может, это результат неудачной протокольной записи, но в отчете мы читаем: "Меня обвиняют в том, что я удалился в Арси-сюр-Об в то время, когда можно было предвидеть день 10 августа, начало борьбы свободных людей с рабами. На это обвинение я ответил в свое время, что французский народ одержит победу, или я умру. Я прошу вызвать свидетелем по этому вопросу гражданина Пайяна. "Мне нужны лавры или смерть", — прибавил я. Где же те люди, которым пришлось уговаривать Дантона вернуться на арену действий, где же эти привилегированные лица, у которых он занимал энергию?". За этими совершенно ничего не говорящими словами следовала реплика: "Вот уже два дня, как Трибунал познакомился с Дантоном, который завтра надеется уснуть на лоне славы. Никогда он не просил пощады, и вы увидите, что он взойдет на эшафот со спокойствием, свойственным чистой совестью".

В таком духе Дантон вел свою защиту в продолжение всего судебного процесса. Он говорил долго и с такой силой, что к концу речи даже он почувствовал усталость. "Его надтреснутый голос доказывал, что ему необходим отдых", — так гласит протокол. Судьи предложили ему прекратить на время свою речь, чтобы потом возобновить ее опять с большим спокойствием и сдержанностью. Дантон согласился. На завтра он защищал свое поведение в день 31 мая. Он утверждал, что имел в виду "охранить свободу и независимость Конвента". Эта дискуссия могла продолжаться до бесконечности. Суд решил отказать обвиняемым в просьбе вызвать новых свидетелей — 16 членов Конвента. Когда об этом сообщили на процессе, Дантон обрушился на вождей Комитета. Возбуждение толпы было столь сильно, что председатель Трибунала Фулье-Тенвиль поспешил обратиться с письмом к Комитету. Он писал: "Они апеллируют ко всему народу, несмотря на твердость председателя и суда. Их постоянно повторяющиеся требования нарушают спокойствие заседания. Они во всеуслышание заявляют, что не умолкнут до тех пор, пока не будут выслушаны их свидетели. Просим вас окончательно указать нам, как поступить, так как судебный порядок не дает нам указания для обоснования отказа".

На помощь Трибуналу пришло следующее событие. Некоторые из друзей-дантонистов хотели оказать им помощь. Диллон и член Конвента Симон попытались организовать на деньги Люсиль Демулен заговор в тюрьмах; заговор этот был выдан заключенным Лафлотом. Сен-Жюст поспешил в Конвент и, припугнув депутатов Болота, добился от них декрета, который предоставлял председателю Трибунала право всеми средствами добиться подавления "всякой попытки со стороны подсудимых нарушить общественное спокойствие и помешать отправлению правосудия". Конвент декретировал, что "всякий обвиняемый в заговоре, оказавший сопротивление или нанесший оскорбление национальному правосудию, будет немедленно удален из суда".

Этот декрет по существу закончил процесс. Прокурор предложил присяжным высказаться, наступило ли время для вынесения приговора? Дантон и Делакура громко выражали свой протест, они кричали: "Нас хотят судить, не выслушав. Не нужно никаких совещаний, мы достаточно прожили, чтобы уснуть в объятиях славы. Пусть нас ведут на эшафот". Камилл Демулен разорвал проект своей защитительной речи и бросил им в председателя. Трибунал вынужден был удалить обвиняемых из зала суда. Присяжные заседатели отправились на совещание. Утверждают, что в комнату совещания явились член суда Герман и председатель Фулье-Тенвиль, они показали письмо, полученное из Англии, о котором говорилось выше. В документе будто бы было сказано, что Дантон получал деньги от Питта. Это решило судьбу Дантона. Когда присяжные вернулись в зал заседания, толпа в оцепенении выслушала приговор. Подсудимым этот приговор был сообщен через письмоводителя. Говорят, что они прервали чтение, когда речь дошла до выводов; они будто бы заявили, что им безразлично, каким их оружием казнят. Каждый из обвиняемых встретил приговор по-своему. Камилл Демулен истерично плакал, Дантон шутил и издевался. Он сказал: "Победители думают, что могут обойтись без меня, но они ошибаются. Я был европейским государственным человеком. Они не подозревают, какую пустоту оставит после себя эта голова".

5 апреля (16 жерминаля) в 4 часа дня помощники палача пришли в тюрьму, чтобы приготовить обвиняемых к казни. 14 осужденных посадили в телегу и повезли на гильотину. Народные толпы молча наблюдали кортеж. Демулен истерично призывал народ на помощь: "Народ, тебя обманывают! Убивают твоих лучших защитников!" Дантон цинично успокаивал его: "Успокойся и оставь эту подлую сволочь!" Демулен не унимался. Он перечислял свои заслуги 14 июля 1789 года, но забыл рассказать о своей борьбе с революцией плебейских масс. Народ молча сопровождал их до эшафота. Когда кортеж проезжал мимо дома Дюпле, где жил Робеспьер, осужденные усилили свои оскорбительные крики.

На помосте все было готово для казни. Эро де Сешель был казнен первым. За ним взшел Камилл Демулен. Дантон был последним. Утверждают, что он обратился к палачу и сказал ему: "Покажи мою голову народу, она стоит этого". Голова его упала. Палач вынул ее из корзины и обнес вокруг Эшафота. Народ сохранял молчание.

Возвращаясь в предместья, санкюлоты пели "? a ira":

На фонари аристократов...
Их перевешать всех пора.
Не нужно нам дворян с попами,
Мир деспотизма, умирай,
Пусть равенства наступит рай...
? a ira, ? a ira, ? a ira...

Дантон погиб; революция продолжалась.

В 1891 году в Париже в буржуазном квартале Сен-Жермен был открыт памятник Дантону.

1891 год во Франции,— год полный событий. Еще не заглохли раскаты "бури", поднятой реакционным генералом Буланже против Третьей республики, фундамент которой прочно возвышался на костях сотен и тысяч коммунаров 1871 года. В феврале 1889 года Буланже был предан суду по обвинению в заговоре против республики. Он бежал из Франции и покончил самоубийством в сентябре 1891 года; но республика продолжала свой путь. В 1891 году был заключен союз Французской республики с царской Россией. Заключение этого союза происходило в годы "панамского скандала". "Панама" обнаружила "содружество между политикой и финансовым миром, скандальные отношения между государственной властью и биржей". Продажность буржуазных политиков это то, что они усвоили от своих предшественников Шабо, Жюльена из Тулузы, то, что они могли позаимствовать, подражая скверным образцам личного поведения Дантона. Они пытались подражать ему и в оппортунизме, в беспринципной политике приспособления, двурушничества — во всем том, в чем обвинял его Сен-Жюст с трибуны Конвента. О Дантоне — "мастере революционной тактики", о Дантоне — великом революционере, они забыли. Этот Дантон был им чужд.

Они знали, что только насилие, кровавое подавление рабочего движения может спасти дело буржуазной республики; буржуазные политики, наследники буржуазных идеалов, действовали в этом случае решительно и беспощадно.

В 1890 году число стачечников во Франции достигло невиданных в XIX веке размеров — 110 тысяч; в 1891 году их было 108 тысяч, а в 1893 — 170 тысяч. 1891 год показал французской буржуазии, что рабочий класс стал внушительной силой. 1 мая пролетарии вышли на улицу. "Социальный вопрос стал во весь рост даже перед равнодушными", — так сказано было в первомайской прокламации социалистической партии. В Париже 1 мая прошло с исключительным успехом. В провинции оно привело к вооруженному столкновению в Фурми, где полиция, в день 1 мая разгоняла рабочую демонстрацию и стреляла в демонстрантов. Убито было девять человек, среди раненых было немало детей. Впервые для борьбы с рабочими были применены усовершенствованные ружья и бездымный порох. Даже Клемансо, еще тогда радикал и демократ, апеллирующий в своей борьбе с социализмом к истории французской революции, вынужден был писать: "Что значит эта демонстрация? Мы должны иметь мужество дать ответ на этот вопрос в той именно форме, в какую его облекли застрельщики движения. Это подымается четвертое сословие, которое хочет ныне завоевать себе власть. Если вы противопоставите ему силу, это будет означать гражданскую войну. О, злой рок! Неужели же парламентарная республика и монархия обречены разными путями прийти к одинаковой катастрофе".

Спустя два месяца состоялось торжество: открытие памятника Дантону. На торжестве присутствовал председатель палаты депутатов Флоке, все местные власти и префект парижской полиции. В толпе было немало сенаторов, депутатов, чиновников. Отсутствовали только рабочие массы парижских предместий; не было того народа, чье движение в конце XVIII века пытался возглавить трибун. После исполнения Марсельезы выступил Левро, председатель муниципального совета. Желая реабилитировать Дантона, он сказал: "Дантон благодаря своей смелости, своей энергии, своей храбрости и силе ораторского искусства, благодаря своему влиянию на народные массы был грозой для виновных. Отсюда ненависть к нему. Но разве кто-либо был больше подвержен чувству великодушия, чем Дантон?". Левро попытался очистить Дантона от обвинений в революционности. "Если бросить взгляд на всю политическую жизнь Дантона,— продолжал он,— приходится удивляться, что он никогда не был целиком связан с какой-либо партией своей эпохи, он не был ни жирондистом, ни якобинцем, ни эбертистом". Оратор утверждал, что Дантон был отцом идеи буржуазного блока республиканских партий; он утверждал, что борьба между Дантоном и Робеспьером сводилась к борьбе между атеистом и религиозно-верующим человеком, каким был деист Робеспьер. Левро закончил свою речь указанием на то, что вспомнить о Дантоне необходимо именно сейчас, когда "республика победила буланжизм и реакцию". Имя Дантона, его политика должны остаться образцом для Франции, ведущей борьбу с роялистами и клерикалами. Провозгласив здравицу Третьей республике, оратор объявил Дантона ее родоначальником.

Ту же мысль продолжил и развил Лафитт, председатель общества позитивистов. И для него Дантон был дорог как человек, боровшийся с самостоятельным движением плебейских масс. Он превознес Дантона, как великого патриота, как руководителя "национальных" войн Франции. Лафитт назвал его "душою войны, этой великой воспитательницы человеческого рода". Характерно, что Лафитт напомнил слова Кондорсе, сказанные им после революции 10 августа 1792 года: "Основная задача сводится к тому, чтобы действовать с народом и для него, руководя им. Этот принцип в годы народной революции единственный, который может спасти законы. Все те партии, которые отделяются от народа, кончают тем, что губят себя и всех тех, которые следуют за ними". Подобными талантами обладал великий оппортунист, этим он дорог буржуазным республиканцам и их философам-позитивистам. Дантон был включен Лафиттом не в среду великих революционеров, а в ряды государственных мужей, таких, как Ришелье, Людовик XI,

Генрих IV. Подобно им, заявил Лафитт, его культом был "культ отечества". Конечно, речь шла об отечестве буржуазии.

Историки Французской революции по какой-то причине не были приглашены на празднество, но историк А.Олар с своей статье всецело поддержал аргументацию "новых дантонистов". Олар писал о Дантоне: "Он был мастером искусства государственного управления, и, если даже допустил ряд ошибок, он был чист от крови и денег". Это было явной фальсификацией истории. Но речь шла о политической задаче укрепления буржуазной республики. А.Олар доказывал, что Дантон тщательно отчитался в израсходованных им суммах секретного фонда министерства юстиции, он доказывал его непричастность к событиям 2 сентября. Олар утверждал, что Дантон — "это современный ум, свободный от теологических предрассудков, весь направленный на будущее, воздвигающий великую религию человечества". Торжественные слова, которые имели только одну цель — доказать, что Дантон был "основателем нации", подобно Генриху IV, Ришелье, Тюрго и Мирабо. Таков вывод буржуазной историографии. Пантеон, о котором мечтал Дантон, оказался для него Пантеоном Третьей республики.

Другую оценку ему даем мы. Не забудем, что даже в этой революции, возглавляемой буржуазией, успехи ее зависели от активности плебейских масс. Революция не победила бы, "если бы 14 июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивления самодержавия". Так было в революцию 10 августа, свергнувшую монархию, в революцию 2 июня, изгнавшую Жиронду из Конвента, осенью 1793 года, когда Франция сопротивлялась объединенным силам армии контрреволюции, и весной 1794 года, когда революционная диктатура вынуждена была послать Дантона на эшафот. Роль этих плебейских масс в борьбе со старым порядком была столь огромной, что до сих пор якобинцы 1793 года служат для нас великим примером. "Якобинцы 1793 года, — писал Ленин, — вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных"^{**}. Вот почему Ленин с таким интересом и вниманием относился к изучению французской революции, которая, по его словам, была названа великой потому, что "для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве"^{***}.

Буржуазия из всех сил стремилась забыть о своем революционном прошлом, она готова была утверждать, что великие якобинцы были такими же жалкими и трусливыми демократами, как она сама, что они, подобно ей, вели борьбу с революционной диктатурой, пресмыкались перед господствующими классами. Но это — историческая ложь и клевета на французскую революцию, на эпоху Конвента, "диктатуру общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии".

Дантон был великим революционером буржуазии в памятные дни 1792 года. Но эти дни были исключением. Оппортунист до мозга костей, он был главой Болота в Конвенте. Дантон надеялся, что ему удастся добиться объединения Горы и Жиронды. От жирондистов он отличался тем, что понимал роль и значение плебейских масс в борьбе с феодализмом, от монтаньяров его отличало недоверие и боязнь самостоятельности масс. Дантон надеялся возглавить эти массы в борьбе за буржуазную республику. Он надеялся, что буржуазии удастся раз и навсегда увлечь их за собой, надолго привязав к своей триумфальной колеснице. Дантон понимал, что с королевской властью надо разделаться "по-плебейски" и вместе с тем настаивал на реформистской политике. Этим Дантон отличался от Жиронды и Горы; в этом была его "беспартийность", которая так нравится его биографам; она составляла его слабую сторону, она послужила причиной его гибели.

В.И.Ленин писал: "Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному, классу, ибо в этом суть якобинства, единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и от войны"^{****}.

Дантон был уверен, что он попадет в "пантеон истории". Для Дантона, оппортуниста, для Дантона, политика буржуазии, этот пантеон — буржуазная республика во Франции, республика Клемансо и Пуанкаре. Для Марата, Робеспьера и Дантона — великих революционеров, "мастеров революционной тактики", пантеон воздвигнут в Советском Союзе — великой стране пролетарской революции.

Ц. С. Фридлянд

ДАНТОН

М.: Наука. 1965

* В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.11, стр.205.

** В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.32, стр.307.

*** В.И.Ленин, Полн.собр.соч., т.38, стр.367.

**** В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.32, стр.375.

Но куда исчез Армонвиль? Мы не забыли о нем, читатель. Ткач из Реймса, депутат Конвента в 1792—1794 годах упорно защищал дело плебейских масс в революции, не изменяя своему делу, не порывая со своими друзьями на родине. Его портрет нарисован художником: Армонвиль в красном колпаке, с кудрями до плеч, в кафтане каштанового цвета, в красном жилете и серо-зеленых панталонах. Он держит в руках письмо, адресованное на родину заключенным в тюрьмы патриотам. Со своим красным колпаком Армонвиль не расставался осенью 1793 года, когда в Реймсе у власти стояли его друзья: бакалейщик Кутье-Марион и сапожник Депаки; не сбросил он его и через год, в брюмере III года, когда протестовал против разгона якобинского клуба термидорианцами.

Армонвиль был честен и беден. Его имущество составляло 900 ливров наличными, да 1.100 ливров долгу.

В 1795 году он стал предметом клеветы и насмешек. В 1796 году он примкнул к бабувистам, распространяя их прокламации в Реймсе среди ткачей и бедноты. Армонвиль был арестован, сидел в тюрьме, но не изменил своим убеждениям. В 1801 году, в год расцвета империи, когда сотни якобинцев подвизались в роли "новых дворян" и королевских слуг, Армонвиль работает вновь ткачом в Нанси. В 1808 году он вернулся в Реймс, где и умер в нищете 11 декабря того же года.

Так кончили свою жизнь адвокат Дантон и ткач Армонвиль — два депутата Конвента.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дантон Ж.-Ж. Избранные речи. М., 1924. (полный текст в нашей библиотеке <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71194768.htm>)

Жорес Ж. История Великой французской революции, т. 1-3. М., 1920—1924.

Кареев Н.И. Жорж-Жак Дантон. — "Вестник Европы", 1915, кн. 9.

Кунов Г. Борьба классов и партий во французской революции 1789—1794 гг. (глава о дантонистах). М., 1923. (в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow)

Лотте С. Великая французская революция (популярный очерк). М., 1933. (полный текст в нашей библиотеке <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p91883153.htm>)

Лукин Н.М. Робеспьер. М., 1924. (полный текст в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/robch_mem.htm#lukin)

Лукин Н.М. Новейшая история Западной Европы. М., 1923.

Манфред А.З. Великая буржуазная революция XVIII века. М., 1956. (полный текст в библиотеке сообщества «Знание - власть» http://community.livejournal.com/znanie_vlast/89047.html)

Матьез А. Французская революция, т. I—III. М.—Л., 1925—1930.

Матьез А. Новое о Дантоне (вступительная статья Ц.Фридлянда). М.—Л., 1928.

Нарочницкий А.Л. Крушение дипломатии Дантона в июне-июле 1793 года. — "Доклады и сообщения исторического факультета МГУ", 1947, вып. 6.

Олар А. Ораторы революции, т. I—II. М., 1907—1908.

Фрейберг Н. Дантон. БСЭ (1-е изд.), т. 20.

Фридлянд Ц. Марат и гражданская война XVIII века.

Фридлянд Ц. История Западной Европы, т. I.

Херасков И. Дантон и процесс короля. — "Голос минувшего", 1916, № 12.

Общие исследования по истории французской революции Л.Блана, Ламартина, Мишле, Сореля, Жореса, Кунова, Матьеза и др.

Французская буржуазная революция. 1789—1794. Под ред. В.П.Волгина и Е.В.Тарле. М., 1941.

Aulard F.A. Etudes et leçons sur la Révolution Française, t.I— IX. Paris, 1893—1924.

Babeau A. La province sous l'ancien régime. Paris, 1894.

Barère B. Mémoires, t.I—IV. Paris, 1894.

Barthou L. Danton. Paris, 1932.

Bougeart A. Danton. Paris — Bruxelles, 1861.

Christophe R. Danton. Paris, 1964.

Danton G.-J. Discours. Paris, 1910.

Desmoulins C. Oeuvres, t.I—II. Paris, 1894.

Dubost A. Danton et la politique contemporaine. Paris, 1880.

Dumouriez C.F. Mémoires. Paris, 1834.

Lefebvre G. Sur Danton. — "Etudes sur la Révolution française", 2-е ed. Paris, 1963.

Lefebvre G. La Révolution française, 2-е ed. Paris, 1951.

Lennox G. Danton. Paris, 1878.

Levasseur R.A. Mémoires. Paris, 1829.

- Madelin L. Danton. Paris, 1914.
- Mathiez A. Autour de Danton. Paris, 1926.
- Mathiez A. Danton et la paix. Paris, 1919.
- Mathiez A. Etudes Robespierriennes, v.I—II. Paris, 1918—1927.
- Mathiez A. L'affaire de la compagnie des Indes. Paris, 1920.
- Pirola G. Sur la fortune de Danton.— "Annales de la Révolution française", 1955, N 141.
- Robinet J.F.E. Danton. Mémoires sur sa vie privée. Paris, 1884.
- Robinet J.F.E. Danton émigré. Paris, 1887.
- Robinet J.F.E. Danton homme d'Etat. Paris, 1889.
- Robinet J.F.E. Le procès des Dantonistes. Paris, 1879.
- Roujon J. Ce bon m-r Danton. Paris, 1929.
- Wendel H. Danton. Berlin. 1930.